

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 2 (26)

2023

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:
**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.
Журнал издается с 2016 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, мл. науч. сотр., НОЦ исторических исследований и анализа

Технический секретарь

А. Е. Жукова, мл. науч. сотр., НОЦ исторических исследований и анализа

Редакционная коллегия

- А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
- О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
- Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
- С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
- В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия
- С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
- К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
- Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
- Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
- М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
- Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
- Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией. Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании. Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration ПИИ № ФС77-68612,
March 04, 2016
The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into the list of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Junior researcher, Scientific and Educational Center of Historical Research and Analysis

Technical secretary

A. E. Zhukova, Junior researcher, Scientific and Educational Center of Historical Research and Analysis

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia
S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

- Е. Н. Крылова** [8]
Инспектора по надзору за типографиями и книжной торговлей в системе государственного управления России на примере Санкт-Петербурга (1863–1914 гг.)
- Ю. Е. Кондаков** [22]
Борьба за нравственность российских паломников во второй половине XIX века
- Н. Н. Демьяненко** [37]
Отношение официальной российской власти к болгарским подданным после объявления войны в октябре 1915 года на примере служащих управления строительства железных дорог России
- А. С. Бизин** [48]
Кадровая ситуация в ленинградской торговле в 1944–1947 гг.
- М. В. Штылева, Н. Л. Пушкарева** [64]
Повседневность мурманчанок и начало женского движения на Кольском полуострове в годы «перестройки»

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

- И. В. Синова** [82]
Охрана здоровья воспитанников благотворительных заведений для детей в середине XIX – начале XX вв. (на материалах Санкт-Петербурга)
- С. С. Казаров** [100]
Балабановские рощи как место памяти донских армян
- В. В. Бобровников** [110]
Во что одевались жители Петрограда в феврале–октябре 1917 года

- Н. В. Тихомиров** [126]
«Коренной вопрос дня»: смотр общественного питания
1930 г. в Западной Сибири (по материалам газеты
«Советская Сибирь»)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Е. В. Годова** [144]
Рассказ Н. К. Бухарина «Очерки прилинейной
жизни оренбургских казаков. Хивинка» как
исторический источник о повседневной жизни казаков
южноуральского фронта середины XIX века

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

- И. Г. Иванцов, И. В. Дубинин** [153]
«...Я начинаю опасаться, как бы и из меня
не образовался из учителя чиновник».
Письма С. П. Кривцова к И. Д. Попко (1874–1875)
- Е. В. Никуленкова** [168]
Александр Николаевич Слепков: подававший надежды,
но несостоявшийся историк
- В. С. Мильбах, Ф. К. Саберов** [192]
«Работал добросовестно и много...»
(Жизнь и судьба флагамена 1 ранга А. К. Сивкова)

ПУБЛИКАЦИИ

- В. А. Веремко, С. В. Степанов** [213]
Дневник воспитательницы летней детской колонии
Петербургской городской думы в Лужском уезде
Санкт-Петербургской губернии учительницы
П. И. Шишипторовой
- Сведения об авторах [231]

CONTENTS

SOCIETY AND POWER

- Elena N. Krylova** [8]
Inspectors for the supervision of printing houses and book trade in the system of state administration of Russia on the example of St. Petersburg (1863–1914)
- Yury E. Kondakov** [22]
Struggle for the morality of Russian pilgrims in the second half of the 19th century
- Nikolay N. Demyanenko** [37]
Attitude of the official Russian authorities to Bulgarian subjects after the declaration of war in October 1915 on the example of employees of the Russian Railway Construction Department
- Aleksey S. Bizin** [48]
Personnel situation in the Leningrad trade in the first post-war years
- Mariya V. Shtyleva, Natalia L. Pushkareva** [64]
Everyday life of Murmansk women and the beginning of the women's movement on the Kola Peninsula during the "Perestroika" years

REGIONAL EVERYDAY LIFE

- Irina V. Sinova** [82]
Health protection of pupils of charitable institutions for children in the middle of the 19th – early 20th centuries (based on St. Petersburg materials)
- Sarkis S. Kazarov** [100]
Balabanovskiye groves as a place of memory of the Don Armenians
- Vladimir V. Bobrovnikov** [110]
What did the population of Petrograd wear in February–October 1917

- Nikita V. Tikhomirov** [126]
"The key question of the day": review of public catering
in 1930 in Western Siberia (based on the materials
of the newspaper "Soviet Siberia")

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

- Elena V. Godovova** [144]
The story of N. K. Bukharin "Essays on the linear life
of the Orenburg Cossacks. Khivinka" as a historical source
about the everyday life of the Cossacks of the South Ural
frontier in the mid-19th century

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

- Igor G. Ivantsov, Igor V. Dubinin** [153]
"... I am beginning to fear that an official might be formed
from a teacher out of me". Letters of S. P. Krivtsov
to I. D. Popko (1874–1875)

- Elena V. Nikulenkova** [168]
Alexander Nikolayevich Slepko:
a promising but unfulfilled historian

- Vladimir S. Milbach, Fyodor K. Saberov** [192]
"I worked conscientiously and a lot..."
(The life and fate of the 1st rank flagship A. K. Sivkov)

PUBLICATIONS

- Valentina A. Veremenko, Stanislav V. Stepanov** [213]
Diary of P. I. Shishipectorova, teacher of summer children's
colony of St. Petersburg City Duma in the Luga district
of St. Petersburg province

- About Authors [231]

Инспектора по надзору за типографиями и книжной торговлей в системе государственного управления России на примере Санкт-Петербурга (1863–1914 гг.)

Е. Н. Крылова

Статья посвящена вопросу надзора за типографиями и книжной торговлей в России в дореволюционный период. Особое внимание уделено обязанностям старшего инспектора и инспекторов по надзору за типографиями и книжной торговлей. Основой для рассмотрения данного вопроса стали доклад ревизора Главного управления по делам печати М. И. Догеля, отложившийся в фонде Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российского государственного исторического архива, и переписка по канцелярии старшего инспектора, находящаяся в фонде инспекции надзора за типографиями, литографиями и тому подобными заведениями и книжной торговлей при управлении Петроградского градоначальства и столичной инспекции в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Автор приходит к выводу, что расширение функций и должностных обязанностей при сохранении штата инспекторов увеличивал нагрузку на чинов инспекции. В целом деятельность инспекторов отражала общую ситуацию в управлении страной: необходимость пересмотра действующих функций, обязанностей, увеличение штата и реформирование сложившейся системы управления.

Ключевые слова: цензура, инспектор по надзору за типографиями и книжной торговлей, обязанности инспекторов по надзору за типографиями и книжной торговлей, М. И. Догель, Министерство внутренних дел, Главное управление по делам печати.

Для цитирования: Крылова Е. Н. Инспектора по надзору за типографиями и книжной торговлей в системе государственного управления России на примере Санкт-Петербурга (1863–1914 гг.) // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 8–21. DOI 10.35231/25422375_2023_2_8

Введение

Начало XX в. характеризуется ростом периодической печати и увеличением количества типографий в крупных городах Российской империи. Надзор за распространением печати осуществляло Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел.

История цензуры привлекает внимание современных исследователей. Организационно-правовые вопросы функционирования Главного управления по делам печати рассматривал А. В. Амбросьев [1–3]. Деятельность в области формирования общественного мнения о власти отражена в работах Е. Н. Крыловой [4; 5]. Вопросу функционирования цензурного ведомства посвящены работы Н. Г. Патрушевой [6–9]. Изучается местная специфика развития типографского и книжного дела на рубеже веков [10–13]. М. А. Шицкова исследует административно-правовое регулирование книгораспространения в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. [14; 15]. Вместе с тем обязанности инспектора по надзору за типографиями и книжной торговлей остались пока за пределами научного изучения.

Целью статьи является анализ должностных обязанностей инспектора по надзору за типографиями и книжной торговлей в Санкт-Петербурге в начале XX в. Источниками для статьи послужили доклад ревизора Главного управления по делам печати М. И. Догеля, отложившийся в фонде Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российского государственного исторического архива, и переписка по канцелярии старшего инспектора, находящаяся в фонде инспекции надзора за типографиями, литографиями и тому подобными заведениями и книжной торговлей при управлении Петроградского градоначальства и столичной инспекции в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга. Работа написана с использованием метода исторической реконструкции.

Надзор за книгопечатанием, книготорговлей и продажей принадлежностей тиснения был установлен в 1863 г. Основным правовым документом, регламентировавшим деятельность инспекторов, была инструкция министра внутренних дел от 10 августа 1865 г. Деятельность старшего инспектора типографий и книжной торговли и пяти инспекторов регули-

ровалась инструкцией и циркулярами департамента полиции и Санкт-Петербургского градоначальника. Созданный в 1863 г. институт надзора за книгопечатанием и книжной торговлей оставался без изменений в течение длительного времени.

В 1914 г. член совета Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел М. И. Догель предоставил доклад по ревизии Санкт-Петербургского старшего инспектора типографий и книжной торговли и инспекторов, в котором указал на неправильную и устаревшую постановку дела. Как отмечал М. И. Догель, «некоторые поправки, вызываемые требованиями времени, были внесены в деятельность инспекторского надзора путем указаний, преподававшихся неоднократно Главным управлением по делам печати и С.-Петербургским градоначальником, в большинстве случаев в словесной форме, чинам инспекции, но коренных изменений эти указания в их деятельность не внесли, да и не могли внести» [16, л. 125 об.]. Н. Г. Патрушева приводит данные на 1911 г. о количестве 4867 заведений, подведомственных инспекторскому надзору в Санкт-Петербурге [17, с. 391–392].

Функции инспекторов типографий и книжной торговли

В обязанности инспекторов книжной торговли входили:

- 1) дача заключений по ходатайствам просителей об открытии и содержании заведений печати (типографий, типолиотографий, металлографий, хромотипий, метахромотипий, фототипий), занимающихся тиснением или изготовляющих и продающих принадлежности тиснения, а также книжной торговли, складов, киосков, ларей, библиотек, читален;
- 2) осмотр помещений, в которых предполагаются к открытию заведения;
- 3) ревизия книжной торговли, библиотек, заведений, занимающихся тиснением и изготовляющих принадлежности тиснения;
- 4) наложение арестов на произведения непериодической печати;
- 5) производство вырезок из произведений печати, на которые наложен арест, если данное произведение допускается к выпуску в свет с исключениями;

6) уничтожение произведений печати во исполнение судебных определений [16, л. 125 об.];

7) составление протоколов за формальные нарушения устава о цензуре и печати владельцами заведений печати;

8) поддержание обвинений на суде;

9) явка к следователю по делам изданий, на которые инспекторами накладываются аресты во исполнение постановлений Санкт-Петербургского комитета по делам печати;

10) выступление в судебной палате и окружном суде в качестве свидетеля по делам изданий, на которые инспекторами наложен арест;

11) рассылка по типографиям разного рода циркулярных распоряжений инспекции (см, например, [18, л. 1–204, 236–239]), основанных на указаниях Главного управления по делам печати или Санкт-Петербургского градоначальника;

12) рассмотрение и улаживание недоразумений, возникающих между рабочими и владельцами тех типографий, которые не причислены к фабрично-заводским предприятиям, т.е. имеют не свыше 16 рабочих и у них нет механических двигателей;

13) наблюдение на улицах столицы за газетчиками и другими продавцами произведений печати;

14) составление годового отчета;

15) присутствие по сообщениям судебных приставов на продажах с публичного торга типолитографского инвентаря и произведений печати;

16) совещания инспекторов по различным вопросам, касающимся заведений печати [16, л. 126].

Рядом циркуляров департамента полиции и санкт-петербургского градоначальника к этим обязанностям были добавлены следующие:

1) следить за недопущением распространения открытых писем со священными для христиан изображениями;

2) надзирать за нераспространением продажи изданий безнравственного и соблазнительного содержания;

3) цензура художественных выставок (до 40 в год) и граммофонных пластинок;

4) цензура объявлений библиографического характера;

5) цензура кинематографических фильмов;

6) фактическое наблюдение за кинематографами [16, л. 126 об.].

По утверждению ревизора последние три обязанности были наиболее тяжелыми и обременительными, поскольку отнимали у чинов инспекторского надзора большое количество времени.

Таким образом, для инспекторов типографий и книжной торговли постепенно образовался новый, обширный круг служебных обязанностей, непредусмотренных инструкцией 1865 г. Обязанности, обозначенные инструкцией, также в весьма значительной мере возросли количественно в силу развития печатного дела и книготорговли, личный же состав инспекторского надзора остался тем же, каким он был и в 1865 г., т.е. один старший инспектор и пять участковых.

При многообразии обязанностей и малочисленности штата чинов инспекторского надзора, а также росте как самого города, так и существующих в нем заведений книгопечатания и книготорговли создалось положение, когда участковые инспектора работали на больших по протяженности участках на передвижение, по которым уходило большое количество времени.

При увеличивавшемся объеме работы и ограниченном штате случалось, что инспекторов вызывали досрочно из отпусков [19, л. 8]. Так, в письме начальника Главного управления по делам печати С. С. Татищева помощнику санкт-петербургского градоначальника О. И. Вендорфу прямо указывалось, что «в виду расстроенного здоровья действительного статского советника Бутовского и нахождения в отпуске двух участковых инспекторов по надзору за типографиями статских советников Тихоновича и Любимова оставшиеся чины инспекции переобременены работой и лишены возможности исполнять свои обязанности с достаточной быстротой и тщательностью» [19, л. 9].

Деятельность старшего инспектора типографий и книжной торговли

Старший инспектор помимо выполнения своих обязанностей одновременно должен был выполнять функции участкового инспектора. Согласно ст. 2 инструкции 1865 г. старший инспектор являлся и одним из участковых инспекторов и нес одинаковые с ними по этому участку обязанности. Старший инспектор «сверх того заведывает перепиской по общим всем

инспекторам вопросам, которые представляются на разрешение генерал-губернатора, по предварительном обсуждении их всеми инспекторами столицы, в общем совещании», а ст. 3 инструкции говорила об обязанности старшего инспектора объявлять инспекторам к исполнению указания генерал-губернатора и инструкции Главного управления по делам печати, наблюдать за точным их исполнением и, наконец, составлять общий годовой отчет о деятельности чинов инспекции.

В руках старшего инспектора было сосредоточено все дело-производство по инспекции. Ст. 4 инструкции 1865 г. обязала старшего инспектора ежегодно представлять в Главное управление по делам печати общий годовой отчет о деятельности чинов инспекции. Отчет этот, согласно инструкции, должен был быть представлен не позднее 1 марта последующего за отчетным года.

Старший инспектор вел всю переписку с Главным управлением по делам печати, с Санкт-Петербургским комитетом по делам печати, контакты со следственной и прокурорской властью об изданиях, на которые наложен арест, дело-производство по взысканиям, накладываемым в административном порядке, всю переписку по делам печати Санкт-Петербургского градоначальника с высшими учреждениями, посылал ответы на запросы отделения по охране общественной безопасности и порядка и доставлял ежемесячно в это отделение отчеты об изданиях, на которые наложен арест и административные взыскания. Кроме этого приказом Санкт-Петербургского градоначальника с ноября 1905 г. на старшего инспектора типографий и книжной торговли было возложено рассмотрение поступающих заявлений о желании выпустить повременное издание, выдача свидетельств в двух экземплярах (для издателя и типографа) и отправка копий со свидетельств в Главное управление по делам печати [16, л. 128].

В распоряжении старшего инспектора находились шесть нештатных писцов Санкт-Петербургского градоначальства. Собственного дело-производителя у старшего инспектора не было.

Просматривая представленные старшим инспектором в Главное управление по делам печати отчеты за 1911–1912 гг., ревизор нашел в них недочет: отсутствие сведений относительно

деятельности чинов инспекции по надзору за печатными заведениями и книжной торговлей. Из отчета нельзя было понять, сколько раз, какие именно и с какими результатами были осмотрены чинами инспекции печатные заведения и заведения книжной торговли.

Таким образом, старший инспектор выполнял широкий круг обязанностей.

Наложение арестов на печать

Также старший инспектор должен был выполнять постановления Санкт-Петербургского комитета по делам печати о наложении арестов на повременную и неповременную печать.

Относительно повременной печати ревизором были взяты для просмотра дела 1914 г., касающиеся арестов рабочих газет.

Сообщение Санкт-Петербургским комитетом старшему инспектору приказов об аресте периодической печати совершалось по телефону. Старший инспектор отправлял телеграммы с приказами о выполнении ареста со станции градоначальства. Телеграммы посылались в большинстве случаев между 6–8 ч. утра, протокол об аресте составлялся безотлагательно [16, л. 129 об.].

Таким образом, можно сказать, что инспекцией аресты производились своевременно, без задержки и обязанности она выполняла добросовестно. Тем не менее количество арестованных экземпляров специальных изданий, редко превышая 10–15 % всего издания, часто было незначительным, в отдельных случаях даже не удавалось задержать ни одного экземпляра. При этом некоторые газеты, как, например, «Северная рабочая газета», в большинстве случаев задерживались в большем количестве экземпляров (из 10 000–15 000 отпечатанных до 1000–3000 задержанных), другие как, например, «Бодрая мысль», «Мысль труда», «Смелая мысль» при тираже в среднем около 10 000 экз. давали в большинстве случаев не более 20 задержанных экземпляров.

Применительно к неповременной печати, на произведения которой по постановлению Санкт-Петербургского комитета были наложены аресты, в большинстве случаев задержания накладывались также своевременно.

Постановления Санкт-Петербургского комитета о наложении ареста на неповременные издания делались в дневных заседа-

ниях, приказы об арестах составлялись вечером и отсылались бумагой старшему инспектору поздно вечером. Протокол обычно составлялся через одно число после числа, которым помечен приказ об аресте.

Ревизор делал вывод, что, если бы старший инспектор был освобожден от обязанности самостоятельного заведывания отдельным участком, деятельность его как старшего инспектора от этого только выиграла бы. Если в 1865 г. было возможным соединение в одном лице роли старшего инспектора и участкового, то к 1914 г. при расширившейся деятельности той и другой должностей, при необходимости вести большое и сложное делопроизводство, такое совмещение являлось нежелательным.

Надзор за печатными заведениями и книжной торговлей

Согласно пометкам в типографских книгах, инспектор посещал типографии четыре раза в год. Привлечение к ответственности владельцев типографий могло производиться как инспекторами, так и по инициативе Санкт-Петербургского комитета по делам печати. Так, инспектором Вальденбергом с 1 января по 15 июня 1914 г. было составлено пять протоколов против различных лиц, причастных к печатному делу [16, л. 131 об.]. По инициативе же Санкт-Петербургского комитета только в период времени с 7 февраля по 14 марта 1914 г. было возбуждено 13 судебных преследований против владельцев типографий [16, л. 132]. Основным поводом для привлечения владельцев типографий к ответственности стала печать рисунков в повременном издании, не представленных на предварительный просмотр Санкт-Петербургскому комитету.

Еще одной причиной возбуждения судебных преследований против владельцев типографий по инициативе Санкт-Петербургского комитета было непредоставление типографщиками в Комитет по делам печати необходимого числа экземпляров.

Самым слабым местом в деятельности инспекторского надзора являлся надзор за книжной торговлей. Инспекторы посещали книжные лавки, склады и магазины, но установить документально факт этих посещений было невозможно, так как у книготорговцев не было регистрационных книг, подобных книгам владельцев типографий, в которых чины инспекции

могли зарегистрировать свои посещения и осмотры книжных запасов заведений. С другой стороны, за период с 1912 по 1914 гг. ни одного протокола с привлечением к судебной ответственности против владельцев книжных лавок, магазинов и складов не составлялось [16, л. 133].

Практика установила следующий порядок осмотра книжных складов и магазинов: берутся и просматриваются на выдержку книги с каждой полки, делается осмотр витрин и других хранилищ. Так, как согласно инструкции, осмотр книжных лавок, магазинов и складов может быть осуществлен только днем, в часы, когда производится торговля, и при условии «никоем образом не чинить производству последней каких-либо затруднений», то фактический осмотр книжного запаса большого и посещаемого магазина был весьма затруднительным. Инспектору приходилось без посторонней помощи лазить по всем полкам, заглядывать во все хранилища, причем при желании запрещенный товар всегда мог быть от него скрыт, вынесен или спрятан, так что единственным практическим выходом для инспектора было положиться на добросовестность книготорговца.

Это положение еще больше осложнялось для торговли, не имевшей каталогов наличного книжного товара. Весь характер ревизии книжной торговли носил отпечаток случайности: в одном случае просматривались целые шкафы и комнаты с книгами и ничего запрещенного найдено не было, в других – удавалось попасть на запрещенное издание. Арест таких изданий являлся не результатом планомерного расследования, а «чисто делом случая» [16, л. 133 об.]. Чем добросовестнее был торговец, чем менее склонен намеренно распространять запрещенные издания, тем легче могли у него быть обнаружены отдельные запрещенные экземпляры. Торговец весьма часто сам не знал, являлось ли издание запрещенным или нет. Продавец же, намеренно желавший распространить запрещенные издания, при осмотре инспектором товарного помещения мог при желании скрыть, вынести или завалить другими книгами запрещенные издания и обнаружить их было довольно сложно, а при существовавшем составе инспекции – невозможно. После осмотра книготорговец опрашивался, есть ли у него сведения о запрещенных изданиях, давались указания о наложении ареста, который часто не составлялся, так как, по мнению

инспектора, это было бесполезным, поскольку почти всегда обнаруживались лишь те из запрещенных изданий, которые еще не успели занести в алфавитный указатель запрещенных изданий (см., например, [18, л. 247–269, 278–317]), на которые наложен арест, а следовательно, книготорговец не мог быть привлечен к ответственности. Инспектор в таких случаях делал распоряжение о доставке обнаруженных изданий в канцелярию старшего инспектора, а часто эти издания уничтожались книготорговцем [20].

При этом инспектор отмечал, что даже при самой тщательной проверке содержания магазина или книжного склада всегда возможно, что вскоре после посещения инспектором в него поступит партия запрещенных изданий, и таким образом «вчера вполне безупречный осмотренный инспектором магазин может завтра оказаться наполненным запрещенными изданиями» [16, л. 134]. Кроме того, склад запрещенного издания мог храниться в частной квартире и оттуда могли поступать в продажу отдельные экземпляры.

Обсуждение и выводы

Таким образом, член совета Главного управления по делам печати М. И. Догель пришел к выводу, что «дело постановления инспекторского надзора и его деятельность требовали коренных изменений и, прежде всего, увеличение числа инспекторов и сложение с них Инструкцией непредусмотренных и наложенных на них приказами градоначальника добавочных обязанностей» [16, л. 134].

Итак, институт надзора за типографиями и книжной торговлей претерпел определенные изменения. Расширение функций и должностных обязанностей при сохранении штата инспекторов увеличивал нагрузку на чинов инспекции. Старший инспектор и участковые инспектора находились в ведении Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел. Деятельность инспекторов отражала общую ситуацию в управлении страной: необходимость пересмотра действующих функций, обязанностей, увеличение штата и реформирование сложившейся системы управления. На инспекторов было возложено большое количество обязанностей, справиться с которыми было крайне трудно. Старший инспектор по надзо-

ру за типографиями и книжной торговлей помимо выполнения своих прямых обязанностей одновременно должен был исполнять и функции участкового инспектора.

Наложение арестов на печать и надзор за печатными заведениями и книжной торговлей осуществлялись регулярно, однако увеличение количества типографий, литографий и других печатных заведений при неизменном составе инспекции приводило к тому, что заведения проверялись инспекторами выборочно, о чем свидетельствовали записи в специальных типографских книгах. Таким образом, создавались предпосылки для распространения нелегальной литературы. Добросовестно выполняя свои функции, инспектора по надзору за типографиями и книжной торговлей, тем не менее не могли помешать распространению запрещенной литературы. Распространение нелегальной литературы постепенно приобретало значительные масштабы, формируя негативное общественное мнение о государственной власти. Недальновидность правительства в области надзора за типографиями и книжной торговлей является одним из проявлений кризиса власти в начале XX в.

Список литературы

1. Амбросьев А. В. Роль МВД в цензурной политике до образования Главного управления по делам печати // Российский следователь. – 2010. – № 21. – С. 37–39.
2. Амбросьев А. В. Деятельность Главного управления по делам печати по контролю за средствами массовой информации и распространению печатной продукции // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 12. – С. 282–284.
3. Амбросьев А. В. Нормативно-правовое регулирование деятельности Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // История государства и права. – 2012. – № 5. – С. 26–30.
4. Крылова Е. Н. Деятельность Главного управления по делам печати в области формирования позитивного общественного мнения о власти в начале XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. – №4 (56). – Ч. II. – С. 103–106.
5. Крылова Е. Н. Главное управление по делам печати министерства внутренних дел в 1902–1904 гг. // Клио. – СПб., 2016. – № 4 (112). – С. 56–61.
6. Патрушева Н. Г. История цензурных учреждений в России во второй половине XIX – начале XX века. // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX веков. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2000. – С. 7–48.

7. Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в России в XIX – начале XX в.: структура и штаты // Проблемы истории государственного управления: государственный аппарат и реформы в России. – СПб.: Нестор, 2004. – С. 135–138.

8. Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г. Центральные учреждения цензурного ведомства (1804–1917) // Книжное дело в России в XIX – начале XX века. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. С. 185–302.

9. Патрушева Н. Г. Циркуляры цензурного ведомства о надзоре за типографиями и книжной торговлей во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 3 (28). – С. 10–14.

10. Кононова Т. Л. Создание и распространение провинциальных типографий в России во второй половине XIX–начале XX в. (на примере Курской губернии) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2021. – № 2 (22). – С. 43–53.

11. Константинов К. Б. Деятельность частных типографий в России во второй половине XVIII века: историко-правовой аспект // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2006. – Т. 2. – № 19. – С. 44–48.

12. Гринченко Н. А. Книжная торговля Санкт-Петербурга 1860–1870х гг. в отчетах инспекторского надзора // Цензура в России: история и современность. – СПб.: Российская национальная библиотека, 2017. – С. 264–287.

13. Крылова Е. Н. Государственный контроль за системой дистрибуции периодических изданий в России в начале XX в. // Вестник Рязанского государственного университета им. А. С. Есенина. – 2020. – № 4 (69). – С. 16–22. DOI: 10.37724/RU.2020.69.4.002

14. Шицкова М. А. История книгораспространения в Оренбургской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Челябинск: Челябинская государственная академия культуры и искусств, 2014. 155 с.

15. Шицкова М. А. Характеристика административно-правового регулирования книгораспространения в Российской провинции во второй половине XIX в. // Библиосфера. – 2016. – № 4. – С. 88–93.

16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776. Оп. 23. Д. 8.

17. Патрушева Н. Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Северная звезда, 2013. 620 с.

18. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 706. Оп. 1. Д. 711.

19. ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 651.

20. ЦГИА СПб. Ф. 706. Оп. 1. Д. 643.

Inspectors for the supervision of printing houses and book trade in the system of state administration of Russia on the example of St. Petersburg (1863–1914)

Elena N. Krylova

The article is devoted to the issue of supervision of printing houses and book trade in Russia in the pre-revolutionary period. Special attention is paid to the duties of the chief inspector and inspectors for the supervision of printing houses and book trade. The basis for consideration of this issue was the report of the auditor of the Main Directorate for Press Affairs M. I. Dogel, deposited in the fund of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian State Historical Archive and correspondence on the Office of the Chief Inspector, located in the fund of the Inspection of Supervision of Printing Houses, Lithographs and similar institutions and book trade under the Management of the Petrograd City Administration and Capital Inspection in the Central State Historical Archive of St. Petersburg. The author comes to the conclusion that the expansion of functions and job responsibilities while maintaining the staff of inspectors increased the burden on the inspection officials. The inspectors' activities reflected the general situation in the country's governance: the need to review existing functions, responsibilities, increase staff and reform the existing management system.

Key words: Censorship, Inspector for Supervision of Printing Houses and Book Trade, duties of Inspectors for the Supervision of Printing Houses and Book Trade, M. I. Dogel, Ministry of Internal Affairs, General Department for Press Affairs.

For citation: Krylova, E. N. (2023). Inspektora po nadzoru za tipografijami i knizhnoj trgovlje v sisteme gosudarstvennogo upravlenija Rossii na primere Sankt-Peterburga (1863–1914) [Inspectors for the supervision of printing houses and book trade in the system of state administration of Russia on the example of St. Petersburg (1863–1914)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 8–21. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_8

References

1. Ambros'ev, A. V. (2010) *Rol' MVD v cenzurnoj politike do obrazovaniya Glavnogo upravleniya po delam pečati* [The role of the Ministry of Internal Affairs in censorship policy before the formation of the Main Directorate for Press Affairs] // *Rossijskij sledovatel'* [Russian investigator]. No. 21. Pp. 37–39. (In Russ.)
2. Ambros'ev, A. V. (2011) *Deyatel'nost' Glavnogo upravleniya po delam pečati po kontrolyu za sredstvami massovoj informacii i rasprostraneniyu pečatnoj produkcii* [Activities of the Main Directorate for Press Affairs for the Control of mass Media and the distribution of printed products] // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 12. Pp. 282–284. (In Russ.)
3. Ambros'ev, A. V. (2012) *Normativno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti Glavnogo upravleniya po delam pečati Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj imperii vtoroj poloviny XIX – nachala XX v.* [Regulatory and legal regulation of the activities of the Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century] // *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law]. No. 5. Pp. 26–30. (In Russ.)
4. Krylova, E. N. (2015) *Deyatel'nost' Glavnogo upravleniya po delam pečati v oblasti formirovaniya pozitivnogo obščestvennogo mneniya o vlasti v nachale XX v.* [The activities of the General Directorate for Press Affairs in the field of forming a positive public opinion about the government in the early twentieth century] // *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. Tambov. No. 4 (56). Part II. Pp. 103–106. (In Russ.)

5. Krylova, E. N. (2016) *Glavnoe upravlenie po delam pečati ministerstva vnutrennih del v 1902–1904 gg.* [The Main Directorate for Press Affairs of the Ministry of Internal Affairs in 1902–1904] // *Klio* [Clio]. No. 4 (112). Pp. 56–61. (In Russ.)
6. Patrusheva, N. G. (2000) *Istoriya cenzurnyh uchrezhdenij v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [The history of censorship institutions in Russia in the second half of the XIX – early XX century] // *Knizhnoe delo v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov* [Book business in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries]. St. Petersburg: Rossijskaya nacional'naya biblioteka. Pp. 7–48. (In Russ.)
7. Grinchenko, N. A., Patrusheva, N. G. (2004) *Cenzurnoe vedomstvo v Rossii v XIX – nachale XX v.: struktura i shtaty* [Censorship department in Russia in the XIX – early XX century: structure and staff] // *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya: gosudarstvennyj apparat i reformy v Rossii* [Problems of the History of public Administration: the state Apparatus and Reforms in Russia]. St. Petersburg: Nestor. Pp. 135–138. (In Russ.)
8. Grinchenko, N. A., Patrusheva, N. G. (2008) *Central'nye uchrezhdeniya cenzurnogo vedomstva (1804–1917)* [Central institutions of the Censorship Department (1804–1917)] // *Knizhnoe delo v Rossii v XIX-nachale XX veka* [Book business in Russia in the XIX-early XX century]. St. Petersburg: Rossijskaya nacional'naya biblioteka. Pp. 185–302. (In Russ.)
9. Patrusheva, N. G. (2016). *Cirkulyary cenzurnogo vedomstva o nadzore za tipografijami i knizhnoj trgovlevj vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Circulars of the censorship department on the supervision of printing houses and book trade in the second half of the XIX – early XX century] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the St. Petersburg State University of Culture and Arts]. No. 3 (28). Pp. 10–14. (In Russ.)
10. Kononova, T. L. (2021) *Sozdanie i rasprostranenie provincial'nyh tipografij v Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. (na primere Kurskoj gubernii)* [Creation and distribution of provincial printing houses in Russia in the second half of the XIX – early XX century (on the example of Kursk province)] // *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University]. No. 2 (22). Pp. 43–53. (In Russ.)
11. Konstantinov, K. B. (2006) *Deyatel'nost' chastnyh tipografij v Rossii vo vtoroj polovine XVIII veka: istoriko-pravovoj aspekt* [Activity of private printing houses in Russia in the second half of the XVIII century: historical and legal aspect] // *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena* [Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University]. Vol. 2. No. 19. Pp. 44–48. (In Russ.)
12. Grichenko, N. A. (2017) *Knizhnaya trgovlya Sankt-Peterburga 1860–1870h gg. v otchetah inspektorskogo nadzora* [The book trade of St. Petersburg in the 1860s–1870s in the reports of the inspection supervision] // *Cenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'* [Censorship in Russia: History and modernity]. St. Petersburg: Rossijskaya nacional'naya biblioteka. Pp. 264–287. (In Russ.)
13. Krylova, E. N. (2020) *Gosudarstvennyj kontrol' za sistemoy distribucii periodicheskikh izdaniy v Rossii v nachale XX v.* [State control over the distribution system of periodicals in Russia in the early twentieth century] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Esenina* [Bulletin of Ryazan State University named after A. S. Yesenin]. No. 4 (69). Pp. 16–22. DOI: 10.37724/RSU.2020.69.4.002 (In Russ.)
14. Shickova, M. A. (2014) *Istoriya knigorasprostraneniya v Orenburgskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [The history of book distribution in the Orenburg province in the second half of the XIX – early XX century]. Chelyabinsk: Chelyab. gos. akad. kul'tury i iskusstv. (In Russ.)
15. Shickova, M. A. (2016) *Harakteristika administrativno-pravovogo regulirovaniya knigorasprostraneniya v Rossijskoj provincii vo vtoroj polovine XIX v.* [Characteristics of administrative and legal regulation of book distribution in the Russian province in the second half of the XIX century] // *Bibliosfera* [Bibliosphere]. No. 4. Pp. 88–93. (In Russ.)
16. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive]. F. 776. Op. 23. D. 8.
17. Patrusheva, N. G. (2013) *Cenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoj sisteme Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century]. St. Petersburg: Severnaya zvezda. (In Russ.)
18. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (CGIA SPb)* [Central State Historical Archive of St. Petersburg]. F. 706. Op. 1. D. 711.
19. *CGIA SPb*. F. 706. Op. 1. D. 651.
20. *CGIA SPb*. F. 706. Op. 1. D. 643.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023
Одобрена после рецензирования 6.03.2023
Принята к публикации 14.03.2023

Борьба за нравственность российских паломников во второй половине XIX в.

Ю. Е. Кондаков

В XIX в. паломничество к святым местам Востока стало массовым явлением. С увеличением количества паломников власти столкнулись с тем, что некоторые из них совершали безнравственные поступки и правонарушения. Дипломаты сообщали, что в Иерусалиме российские паломники пьянствуют, дерутся, бродяжничают, попрошайничают, занимаются сводничеством и даже проституцией. Все это подтвердил глава первой Духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский). Он предложил обширный план, призванный повысить нравственность паломников и предотвратить правонарушения с их стороны. Архивные материалы показывают, что после Крымской войны Святейший Синод и Министерство внутренних дел пытались воплотить некоторые предложения Порфирия и его приемника епископа Кирилла. Теперь священников, отправлявшихся в паломничество, должны были предупреждать об ответственности за неблаговидные поступки и проверять их нравственность. Консул в Иерусалиме получил право высылать правонарушителей-паломников и сообщать об их поведении по месту жительства. Эти меры оказались неэффективны, так как штаты консульства и Духовной миссии были недостаточны. Были случаи, когда высланные паломники принимали турецкое подданство. Ситуацию не смогло исправить и Императорское православное палестинское общество. Главными виновниками правонарушений являлись «профессиональные паломники». Эти люди отправлялись к святым местам не в религиозных целях, а для получения незаконного дохода. Категорию «профессиональных паломников» было трудно выделить из массы россиян, приезжавших к святым местам. По этой причине власти не хотели прибегать к жестким мерам

Ключевые слова: святыне места, паломничество, Иерусалим, правонарушения, безнравственность, Святейший Синод, Министерство внутренних дел, консульство, Духовная миссия, Православное палестинское общество.

Для цитирования: Кондаков Ю. Е. Борьба за нравственность российских паломников во второй половине XIX в. // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 22–36. DOI 10.35231/25422375_2023_2_22

Введение

Паломничество к святым местам Палестины всегда было популярно у россиян. До конца XVIII в. российским паломникам приходилось идти пешим путем через турецкие владения, испытывая опасности и невероятные лишения. Последствием российско-турецких войн стали договоры о паломничестве, в результате поток российских паломников в Палестину возрос. До Крымской войны перевоз российских паломников осуществлялся только на иностранных пароходах. Россиян простого звания там размещали на палубе, в самых неудобных условиях и привлекали к корабельным работам. Проезд был труден и дорог. В 1847 г. для получения информации о ситуации на Востоке и связи с греческими церквями в Иерусалим была направлена первая Духовная миссия, деятельность которой была свернута с началом войны.

Новый этап в истории российского паломничества начался в 1856 г. с основания Русского общества пароходства и торговли. Один из его главных акционеров великий князь Константин Николаевич был вдохновителем строительства Русской Палестины – инфраструктуры для российских паломников. Благодаря этому начинанию поток паломников к началу XX в. возрос десятикратно. В Иерусалиме появляется российская община, за нравственностью и порядком в которой наблюдала Духовная миссия и консульство.

Русской Палестине посвящено множество исследований, наиболее крупные из которых написаны уже в XXI столетии [1–6]. В XIX в. начали издаваться описания паломничества россиян в Палестину. Был составлен указатель воспоминаний российских паломников [7]. В современных исследованиях воспоминания паломников часто используются в качестве исторического источника [8–11].

В практике российских паломников была сторона, очень редко затрагиваемая в воспоминаниях и исследованиях. Речь идет о нарушении правил благочестия и преступлениях. Статья базируется на воспоминаниях паломников, членов Духовной миссии в Иерусалиме, документах Министерства иностранных дел (МИД), канцелярии обер-прокурора Св. Синода и Министерства внутренних дел (МВД). Цель данного исследования – рассмотреть эту малоисследованную тему и проследить, как

во второй половине XIX в. российские власти пытались бороться с пороками паломников. Вводимый в научный оборот архивный материал позволит выяснить причины неблагоприятного поведения некоторых российских паломников.

Результаты

М. М. Якушев, на основании рапортов дипломатов, рассматривал быт российских паломников в Константинополе и Иерусалиме в начале XIX в. Исследователь отмечал, что после войны 1812 г. поток российских паломников к святым местам Востока увеличился. Вместе с этим появились и случаи их правонарушений. Дошло до того, что османские власти стали обращать внимание российских дипломатов на случаи недостойного поведения русских богомольцев: пьянство, бродяжничество и попрошайничество. В сообщениях российских дипломатов можно выявить несколько групп российских паломников, с которыми были связаны правонарушения. Первую группу составляла крестьяне, прибывшие в Иерусалим с недостаточными средствами. Они были одеты в рваную и грязную одежду, вынуждены были нищенствовать. Другой более опасной группой были «люди, ведущие образ жизни, несовместимый ни со святостью места, ни с целью паломничества и предающиеся разным соблазнам и искушениям». Их социальный состав был самый пестрый: беглые солдаты, бродяги, бежавшие или высланные из России. Они часто попадали в Иерусалим случайно, в ходе скитаний. Именно эта группа занималась кражами, обманом паломников, мошенническим сбором пожертвований на святые места. Была и третья категория, состоявшая из случайных лиц, использовавших паломничество как повод для развлечения. Особую часть этой группы составляли женщины, которых было существенно больше, чем паломников мужчин. Российские дипломаты сообщали, что женщины-паломницы предаются порокам и многие из них возвращаются в Россию уже с детьми или беременные. Впервые упоминались старухи-паломницы, занимавшиеся сводничеством и даже торговавшие своими молодыми родственницами. По словам дипломатов, число русских женщин-проституток в Константинополе и Иерусалиме было весьма велико. Среди российских паломников фиксировалась брань на улицах и в храмах, ссоры в пьяном виде, драки даже в храме

Гроба Господня. Все это раздражало местных жителей, так как среди мусульман пьянство являлось исключительным явлением. Несмотря на меры, принимаемые российскими властями, положения исправить так и не удавалось [12, с. 220–231].

Будущий глава первой Духовной миссии в Иерусалиме архимандрит Порфирий (Успенский) в 1844 г. пришел к выводу, что за российскими паломниками необходим контроль. Некоторые из них, посетившие Иерусалим несколько раз, ведут торг и живут безумно. Были русские, принимавшие монашество в греческих монастырях. Порфирий писал в дневнике, что в Иерусалимском Федоровском монастыре живут три молодых монаха из русских, все трое женаты и имеют детей. Он приводил исключительные примеры разврата, который «совершается русскими даже в отхожих местах, пристроенных к храму, когда они запираются вместе». Порфирий предлагал: «1) не отпускать из России вместе поклонников и поклонниц, дабы они не знакомились дорогою; 2) отмечать поведение их в монастырях здешних и особым донесением извещать Св. Синод; 3) ответственность за духовных возложить на архиереев, а за мирских – на местных начальников, гражданских и военных; 4) для примера высылать буйных в Россию в кандалах и содержать их в монастырях, как арестантов, смотря по преступлениям их; 5) отбирать деньги на границе и пересылать их в Царь-Град, для уплаты за корабли; 6) постановить правилом не хоронить скоро русских по смерти, а выжидать трое суток; 7) учредить благочинного монаха из русских и духовника; 8) архиереям и местным гражданским властям иметь наблюдение за поклонниками, когда они собирают деньги на Гроб Господень. Ибо случается, что они не отдают их; 9) лучше бы прекратить подобные сборы, а объявить желающим жертвовать, чтобы они тайно посылали богатые и бедные даяния архиереям, а сии – в Иерусалим» [13, с. 361]. Прошло много лет, пока некоторые из предложений Порфирия были притворены в жизнь.

Крымская война прервала работу первой Духовной миссии в Иерусалиме. Весной 1857 г. было принято решение об отправлении в Иерусалим второй Духовной миссии с более широкими полномочиями. Предшествовавшая началу работы миссии переписка с российскими дипломатами на Востоке показывает, что проблемы правонарушений и преступлений паломников

были по-прежнему актуальны. 9 ноября 1857 г. глава Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е. П. Ковалевский сообщал обер-прокурору Св. Синода А. П. Толстому о том, что в паломничестве принимают участие праздные личности и тунеядцы, они собирают в России подаяние на святые места для удовлетворения своих порочных наклонностей, имеют нищенское одеяние. Приводился пример мещанки, постригшейся в Иерусалиме в монахини. Она была изгнана за дурное поведение из Иерусалима и многие годы жила в Константинополе «в предосудительных связях». В другом случае кучер постригся на Афоне при живой жене. Предлагалось не пускать на поклонение женщин моложе 40 лет, проверять перед отправкой, чтобы у паломников было не меньше 120 р. [14, л. 2–5]. Подобные меры одобрены не были.

В январе 1858 года в Иерусалим прибыла вторая Духовная миссия во главе с епископом Кириллом (Наумовым). 2 июня 1858 г. Кирилл отправил в Россию свой рапорт, где касался и поведения паломников. «Многим из них пребывание в Иерусалиме подаёт повод погрязнуть в пороках и развратной жизни», – писал епископ. Он предлагал следующие меры: 1) долгое пребывание в Иерусалиме разрешать только с согласия епископа; 2) не выдавать паспортов на несколько лет; 3) выпускать из России только с разрешения духовенства; 4) русской миссии или консульству дать право делать отметки в паспортах и другим образом сообщать начальству о неблагонадежных лицах [15, л. 2]. Обращает внимание, что часть предложений Кирилла была повторением мер, предлагавшихся Порфирием.

На этот раз Святой Синод отреагировал на предложения по паломникам. В июле 1858 г. там слушались два предложения обер-прокурора, в которых «описываются случаи неблаговидного поведения являющихся в Иерусалим на поклонение лиц Духовного звания». Было решено: предписать епархиальным архиереям, чтобы они увольняли на поклонение в Иерусалим только тех духовных лиц, нравственное состояние которых им хорошо известно. Этим паломникам необходимо делать пасторское внушение с разъяснением о важности предпринимаемого ими путешествия и об ответственности за неблаговидные поступки, совершенные за границей [15, л. 75]. Вскоре указ Святого Синода принял силу закона. В августе 1858 г. канцелярия

его обратилась к министру внутренних дел. Сообщалось, что поведение наших поклонников светских и духовных «крайне неодобрительно, и, тогда как принадлежащие к более образованным классам общества обнаруживают или вольнодумство, или пристрастие к иноверию, низший класс придается распутной и невоздержанной жизни, бродяжничеству, даже кражам и буйству». Святой Синод докладывал о том, что уже принял меры в отношении паломников-священников, а о лицах светских должно позаботиться Министерство внутренних дел.

6 ноября 1858 г. Департамент полиции сообщал в Святой Синод о принятых мерах: «1) поручить консулам нашим в Сирии и Палестине, чтобы они имели, по мере возможности, наблюдение за образом жизни Русских поклонников, в этом крае находящихся, и поставляли бы им, когда найдут это нужным, на вид необходимость воздержаться от всего, что могло бы дать повод к нареканиям; 2) предоставить сим консулам право увольнять из Иерусалима и мест русских поклонников, которые замечены в неодобрительном поведении с указанием в паспорте причины их высылки» [15, л. 82].

Как видно из указов, принятые меры были очень скромны. Российские чиновники на Востоке получила право сообщать в Россию о паломниках, допустивших нарушения. Консулы могли насильно отправлять домой паломников, замеченных в плохом поведении. В ходе обсуждения этих мероприятий высказывались и другие предложения. Обер-прокурор Святого Синода предлагал ввести правила, по которым желающий отправиться в Иерусалим предъявлял свидетельства от церковных причтов о своевременном исполнении им исповеди и причастия. На это II отделение Его Императорского Величества Канцелярии ответило: «трудно предполагать, чтобы тот, кого ни святость места, ни мысль о близости Гроба Господня не удерживают от распутства и даже преступления, удержался от сего только потому, что был прежде у причастия» [16, л. 7]. Закон был отклонен.

На поведение паломниц жаловался глава Духовной миссии в Иерусалиме Антонин (Капустин) в письмах к послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву. 2 мая 1868 г. он умолял «выполнить геркулесовское дело очищения греческих (так называемых) монастырей Иерусалима от наших поклонниц... Их нужно просто

выгнать и, выгнавши, просить пограничные начальства наши не пускать более сюда... Люди, оставшиеся здесь без всяких средств к жизни, невольно предаются всяким спекуляциям (до сводничества... простите. Ведь надо же говорить правду). Таких проживалок набралось в Иерусалиме уже видимо-невидимо». Антонин предлагал выслать в Россию всех паломников, у кого просрочен паспорт; патриарху написать, чтобы он со своей стороны после Пасхи высылал всех поклонниц из иерусалимских и иных (в Вифлееме) монастырей [17, с. 101].

Чем заканчивались попытки высылки русских паломниц, видно из документов канцелярии Министерства внутренних дел. Дело было возбуждено в 1872 г. по поводу двух женщин, российских подданных, живших в Федоровском монастыре Иерусалима. Они написали письмо к турецкому правительству с просьбой принять их в турецкое подданство. Письмо помог составить и перевести на арабский язык бывший доктор русской больницы Х. В. Мазараки (женатый на русской). По словам российской подданной Анны, она приехала в Иерусалим 11 лет назад и купила келью в Федоровском монастыре за 150 золотых лир с условием, что будет проживать там пожизненно. Через шесть лет другую келью заняла Елена, купив её за 70 лир. Известно, чем женщины зарабатывали себе на жизнь, но консул принял решение выслать их из Иерусалима. В примечании к документу говорилось, что таких, как Елена, в народе называют «вербовка» (сводница). В результате женщины подали прошение о принятии их в турецкое подданство. Следствие выяснило, что мещанки Анна Познишева и Елена Сачина, подписали прошение чужими именами. Вскоре в монастырь явились турецкие чиновники и надо полагать, желание женщин поменять гражданство было осуществлено [18, л. 1–5].

Даже война с Турцией не помогла решить проблему с паломницами. 5 января 1878 г. Антонин писал Игнатьеву: «Оставшиеся в Иерусалиме немногие поклонницы наши по-прежнему бродят всюду в одиночку, не боясь никого на свете, ибо "царь наказал султану смотреть в оба за ними" ... А жаль! Был благоприятный случай выжить из Святого Града всех наших девосплетниц» [17, с. 289]. Уже в начале XX в. А. А. Дмитриевский описывал историю ещё одной паломницы, с которой не смогло справиться русское консульство. Мария Гладкая, имевшая

мужа и большую семью, поселилась в Иерусалиме в монастыре Св. Константина и Св. Елены. Она взяла под опеку пожилого греческого митрополита Никифора, члена Иерусалимского синода, жившего в том же монастыре. По просьбе иерусалимского патриарха Мария неоднократно высылалась из Иерусалима российским консульством, но каждый раз возвращалась назад. Удалось добиться только того, что Мария с митрополитом переехали в отдельный дом в пригороде [19, с. 300–301].

Наиболее мрачную картину морального разложения части российских паломников нарисовал врач и путешественник А. В. Елисеев (1858–1895). Весной 1884 г. он был направлен в Палестину Православным палестинским обществом. Елисеев пробыл в Палестине три недели, частично его информация была основана на непроверенных слухах и сплетнях, собранных в Иерусалиме. Похоже, он использовал в качестве источника дневник Порфирия (Успенского). Оттуда в книгу Елисеева перешли рассказы о сожительстве настоятелей греческих монастырей с геронтиссами и исключительных бесчинствах паломников в храме Гроба Господня. Отчет Елисеева был прочитан 18 октября 1884 г. на заседании Православного палестинского общества, в 1885 г. из дана книга «С русскими паломниками по святой земле весной 1884 г.». Особой критике в конце книги Елисеев подвергал русских, постоянно проживавших в Иерусалиме. Автор выделял генеральш, баронесс и купчих, приехавших в качестве паломниц, поселившихся в монастыре и помыкавших не только временно проживавшими там женщинами, но и монахами. Елисеев не скрывал, что именно от них он получал скандальные сведения [20, с. 315]. Он указывал, что только часть постоянно живших в Иерусалиме русских получали деньги с Родины. Другая часть жила за счет ремесла: швеи, портные и даже обучавшие арабов швейному ремеслу. Третья часть этих лиц промышляла сводничеством и за это получала деньги от греческих монахов. Раз в несколько лет эти женщины возвращались в Россию, везя на продажу крестики, иконки и другие подобные реликвии. Назад они возвращались с деньгами, собранными на святые места. Неоднократно упоминалось, что сводницы завлекали молодых паломниц и растлевали их. Приводился пример конкретной 16-летней паломницы, которая одурманенная вином «принесла в жертву свою честь» [20,

с. 316–318]. Отдельно Елисеев описывал порочное поведение некоторых российских паломниц на кораблях Русского общества пароходства и торговли. «Офицеры и матросы наперерыв ухаживают за молодыми паломницами, и обыкновенно очень и очень не без успеха. Стоит только обойти пароход ночью, чтобы убедиться в этом воочию. Слишком интимные беседы богомолки с матросами среди темноты ночи на носовой палубе около груды канатов, около машины и в других потаенных местах, иногда под брезентами, пробудят сомнение в самом неверующем, если более уясняющие сцены, от которых приходится бежать, не докажут этого с неотразимой логичностью» [20, с. 351]. Елисеев уверял, что как врач он консультировал паломниц, заразившихся венерическими болезнями.

Книга Елисеева вызвала целый ряд критических отзывов. Вероятно, автор сознательно сгущал краски, желая показать бездействие чиновников палестинской комиссии. Но и деятельность Императорского православного палестинского общества не внесла изменений в вопрос нравственности российских паломников. В 1904 г. член общества А. А. Дмитриевский нарисовал схожую с Елисеевым картину. Он описывал тип паломника-бродяги в рваной одежде, с нечёсаными волосами. В поисках милостыни они обходят российские монастыри и добираются до Иерусалима. С ними не под силу бороться генеральному консулу, высланные, они возвращаются опять. В плане пороков Дмитриевский особенно выделял российских паломниц, составлявших 2/3 приезжавших в Иерусалим. «Образ поведения этих паломниц в Палестине достаточно красноречиво говорит сам за себя. Вырвавшись на свободу из-под надзора родных или старших, никем не контролируемые и ничем не сдерживаемые в своих желаниях и поступках, а руководясь исключительно инстинктом и пробудившимся, долго дремавшим в них чувством страсти, они и своим поведением не только на улице, но и в храмах Божиих, и кокетливым нарядом невольно обращают на себя внимание наблюдателя...», – писал Дмитриевский [19, с. 300].

Можно согласиться с Дмитриевским в том, что безнравственному поведению части российских паломников способствовала крайне нездоровая атмосфера Иерусалима. Веками там происходило столкновение исламских и христианских интересов. При этом католики, протестанты и православные боролись

между собой. Греческое духовенство угнетало арабскую паству и делало российских паломников источником наживы. С недоверием, а иногда и с противодействием греки встречали деятельность российской Духовной миссии и Императорского православного палестинского общества. «Новички паломники и особенно паломницы, проживающие на постройках Палестинского Общества, ввиду недостатка личной нравственной безгласности, становятся волей-неволей и сами причастны этим же порокам и являются распространителями их среди лучшей части русского паломничества», – сетовал Дмитриевский [19, с. 303–304].

В XXI в. сложно представить, чтобы православный россиянин во время паломнической поездки в Иерусалим, Вифлеем или на Афон может начать предаваться разврату, пьянствовать, попрошайничать или воровать. Иная ситуация была в дореволюционной России. 80 % тех, кто отправлялся в паломнические поездки, были крестьяне. Это была их единственная возможность выехать за пределы страны. Иногда людей влекло банальное любопытство, не имевшее отношения к религии. Крестьянская семья не могла отправить в паломническую поездку нужного работника и часто её молитвенным представителем становилась женщина, возможно не проявлявшая особого религиозного рвения. За всю свою семью, родственников, соседей она должна была помолиться в святых местах, отвезти туда собранное пожертвование, подать записки, заказать молебны, привезти крестики и иконки. Крестьяне верили, что все это будет служить процветанию семьи, здоровью, семейному благополучию. Вырвавшись из обстановки патриархальной семьи, паломница попадала в чуждую, незнакомую среду, где её ожидали соблазны. Так же мог повести себя и паломник-мужчина, воспринявший поездку к святым местам как отдых от тяжелого крестьянского труда. Но не эти случайные паломники являлись главной проблемой в плане правонарушений.

Обсуждения и выводы

Договоры России с Турцией, а затем основание в 1856 г. Русского общества пароходства и торговли облегчили паломничество россиян на Восток. Начавшееся вслед за этим строительство Русской Палестины десятикратно увеличило приток

паломников в Иерусалим. Вскоре появилась российская община Иерусалима, костяк которой составляли монахи, послушники и постоянно проживавшие в городе паломники. Как и в любом сообществе в среде российских паломников происходили правонарушения и преступления. Турецкие власти реагировали только на преступления, нравственность паломников они считали прерогативой Духовной миссии и консульства. В распоряжении этих учреждений был очень узкий набор средств для воздействия на паломников. Они постоянно рапортовали в МИД и Святой Синод о беспорядках в среде паломников. Высшие органы государственной власти России имели возможность навести порядок в среде паломников в святых местах и ограничить возможность паломничества для сомнительных категорий населения. Однако перед МИД стояла и другая задача: создать в Палестине российскую диаспору и подчинить ее влиянию арабский элемент. С середины XIX в. рассматривалась возможность распада Османской империи. Россия пыталась максимально усилить свое влияние на Востоке, в том числе и при помощи паломников. Желая привлечь в Палестину как можно больше россиян, МИД закрывало глаза на правонарушения и даже преступления паломников. Отвергались жесткие меры, предлагаемые Святым Синодом.

Собранные в статье материалы показывают, что главным источником беспорядков в святых местах были «профессиональные паломники» или россияне, постоянно проживавшие в Иерусалиме. Некоторые из них превратили паломничество в источник дохода или просто единственное средство существования. В то время как самым распространенными пороками обычного паломника были пьянство и попрошайничество, «профессиональные паломники» занимались мошенничеством, сводничеством, проституцией и даже кражами. Именно они проводили в России сборы на святые места и оставляли себе собранные деньги. В Россию они везли крестики и иконки, продавали их втридорога. В Палестине спекулировали религиозной атрибутикой, выдавая её за святыни, водили экскурсии по вымышленным святыням. Для лиц, поселившихся в Иерусалиме постоянно, сводничество могло стать единственным источником дохода. Со стороны местного населения на подобные услуги существовал устойчивый спрос.

Российские власти постоянно получали сообщения о моральном разложении и правонарушениях некоторых из паломников. Было очевидно, что так ведет себя лишь малая часть россиян, отправившихся к святым местам. Вводить ради них жесткие ограничения, распространяющиеся на всех паломников, было необоснованно. Духовные и светские власти пытались ограничиться мягкими мерами: проверять нравственность паломников перед отправлением, разрешить консулам высылать в Россию неблагонадежных, делать отметки в паспортах и сообщать на место жительства о нарушениях. Возможности воздействовать на паломников у Духовной миссии и консульства были. При этом их малый штат и большая загрузка другими делами не давали возможности эффективно бороться с правонарушениями паломников. Часто «профессиональные паломники» находили поддержку местных жителей и турецких властей. В случае необходимости они могли сменить гражданство, на что турецкие власти охотно шли. На подобных русских, но не российских поданных, рычагов воздействия у консульства не было. По этим причинам борьба с пороками паломников превратилась в формальность. В начале XX в. очевидцы фиксировали ту же картину, что дипломаты начала XIX в. рисовали в своих донесениях. Решить эту проблему российского паломничества смогло только повышение общего уровня культуры населения страны и наведения порядка в самих святых местах.

Список литературы

1. Ямилинец Б. Ф. Россия и Палестина. Отчески культурно-религиозных отношений (XIX – начало XX века). М.-СПб.: Летний сад, 2003. 256 с.
2. Лисовой Н. И. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006. 512 с.
3. Смирнова И. Ю. К истории становления российского церковного присутствия в Святой Земле: Миссия епископа Кирилла (Наумова) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2011. – № 3–4. – С. 365–387.
4. Вах К. А. Как начиналась Русская Палестина. Иерусалим в письмах Б. П. Мансурова и В. И. Доргобужинова. 1858–1860 // Иерусалимский православный семинар. – Вып. 7. – М., 2017. – С. 111–255.
5. Кондаков Ю. Е., Федотьев Д. С. Российский «Иерусалимский проект» середины XIX века: деятельность Б. П. Мансурова и Русское общество пароходства и торговли // Научный диалог. – 2021. – № 9. – С. 342–364.

6. Кондаков Ю. Е., Вах К. А. Записка Мансурова Б. П. о положении создания на Востоке русских богоугодных заведений (1859) // Православный палестинский сборник. – Вып. 120. – М., 2022. – С. 338–367.

7. Пономарев С. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах. СПб.: Тип. Импер. Академии Наук, 1877. 128 с.

8. Путешествия в Святую Землю: Записки русских паломников и путешественников XII–XX вв. М.: Лепта, 1985. 255 с.

9. Балдин К. Е. Русские в святой земле: паломнические дневники как источник // Лабиринт. – 2013. – № 2. – С. 45–62.

10. Платонов П. В. Быт и нужды русских православных поклонников на Святой Земле в XIX–XXI веках // Иерусалимский вестник ИППО. – Вып. 1. – Иерусалим, 2012. – С. 7–38.

11. Житин Р. М. Особенности размещения и быта православных паломников на территории Русского подворья в Иерусалиме (1864–1889 гг.) // Манускрипт. – 2019. – Т. 12. – Вып. 12. – С. 92–96.

12. Якушев М. М. Русские паломники в Константинополе и Иерусалиме в первой половине XIX века // Иерусалимский вестник. – 2013. – Серия 4-5. – С. 220–231.

13. Порфирий (Успенский) Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. СПб.: Импер. Академия Наук, 1894. Т. 1. 776 с.

14. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 27. От. 2. Ст. 2. Д. 422.

15. РГИА. Ф. 797. Оп. 27. От. 2. Ст. 2. Д. 373б.

16. РГИА. Ф. 1286. Оп. 19. Д. 304.

17. Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым. 1865–1893. М.: Индрик, 2014. 480 с.

18. РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 2044.

19. Дмитриевский А. А. Современное русское паломничество в Святую Землю // Труды Киевской Духовной Академии. – 1903. – № 6. – С. 274–319.

20. Елисеев А. В. С русскими паломниками по святой земле весной 1884 года. СПб.: Тип. В. Ф. Киришбаума, 1885. 365 с.

Struggle for the morality of Russian pilgrims in the second half of the 19th century

Yury E. Kondakov

In the 19th century, the Russian pilgrimage to the Holy Places of the East became a mass phenomenon. With the increase in the number of pilgrims, the authorities were faced with the fact that some of them committed immoral acts and offenses. Diplomats reported that in Jerusalem, Russian pilgrims were drinking, fighting, wandering, begging, doing brocage and even prostitution. All this was confirmed by the head of the first Spiritual Mission in Jerusalem, archimandrite Porfiry (Uspensky). He proposed an ambitious plan to improve the morale of the pilgrims and prevent wrongdoing on their part. Archival materials show that after the Crimean War, the Holy Synod and the Ministry of Internal Affairs tried to implement some of the proposals of Porfiry and his successor, Bishop Kirill.

Now the priests who went on pilgrimage were to be warned of responsibility for unseemly acts and to check their morality. The consul in Jerusalem received the right to expel pilgrims offenders and report their behavior at the place of residence. These measures turned out to be ineffective, since the staff of the consulate and the Spiritual Mission were insufficient. There were cases when the expelled pilgrims took Turkish citizenship. The Imperial Orthodox Palestine Society could not correct the situation either. The main culprits of the offenses were "professional pilgrims". These people did not go to the Holy Places for religious purposes, but to obtain illegal income. It was difficult to distinguish the category of "professional pilgrims" from the mass of Russians who came to the Holy Places. For this reason, the authorities did not want to resort to harsh measures.

Key words: Holy Places, pilgrimage, Jerusalem, delinquency, immorality, Holy Synod, Ministry of the Interior, consulate, Spiritual Mission, Orthodox Palestinian Society.

For citation: Kondakov, YU. E. (2023). Bor'ba za npravstvennost' rossijskikh palomnikov vo vtoroj polovine XIX v. [Struggle for the morality of Russian pilgrims in the second half of the 19th century]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 22–36. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_22

References

1. Yamilinec, B. F. (2003) *Rossiya i Palestina. Otcheski kul'turno-religioznyh otnoshenij (XIX – nachalo XX veka)* [Russia and Palestine. Fathers of cultural and religious relations (XIX – early XX century)]. Moscow-St. Petersburg: Letnij sad. (In Russ.)
2. Lisovoj, N. I. (2006) *Russkoe duhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Svyatoj Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v.* [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the 19th – early 20th centuries]. Moscow: Indrik. (In Russ.)
3. Smirnova, I. YU. (2011) *K istorii stanovleniya rossijskogo cerkovnogo prisutstviya v Svyatoj Zemle: Missiya episkopa Kirilla (Naumova)* [On the History of the Formation of the Russian Church Presence in the Holy Land: The Mission of Bishop Kirill (Naumov)] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom* [State, religion, church in Russia and abroad]. No. 3–4. Pp. 365–387. (In Russ.)
4. Vah, K. A. (2017) *Kak nachinalas' Russkaya Palestina. Ierusalim v pis'mah B. P. Mansurova i V. I. Dorgobuzhinova. 1858–1860* [How did Russian Palestine begin? Jerusalem in the letters of B. P. Mansurov and V. I. Dorgobuzhinov. 1858–1860] // *Ierusalimskij pravoslavnyj seminar [Jerusalem Orthodox Seminar]*. Vyp. 7. Moscow. Pp. 111–255. (In Russ.)
5. Kondakov, YU. E., Fedot'ev, D. S. (2021) *Rossijskij «Ierusalimskij projekt» sereдины XIX veka: deyatel'nost' B. P. Mansurova i Russkoe obshchestvo parohodstva i trgovli* [The Russian "Jerusalem Project" of the mid-19th century: the activities of B. P. Mansurov and the Russian Society of Shipping and Trade] // *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. No. 9. Pp. 342–364. (In Russ.)
6. Kondakov, YU. E., Vah, K. A. (2022) *Zapiska Mansurova B. P. o polozenii sozdaniya na Vostoke russkikh bogogodnyh zavedenij (1859)* [Note by Mansurov B. P. on the situation of creating Russian charitable institutions in the East (1859)] // *Pravoslavnyj palestinskij sbornik* [Orthodox Palestinian collection]. Vyp. 120. Moscow. Pp. 338–367. (In Russ.)
7. Ponomarev, S. (1877) *Ierusalim i Palestina v russkoj literature, nauke, zhivopisi i perevodah* [Jerusalem and Palestine in Russian literature, science, painting and translations]. St. Petersburg: Tip. Imper. Akademii Nauk. (In Russ.)
8. *Puteshestviya v Svyatuyu Zemlyu: Zapiski russkikh palomnikov i puteshestvennikov XII–XX vv.* (1985) [Travels to the Holy Land: Notes of Russian Pilgrims and Travelers]. Moscow: Lepta. (In Russ.)
9. Baldin, K. E. (2013) *Russkie v svyatoj zemle: palomnicheskie dnevniki kak istochnik* [Russians in the Holy Land: Pilgrimage Diaries as a Source] // *Labirint* [Labyrinth]. No. 2. Pp. 45–62. (In Russ.)
10. Platonov, P. V. (2012) *Byt i nuzhdy russkikh pravoslavnykh poklonnikov na Svyatoj Zemle v XIX–XXI vekah* [Life and needs of Russian Orthodox worshippers in the Holy Land in the XIX–XXI centuries] // *Ierusalimskij vestnik IPPO* [Jerusalem Bulletin of the Imperial Orthodox Palestinian Society]. Ierusalim. Vyp. 1. Pp. 7–38. (In Russ.)

11. Zhitin, R. M. (2019) *Osobennosti razmeshcheniya i byta pravoslavnykh palomnikov na territorii Russkogo podvor'ya v Ierusalime (1864–1889 gg.)* [Features of the accommodation and life of Orthodox pilgrims on the territory of the Russian Compound in Jerusalem (1864–1889)] // *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 12. Vyp. 12. Pp. 92–96. (In Russ.)

12. Yakushev, M. M. (2013) *Russkie palomniki v Konstantinopole i Ierusalime v pervoj polovine XIX veka* [Russian pilgrims in Constantinople and Jerusalem in the first half of the 19th century] // *Ierusalimskij vestnik* [Jerusalem Herald]. Seriya 4–5. (In Russ.)

13. Porfirij (Uspenskij) (1894) *Kniga bytiya moego. Dnevnik i avtobiograficheskie zapiski* [The book of my existence. Diaries and autobiographical notes]. St. Petersburg: Imper. Akademiya Nauk. Vol. 1. (In Russ.)

14. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arxiv (RGLA)*. F. 797. Op. 27. Ot. 2. St. 2. D. 422.

15. *RGLA*. F. 797. Op. 27. Ot. 2. St. 2. D. 3736.

16. *RGLA*. F. 1286. Op. 19. D. 304.

17. *Perepiska arhimandrita Antonina (Kapustina) s graфом N. P. Ignat'evym 1865–1893* (2014) [Correspondence between Archimandrite Antonin (Kapustin) and Count N. P. Ignatiev. 1865–1893]. Moscow: Indrik. (In Russ.)

18. *RGLA*. F. 1282. Op. 2. D. 2044.

19. Dmitrievskij, A. A. (1903) *Sovremennoe russkoe palomničestvo v Svyatuyu Zemlju* [Contemporary Russian pilgrimage to the Holy Land] // *Trudy Kievskoj Duhovnoj Akademii* [Proceedings of the Kyiv Theological Academy]. No. 6. Pp. 274–319. (In Russ.)

20. Eliseev, A. V. (1885) *S russkimi palomnikami po svyatoj zemle vesnoj 1884 goda* [Contemporary Russian pilgrimage to the Holy Land]. St. Petersburg: Tip. V. F. Kirshbauma. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 16.02.2023

Одобрена после рецензирования 10.03.2023

Принята к публикации 24.03.2023

Отношение официальной российской власти к болгарским подданным после объявления войны в октябре 1915 г. на примере служащих управления строительства железных дорог России

Н. Н. Демьяненко

В октябре 1915 г. Россия объявила войну Болгарии. Перед этим она активно начала собирать сведения о болгарях, работавших и служивших в России. Одновременно в правительстве шла дискуссия об отношении к болгарским подданным, оказавшимся в военный период на территории Российской империи. В данной работе на примере управления по сооружению железных дорог показана работа по учету болгар-служащих, их должностям и нередко их взглядов на происходящее. Исследование выявило, что в итоге руководство России решило, учитывая прошлое двух стран, отнестись к пророссийски настроенным болгарам максимально лояльно. Болгарские подданные смогли пользоваться в России теми же правами, которыми пользовались французы (жители германского Эльзаса и Лотарингии), итальянцы (проживавшие в австрийском Тироле) и христианские жители Турции (подразумевались главным образом греки и армяне). Само количество болгарских подданных, работавших на строительстве железных дорог, оказалось ничтожно мало.

Ключевые слова: Болгария, болгарские подданные, Первая мировая война, железные дороги, русская печать, измена.

Для цитирования: Демьяненко Н. Н. Отношение официальной российской власти к болгарским подданным после объявления войны в октябре 1915 г. на примере служащих управления строительства железных дорог России // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 37–47. DOI 10.35231/25422375_2023_2_37

Введение

В августе 1914 г. после начала Первой мировой войны основные державы Европы разделились на два враждующих лагеря. Остальных, еще не вступивших в войну стран старого континента в свою очередь также можно подразделить на две группы. К первой относились страны, которые объявили о строгом нейтралитете, и было понятно, что в войну они не вступят. Это в первую очередь Швеция, Норвегия, Дания, Швейцария, Нидерланды. К другой категории относились страны, которые фактически стали торговать своим нейтралитетом в надежде вступить в войну в подходящий, по их мнению, момент, на стороне побеждающей коалиции. К таким странам относились Италия, Румыния, Болгария и Греция.

После того как к концу 1914 г. основные фронты мировой войны сформировались, именно за эти страны началась борьба двух враждующих блоков: Антанты и германо-австрийско-турецкой коалиции.

Хронологические рамки исследования охватывают период с сентября по ноябрь 1915 г. В этот момент уже было ясно, что Болгария точно вступит в войну на стороне Германии. Дипломаты Антанты потерпели полное фиаско. Источниками для данного исследования являются материалы Российского государственного исторического архива, в которых собраны данные по болгарским подданным, занятым на строительстве железных дорог в России, и публикациям некоторых изданий Санкт-Петербурга и Москвы накануне и сразу после вступления Болгарии в Первую мировую войну.

Цель исследования – на примере служащих строительства железных дорог проанализировать отношение органов власти к болгарским подданным, волей судьбы оказавшимся на территории Российской империи после объявления войны Болгарии. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: определить общее количество строительных дорожных управлений, где проводился учет болгарских подданных; выявить и проанализировать общее количество болгарских подданных, занятых на строительстве российских железных дорог осенью 1915 г.; оценить общее отношение к болгарским подданным, оказавшимся в России после начала войны.

Историография, касаемая российско-болгарских отношений, достаточно обширна. При этом работ, в которых освещаются вступление Болгарии в Первую мировую войну и реакция на эти действия России, значительно меньше. До революции главным образом были публикации в периодической печати, в которых отражалась непосредственная реакция на события. Самым известным исследованием этого периода была работа Е. П. Семеновой, опубликованная в Петрограде в 1916 г. [1]. В ней дан подробный анализ событиям Второй балканской войны и собственно переходу Болгарии в германский лагерь. В межвоенный период работ, касаемых вступления Болгарии в мировой конфликт, было немного. Во-первых, несомненный интерес представляет сборник «Царская Россия в мировой войне» [2]. Он посвящен вступлению в войну Турции и Италии, а также переговорам Антанты и германского блока по вовлечению в войну Болгарии и Румынии в 1914–1915 гг. Необходимо также упомянуть работу комдива Н. Корсуна, вышедшую в 1939 г. [3]. В ней автор, рассматривая боевые действия на Балканах в Первую мировую войну, вскользь упоминает о разрыве между Россией и Болгарией. Ситуация с исследованиями данного вопроса немного начала меняться в послевоенное время после образования НРБ (Народной Республики Болгария). При этом необходимо отметить, что, освещая в работах сами российско-болгарские отношения, историки тему военного конфликта между двумя «братскими» странами старались по возможности обходить. В 1947 г. вышел труд Ф. И. Нотовича, посвященный периоду дипломатической борьбы за Болгарию в 1914–1915 гг. [4]. В 1954 г. в двухтомной Истории Болгарии конфликт между двумя странами в весьма ангажированной форме упоминается как столкновение стран – участников двух империалистических блоков [5]. В истории Болгарии с древнейших времен до наших дней [6] противоречия между двумя странами также упоминаются минимально.

В современной России появились работы, в которых тема вступления Болгарии в Первую мировую войну никоим образом не ретушируется. К исследованиям, в которых уделяется внимание событиям осени 1915 г., следует отнести труд известного балканиста В. И. Косика [7]. Несомненный интерес представляет работа Г. Д. Шкундина, посвященная малоизвестному

эпизоду периода осени 1915 г. и началу 1916 г., когда делалась попытка со стороны Антанты вывести Болгарию из войны дипломатическими методами [8]. Помимо монографий, посвященных вступлению Болгарии в австро-германский союз против России и ее союзников, на эту тему написан и ряд статей. В частности, историков интересовало то, как воспринимали вступление Болгарии в союз с Германией российские консерваторы. Здесь следует выделить совместную работу А. А. Иванова и А. В. Репникова [9]. В статье подробно изложена история отношения правых к политике Болгарии в изучаемый в данной статье период. Взгляд на эти же события со стороны кадетов описала в своей статье Е. В. Воронкова [10].

Таким образом, тема объявления войны Болгарии в октябре 1915 г. для российских историков не нова. Однако далеко не все аспекты событий, относящихся к вступлению Болгарии в войну, еще изучены. В частности, в отечественной историографии не получила должного освещения тема отношения России к болгарским подданным, волей судьбы оказавшихся на территории Российской империи после 5 октября 1915 г. Закрыть этот пробел на примере служащих управления постройкой российских железных дорог и призвана данная статья.

Результаты

В мае 1915 г. на стороне Антанты выступила Италия. Однако в конце мая 1915 г. на Восточном фронте Германия и Австро-Венгрия предприняли крупное наступление, вынудив русскую армию оставить как ранее захваченную Галицию и части Восточной Пруссии, так и территорию Польши, Литвы, часть нынешней Латвии и Белоруссии. К сентябрю фронт стабилизировался.

В Болгарии русское отступление восприняли как повод выступить на стороне Германии и ее союзников. В первую очередь болгары хотели поквитаться со своими недавними союзниками по Первой балканской войне – сербами. В начале сентября между Болгарией и Турцией было заключено соглашение, по которому турки передавали болгарам 1500 км². Остальные территориальные претензии Болгария предполагала решить за счет Сербии и, возможно, Греции и Румынии. Было понятно, что объявленная против Сербии мобилизация болгарской армии была косвенно направлена и против России. Многие

русские газеты отказывались верить в это, так как подобные планы в первую очередь были опасны для самой Болгарии [11].

Однако с этого момента многие печатные издания перестали обвинять в таком направлении болгарской политики лишь царя Фердинанда и его правительство. Обвинения уже предъявлялись и самому болгарскому народу. Так «Утро России» сообщало, что «в безумии своем славянский народ позволил немецкому принцу вовлечь себя в борьбу против всего славянства... народ не сверг чужеземца, а покорно немецкой указке вооружился против выковавшей ему оружие России» [12].

Россия, предполагая скорый переход Болгарии в лоно германизма, 20 сентября 1915 г. предъявила ей ультиматум. Согласно ему в течение суток Болгария должна была порвать с врагами славянства. Из болгарской армии должны были быть уволены все офицеры государств, воюющих с державами Согласия [13]. Кроме того, газеты предупреждали, что теперь ответственность за вступление Болгарии в войну на стороне германского блока ляжет не только «на шайку Фердинанда», но и на весь болгарский народ [14].

Еще не дождавшись ответа из Болгарии, в российском МИДе сделали запросы в различные ведомства на предмет, имеются ли среди служащих различных организаций, на дорогах и в округах болгарские подданные [15, л. 1]. В МИДе считали, что поскольку политика Софийского кабинета не находит поддержки в Болгарии и что, вероятно, среди болгар, проживавших в России, найдутся многие, кто сам не пожелает вернуться на родину и вступить в ряды своей армии. За болгарями, находящимися в России, предлагалось закрепить тот же статус, что и за христианскими подданными Турции. А наиболее лояльным по отношению к России болгарам предлагалось представить дополнительные льготы.

22 сентября 1915 г. за № 285 из канцелярии управления по сооружению железных дорог циркулярно и конфиденциально были отправлены письма в правления по строительству конкретных железных дорог с просьбой срочно уведомить, имеются ли в составе служащих или рабочих по постройке железнодорожных линий болгарские подданные, и в утвердительном случае сообщить число таковых лиц и занимаемые ими должности [15, л. 2]. Всего писем было отправлено на 29 адресов.

Буквально через день в управление по строительству стали приходить ответы. В большинстве случаев правления отвечали, что в составе служащих болгарских подданных нет. Однако было получено и несколько положительных ответов. Так, правление общества Копорской железной дороги сообщало, что в управлении по сооружению железнодорожной линии Веймарн – Красная Горка (Васильевский остров, 4-я линия, д. № 5) состоит на службе в качестве чертежника болгарский подданный – студент Петроградского политехнического института Василий Матвеевич Белкин [15, л. 9]. Председатель правления общества Троицкой железной дороги 13 октября 1915 г. сообщал, что на линии Оренбург – Орск на службе у контрагентов 3-го и 4-го участка этой линии числится лишь один болгарский подданный – Минчо Илиев Митев, служащий в качестве десятника с 22 июня 1914 г. на тоннельных работах [15, л. 31].

Любопытные данные сообщало правление Семиреченской железной дороги. 12 октября оно информировало о том, что в составе служащих и рабочих управления имеется один болгарский подданный Неделков, студент Варшавского политехнического института, служащий временно техником технического отдела (далее приписано ручкой), а теперь уволенный [15, л. 30]. То есть в управлении заранее взяли инициативу в свои руки и на всякий случай уволили работника за то, что он болгарский подданный. Впрочем, 17 октября правление дополняло свое сообщение тем, что помимо одного болгарского подданного, служащего на постройке Семиреченской железной дороги, имеется еще один болгарский подданный у контрагента дороги инженера С. Н. Чаева, – Янакиев, мелкий рядчик по поставке строительных материалов [15, л. 39]. Его судьба в сообщении не упоминалась.

Правление общества Уральской северо-восточной железной дороги сообщало 27 ноября, что в числе служащих на постройке железной дороги имелся лишь один болгарский подданный, доверенный голландского подрядчика, инженер Ассень Георгиевич Георгиев, который в ноябре 1914 г. принял русское подданство [15, л. 53]. Ну и наконец, правление Тавризской железной дороги 28 ноября сообщало, что имеется по донесению главного инженера по сооружению вышеназванной дороги, инженера путей сообщения Трескинского лишь один болгар-

ский подданный – Дончев – у подрядчика по земляным работам техника путей сообщения И. С. Варазашвили, но и тот, как удостоверяет инженер Трескинский, возмущается поступком Болгарии [15, л. 54].

Таким образом, на основе архивных данных можно сделать вывод, что на постройке железных дорог к осени 1915 г. работало шесть болгар. Из них один с осени 1914 г. принял российское подданство, а еще один после объявления войны Болгарии был уволен. В результате на работах по сооружению железных дорог оставалось четверо болгарских подданных.

Еще 25 сентября, т.е. до объявления войны Болгарии, Российское министерство иностранных дел предлагало распространять на болгарских подданных те же ограничительные меры, что до этого момента распространялись на австрийцев, венгров, немцев и турок [15, л. 49]. Однако даже после объявления войны Болгарии в правительстве тешили себя определенными надеждами. В правительственном сообщении, опубликованном во всех основных печатных изданиях об объявлении Россией войны Болгарии, были такие слова: «Россия все еще не утратила надежды, что рука верных своим историческим заветам болгар не подымится на сыновей русских воинов, легших костями за Болгарию» [16].

20 октября 1915 г. на совещании Совета министров обсуждался вопрос об установлении ограничительных мер в отношении болгарских подданных. Сообщалось, что, объявляя войну Болгарии, Россия считала ответственной за нее не болгарский народ, а Софийское правительство. В частности, на совещании пожелали применять к болгарским подданным такие меры, как высылка из пределов России и выдворение в другие губернии, удаление из учебных заведений и др., лишь в исключительных случаях, т.е. по отношению к тем болгарам, проживавшим в России, которые окажутся элементом нежелательным или вредным.

Более того, болгарским подданным предлагалось предоставлять те же права на судебную защиту, что и подданным нейтральных государств. Дополнительно к этому министр народного просвещения граф П. Н. Игнатъев письмом на имя председателя Совета министров И. Л. Горемыкина сообщил, что он находил бы справедливым предоставить болгарам, обучавшимся в русских учебных заведениях, льготы, одинаковые с теми, которыми

пользуются славянские подданные других воюющих с Россией государств. При этом чтобы подобные льготы не привели к злоупотреблению, начальству учебных заведений, по мнению графа П. Н. Игнатьева, необходимо было выяснить степень благонадежности каждого отдельного болгарина путем опроса, заслуживающего доверия [15, л. 50]. Министр торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской требовал внести ясность касаясь условий дальнейшего пребывания болгарских подданных в учебных заведениях торгово-промышленного ведомства.

Несмотря на то, что Болгария оказалась в стане врагов России, Совет министров отмечал, что сложно не заметить, что «в силу особых исторических условий» взаимоотношения между Россией и единоверною ей Болгарией сложились несколько необычно и «создали между народом освободителем и населением освобожденной от турецкого рабства страны особое взаимное тяготение». Этими глубокими причинами обуславливалась, по мнению совета, невозможность применения к болгарам «принципиального взгляда во всей его полноте и последовательности». В итоге Совет министров постановил, что «болгарские учреждения, общества, товарищества и подданные подвергаются действию всех ограничительных постановлений, изданных в отношении всех неприятельских учреждений, обществ, товариществ и подданных, с применением, однако, к пребывающим в пределах России болгарским подданным христианских вероисповеданий, тех изъятий, кои установлены в пользу лиц славянского, французского, итальянского происхождений, а также турецко-подданных христианских вероисповеданий» [15, л. 51].

Совет министров предложил «предоставить главным начальникам ведомств сделать распоряжения о сохранении за обучающимися в подведомственном им учебных заведениях болгарскими подданными, получаемыми ими стипендий, если таковые лица при проведении проверки будут признаны благонадежными. При этом новые стипендии на период военных действий назначаться не будут» [15, л. 52].

Обсуждение и выводы

Таким образом, исследование выявило, что правительство России отнеслось к болгарским подданным, оставшимся в Рос-

сии после вступления Болгарии в Первую мировую войну, более чем лояльно. Косвенно оно также рассчитывало на то, что и собственно болгарские солдаты не повернут своего оружия против русских и попросту проигнорируют приказы своих командиров. Подобные иллюзии были и у многих печатных изданий. Впрочем, эти надежды не оправдались. Если в первые дни октября в газетах еще встречались заметки из разряда «бегство болгарских солдат, не желающих воевать с Россией, в Румынию» [17], то вскоре выяснилось, что серьезных протестов против вступления Болгарии в союз с врагами России не было. Поэтому к концу 1915 г. болгарская тематика в российской печати сошла на нет. Болгария стала лишь одним из союзников Германии и как самостоятельную политическую силу ее перестали упоминать.

Список литературы

1. Семенова Е. П. Предательство Болгарии. Пг.: Библиотека «Вечернего времени» Издание Б.А. Суворина, 1916. 220 с.
2. Покровский М. Н. Царская Россия в мировой войне. Т. 1. Л.: Госиздат, 1926. 300 с.
3. Корсун Н. Балканский фронт Мировой войны 1914–1918 гг. М.: Гос. Воен. Изд. Наркомата обороны СССР, 1939. 124 с.
4. Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы Первой Мировой войны. Т. 1. Потеря союзниками Балканского полуострова. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. 747 с.
5. История Болгарии. Т. 1. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 576 с.
6. Литаврин Г. Г. Краткая история Болгарии. С древнейших времен до наших дней. М.: Изд-во Наука, 1987. 558 с.
7. Косик В. И. Балканы: «Порвалась цепь великая...» М.: Ин-т Славяноведения РАН, 2014. 272 с.
8. Шкундин Г. Д. Разделяй и Властвуй. Вопрос о сепаратном мире с Болгарией в политике держав Антанты (октябрь 1915 – март 1916 г.). София: «М. Дринов». 182 с.
9. Иванов А. А., Репников А. В. «Болгарская измена»: Русские правые о вступлении Болгарии в первую мировую войну на стороне Центральных держав // Новейшая история России. – 2014. – № 3. – С. 197–217.
10. Воронкова Е. В. Болгария в Первой мировой войне глазами кадетской оппозиции // Альманах современной науки и образования. – 2010. – № 4. – С. 10–12.
11. Московские ведомости. – 1915. – 11 сентября. – № 209.
12. Утро России. – 1915. – 12 сентября. – № 250.
13. Московские ведомости. – 1915. – 21 сентября. – № 216.
14. Московские ведомости. – 1915. – 26 сентября. – № 221.

15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 274. Оп. 1/1. Д. 709.

16. Речь. – 1915. – 7 октября. – № 276.

17. Московские ведомости. – 1915. – 4 октября. – № 228.

Attitude of the official Russian authorities to Bulgarian subjects after the declaration of war in October 1915 on the example of employees of the Russian Railway Construction Department

Nikolay N. Demyanenko

In October 1915, Russia declared war against Bulgaria. Before that, it actively began to collect information about Bulgarians working and serving in Russia. At the same time, there was a discussion in the government about the attitude towards Bulgarian subjects who found themselves on the Russian Empire territory during the war period. In this paper, using the example of the Railway Construction Department, the work on accounting Bulgarian employees, their positions and often their views on what is happening is shown. The study revealed that finally Russia decided, considering the past of the two countries, to treat pro-Russian Bulgarians as loyally as possible. Bulgarian subjects could use in Russia the same rights as French (residents of German Alsace and Lorraine), Italians (living in the Austrian Tyrol) and Christian residents of Turkey (meaning mainly Greeks and Armenians). The very number of Bulgarian citizens who worked on the construction of railways turned out to be negligible.

Key words: Bulgaria, Bulgarian subjects, World War I, railways, Russian press, treason.

For citation: Demyanenko, N. N. (2023). Otnoshenie oficial'noj rossijskoj vlasti k bolgarskim poddannym posle objavlenija vojny v oktjebre 1915 g. na primere sluzhashhiih upravlenija stroitel'stva zheleznih dorog Rossii [Attitude of the official Russian authorities to Bulgarian subjects after the declaration of war in October 1915 on the example of employees of the Russian Railway Construction Department]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 37–47. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_37

References

1. Semenova, E. P. (1916) *Predatel'stvo Bolgarii* [Betrayal of Bulgaria] Petrograd. (In Russ.)
2. Pokrovsky, M. N. (1926) *Carskaya Rossiya v mirovoj vojne* [Tsarist Russia in the World War]. Moscow. (In Russ.)
3. Korsun, N. (1939) *Balkanskij front Mirovoj vojny 1914–1918 gg.* [The Balkan Front of the World War 1914–1918]. Moscow. (In Russ.)

4. Notovich, F. I. (1947) *Diplomatičeskaya bor'ba gody Pervoj mirovoj vojny. T. 1. Poterya soyuznikami Balkanskogo poluoostrova* [Diplomatic struggle during the First World War. Vol. 1. Loss of the Balkan Peninsula by the Allies]. Moscow, Leningrad. (In Russ.)

5. Treťjakova, P. N., Nikitina, S. A., Valeeva, L. B. (1954) (eds.) *Istoriya Bolgarii* [History of Bulgaria]. Vol. 1. Moscow: Izd-vo AS USSR. (In Russ.)

6. Litavrin, G. G. (1987) (ed.) *Kratkaya istoriya Bolgarii. S drevnejših vremen do naših dnei* [A brief history of Bulgaria. From ancient times to the present day]. Moscow: Nauka. (In Russ.)

7. Kosik, V. I. (2014) *Balkany: «Porvalas' cep' velikaya...» (seredina XIX – nachalo XXI v.)*. [Balkany: "Porvalas' Tsep' Velikaya..." (seredina XIX – nachalo XX veka)]. Moscow: In-t slavyanovedeniya RAS. (In Russ.)

8. Shkundin, G. D. (2007) *Razdelyaj i Vlavstvuj. Vopros o separatnom mire s Bolgarijei v politike derzhav Antanty (okt'yabr 1915 – mart 1916 g.)*. [Divide and Rule. The question of a separate peace with Bulgaria in the policy of the Entente Powers (October 1915 – March 1916)]. Moscow. (In Russ.)

9. Ivanov, A. A., Repnikov, A. V. (2014) «*Bolgarskaya izmena*»: *Russkie pravyye o vstuplenii Bolgarii v pervuyu mirovuyu vojnu na storone Central'nykh derzhav* ["Bulgarian treason": The Russian right about Bulgaria's entry into the First World War on the side of the Central Powers] // *Novejšaya istoriya Rossii* [Modern History of Russia] No. 3. Pp. 197–217. (In Russ.)

10. Voronkova, E. V. (2010) *Bolgariya v Pervoj mirovoj vojne glazami kadetskoj oppozicii* [Bulgaria in the First World War through the eyes of the Cadet opposition] // *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. No. 4. Pp. 10–12. (In Russ.)

11. *Moskovskie vedomosti* [Moscow Vedomosti] (1915). 11 September. No. 209.

12. *Utro Rossii* [Morning of Russia] (1915). 12 September. No. 250.

13. *Moskovskie vedomosti* [Moscow Vedomosti] (1915). 21 September. No. 216.

14. *Moskovskie vedomosti* [Moscow Vedomosti] (1915). 26 September. No. 221.

15. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 274. Op. 1/1. D. 709.

16. *Rech* [Speech] (1915). October 7. No. 276.

17. *Moskovskie vedomosti* [Moscow Vedomosti] (1915). 4 October. № 228.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023

Одобрена после рецензирования 3.03.2023

Принята к публикации 16.03.2023

Кадровая ситуация в ленинградской торговле в 1944–1947 гг.

А. С. Бизин

В повседневной жизни с продавцом сталкиваешься, пожалуй, чаще чем с представителем любой другой профессии. От профессионализма человека, стоящего за прилавком, зависит не только успешность продаж, опосредованно продавец может влиять на общественное сознание, ведь во многом от его расторопности зависит величина очереди, а в очередях советские люди привыкли узнавать свежие новости, делиться слухами.

За годы Великой Отечественной войны уровень квалификации торговых работников серьезно упал, подготовка кадров для торговли была практически остановлена. В послевоенный период, в условиях острой нехватки рабочей силы, наиболее квалифицированные работники направлялись в промышленность, строительство, а комплектование штата торговых организаций происходило по остаточному принципу. Между тем перед торговлей стояла задача как можно скорее выйти на довоенный уровень работы и быть готовой к переходу на бескарточную торговлю, которая была запланирована на 1946 г.

Используя архивные документы Управления продторгами Ленинграда, автор рассматривает кадровую ситуацию в торговле, выделяет основные проблемы в области подбора и подготовки персонала в первые послевоенные годы.

Ключевые слова: торговля, Ленинград, кадры, товароборот, война.

Для цитирования: Бизин А. С. Кадровая ситуация в ленинградской торговле в 1944–1947 гг. // История повседневности. 2023. № 2. С. 48–63. DOI: 10.35231/25422375_2023_2_48

Введение

Общение с продавцом является неотъемлемой частью повседневной жизни. Возможно, когда-то машины полностью заменят человека за прилавком, но сейчас, как и семьдесят с лишним лет назад, очень многое зависит от квалификации продавца. Исследователю же послевоенной розничной торговли тему кадров практически невозможно обойти, поскольку торговля без продавцов в тот период была просто невозможна.

Историография послевоенной торговли СССР достаточно обширна, однако исследования, посвященные кадровой ситуации в ленинградской торговле в первые послевоенные годы, носят фрагментарный характер. Вместе с тем существуют интересные работы по истории торговли других регионов нашей страны, в которых достаточно много внимания уделено вопросу квалификации торговых работников в послевоенный период. Из этих работ можно получить представление об изменении качественных и количественных характеристик в квалификационном уровне торговых работников и сравнить с ситуацией в послевоенном Ленинграде.

Подготовку кадров для государственной торговли в Коми АССР характеризует Е. В. Шабашова в диссертации «Государственная торговля Коми АССР, 1947–1991 гг.»¹. Восстановление сети торговых учебных заведений и подготовку кадров после войны в Карелии рассматривает Л. И. Вавулинская. Ошибки в подборе материально-ответственных лиц названы автором причиной растрат и хищений в торговых организациях республики [1]. П. И. Кульков считает причиной провалов в работе кооперативной системы Мордовии «чистку кадров», особенно активно проводившуюся в 1937 г., а также свертывание подготовки и переподготовки работников [2].

Исследование в сфере торговли не будет полным без сюжета о растратах и хищениях. Наиболее глубоко тему преступлений в торговле проработала петербургский историк Е. Д. Твердюкова в монографии «Государственное регулирование внутренней торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.)», рассматривая проблему борьбы с преступлениями в торговле, исследовательница затронула вопросы, связанные с кадровой политикой. В частности, она характеризует меры, принимавшиеся для уже-

¹ Шабашова Е. В. Государственная торговля Коми АССР. 1947–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2002. 156 с.

сточения правил приема на работу в торговые организации. Е. Д. Твердюкова отмечает неудовлетворительное обеспечение кадрами торговли в первые послевоенные годы [3, с. 104, 142, 151].

Обращает на себя внимание работа А. И. Соболева «Розничная торговля г. Ленинграда и перспективы ее развития». Диссертация в области экономических наук была защищена в 1963 г. Автор выделил такие недостатки советской торговли, как привычка торговых работников к распределению товаров, работе с узким ассортиментом, особенно среди тех, кто пришел в торговлю в период войны и не имел опыта работы в условиях ненормированного снабжения¹.

Хронологические рамки настоящего исследования не выходят за пределы декабря 1947 г., слишком кардинальные изменения произошли в торговле после отмены карточек. Недаром первые дни бескарточной торговли вызывают живой интерес у исследователей. Историками приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о неготовности торговых работников трудиться в условиях ненормированного снабжения [4; 5]. С другой стороны, сложно ожидать, что реформа могла пройти без отдельных эксцессов. Недаром С. Г. Егоров видит успешность преобразований 1947 г. в том, что у людей при наличии отдельных перебоев в снабжении появилась возможность относительно свободно покупать необходимые вещи и продукты [6].

Денежная реформа и отмена карточек, без сомнения, стали серьезным испытанием советской торговли на прочность. Понимание того, с какими кадрами ленинградская торговля подошла к реформам конца 1947 г., может до некоторой степени объяснить причины сбоев в первые дни бескарточной торговли и даже выявить закономерности развития советской торговли на десятилетия вперед.

Кроме того, обращение к истории торговли дает не только новые знания по истории послевоенной повседневности, но и позволяет по-новому взглянуть на проблему восстановления экономики в послевоенный период.

Результаты

Изучение архивных документов Управления продторгами Ленинграда показывает, что не только привычка к распределе-

¹ Соболев А. И. Розничная торговля г. Ленинграда и перспективы ее развития: дис. ... канд. экон. наук. Л., 1963. 408 с.

нию и отсутствие опыта у продавцов мешали выходу торговли на довоенный уровень, ленинградская торговля столкнулась с целым комплексом проблем. Несмотря на рост населения города, в торговле наблюдался острый кадровый дефицит, что не могло не отразиться на темпах ее восстановления.

Для выполнения задач по бесперебойному снабжению товарами постоянно растущего населения города требовались грамотные управленцы, способные в короткие сроки перестроить работу торговой системы. Поскольку торговля, как и прочие отрасли экономики, имеет свои особенности, то и торговые работники должны иметь определенные навыки и уровень образования. Без достаточного количества опытных продавцов, товароведов, счетоводов, директоров магазинов невозможно было развернуть торговлю в городе с постоянно растущим населением. Кроме того, требовалось подготовить торговый персонал к переходу на ненормированное снабжение, которое было запланировано на 1946 г. Перенос отмены карточной системы с 1946 на 1947 г. [7] дал возможность подготовить больше специалистов. О том, насколько важной была задача подготовки кадров в преддверии отмены карточек, можно судить по отчету о работе с кадрами за 1947 г. по системе Управления продторгами г. Ленинграда, который начинался словами: «В отчетном 1947 году перед системой Управления Продторгами гор. Ленинграда основной задачей являлась подготовка и переподготовка торговых работников системы, могущих обеспечить четкое и культурное обслуживание трудящихся города Ленинграда в условиях бескарточной советской торговли» [8, л. 1].

Прежде чем начать рассматривать кадровый вопрос в торговле послевоенного Ленинграда, следует уточнить некоторые моменты относительно торговой системы Ленинграда и места Управления продторгами в этой системе. После войны в стране параллельно работало нескольких торговых систем: организации Наркомторга (Министерства торговли), местные торги, отделы рабочего снабжения, кооперативная торговля, специализированная фирменная торговля министерств, ведомственные распределители, колхозный рынок и др.

В начале 1946 г. в 15 объединениях, осуществляющих деятельность в сфере торговли и общественного питания Ленинграда, работало 95,7 тыс. чел., из которых в Управлении

продторгами – 18,5 тыс. чел., в Ленглавресторане – 25,1 тыс. чел., в ОРСах – 28,2 тыс. чел., в Лензаготплодоовощторге – 5,7 тыс. чел., в Управлении промторгами – 4,3 тыс. работников, в Военторге Ленинградского гарнизона – 2,7 тыс. чел., в Военфлотторгпорте – 959 чел. [9].

Товарооборот за 1945 г. в Ленинграде составил 7181,3 млн. р., а в 1946 вырос до 11 782,0 млн. р. Удельный вес Управления продторгами в товарообороте Ленинграда составлял в 1945 г. 35,8 %, к 1946 г. вырос до 40,1 %. А удельный вес в розничном товарообороте продовольственными товарами в 1945 г. составлял 63,7 %, а в 1946 г. – 65,1 % [10, л. 6].

В состав Управления продторгами к концу 1946 г. входили следующие торги: Василеостровский, Володарский, Выборгский, Дзержинский, Кировский, Красногвардейский, Куйбышевский, Ленинский, Московский, Октябрьский, Петроградский, Приморский, Свердловский, Смольнинский, Фрунзенский, Колпинторг, Кронштадтторг, Петродворецторг, Пушкинторг, Ленфуражторг, Ленминводторг, а также магазин № 1, магазин № 2, трест «Лентара» [11, л. 5]. Торговая сеть состояла из более чем 1200 продуктовых и промтоварных магазинов, столовых, ларей, американок, пивных, чайных [11, л. 4]. В конце 1946 г. из 294 хлебобулочных магазинов Ленинграда 285 относились к сети Управления продторгами [12, л. 6].

Кроме торгующих предприятий, в состав Управления входили сельхозпредприятия с посевной площадью более 648 га. Нужно отметить, что посевная площадь несколько уменьшилась по сравнению с 1944 г. Тогда посевная площадь в хозяйствах системы составляла 737,07 га. В подведомственных хозяйствах выращивали картофель, бобовые, овощи [11, л. 85–86]. Подведомственные предприятия в 1945 г. выловили рыбы 135,8 т. Ловили ее в следующих торгах: Володарском, Выборгском, Дзержинском, Кировском, Красногвардейском, Московском, Октябрьском, Приморском и Кронштадтторге. Кронштадтторг выловил в 1945 г. 59 т рыбы, годом ранее улов составил почти 80 т [11, л. 92]. Имелись теплицы, парники, свинофермы, молочное хозяйство, лошади.

Продовольственная складская сеть Управления продторгами составляла площадь 46 677 м², промтоварная складская сеть занимала 8 864 м². Имелось два холодильника емкостью 3385 м³,

11 ледников емкостью 1666 т, 65 овощехранилищ емкостью 15 081 т [11, л. 7]. Таким образом, Управление продторгами было сложной системой, в котором работали тысячи людей разных специальностей и квалификации.

Для подбора и подготовки персонала для такой крупной системы требовалось время, материальные и людские ресурсы. За годы войны подготовка кадров для торговли фактически прекратилась, персонал, который мог передать опыт, погиб, был эвакуирован или призван в армию. Люди, пришедшие в профессию за годы войны, не имели необходимой квалификации, опыта работы с широким ассортиментом товаров, а тем более не знали, как работать в условиях ненормированного снабжения. В 1945 г. торговля должна была в авральном режиме перестраивать свою работу в соответствии с меняющейся обстановкой и в короткий срок подготовиться к отмене карточной системы.

Развитие торговой системы в послевоенном Ленинграде происходило в условиях роста населения города, повлекшего за собой увеличение торговой сети и резкое увеличение товарооборота. На 1 июля 1945 г. в Ленинграде проживало 1 096 тыс. чел., к концу 1947 г. численность населения достигла 2 200 тыс. чел¹. Если 1 января 1944 г. к торговым предприятиям сети Управления продторгами было прикреплено 389,3 тыс. чел., то к 1 января 1945 г. количество прикрепленных выросло до 718,1 тыс. чел., а в декабре 1945 г. численность прикрепленного населения достигла 1 195,1 тыс. чел. [11, л. 9–10].

Рост продаж увеличивался пропорционально росту населения, что хорошо видно на примере реализации табачных изделий торговыми предприятиями сети Управления продторгами Ленинграда. Если в первом квартале 1945 г. табака было реализовано на 4 104 тыс. р., то во втором квартале – уже на 16 136 тыс. р., в 3 квартале – на 18 857 тыс. р., в четвертом квартале – на 30 903 тыс. р. [11, л. 23–28]. Количество предприятий торговли с 875 на 1 января 1945 г. выросло до 1 204 к концу 1945 г., при этом до начала войны в Ленинграде насчитывалось 3082 торговых предприятий, относящихся к сети Управления продторгами [11, л. 4].

¹ Соболев А. И. Розничная торговля г. Ленинграда и перспективы ее развития: дис. ... канд. экон. наук. Л., 1963. С. 101–102.

В 1945 г. шло активное восстановление торговой сети. Ремонтно-строительные работы производились в основном за счет материальных и человеческих ресурсов торгов. Было вновь открыто 256 магазинов, в том числе: 74 продовольственных магазина, 93 хлебобулочных, 35 керосинохозяйственных магазинов, 51 пивных и американок, 13 столовых [11, л. 6].

Товарооборот Управления продторгами вырос с 1431 062 тыс. р. в 1944 г. до 2547 138 тыс. р. в 1945 г. [11, л. 11].

Переходя непосредственно к вопросу кадров, следует отметить, что содержание справок, отчетов и выступлений, посвященных кадрам, носило ярко выраженный проблемный характер. Аппарат, готовивший отчеты по кадровому составу, достаточно четко определял проблемы: не хватает людей, имеющийся человеческий материал низкого качества, персонал не обладал нужной квалификацией и опытом. И такие выводы имели объективные причины. Прежде всего, это резкое увеличение числа работавших в Управлении продторгами с почти 11 тыс. работников на 1 января 1945 г. до 17,5 тыс. на 1 декабря 1945 г. За 1945 г. было принято на работу 9395 чел., уволено 2658. При этом выбыло по болезни 602 чел., умерло 77 чел. [11, л. 71]. К 1 декабря 1946 г. в сети Управления продторгами работало уже более чем 23 тыс. чел., за 1946 г. было вновь принято на работу 14448 чел. и уволено 8635, при этом выбыл в связи со смертью 101 чел. [13, л. 1–4]. Скорость, с которой Управление продторговли теряло своих работников, хорошо видна на примере Кронштадтторга. В 1946 г. на его предприятия было принято 370 чел., уволилось 325 [14, л. 1–8]. Увольнялись не только рядовые работники, два директора и несколько начальников контор сменилось за период с июня 1946 г. по июнь 1947 г. [14, л. 44–50]. В подведомственном Кронштадтторгу совхозе «Снабженец» за 1946 г. сменилось четыре директора и три бухгалтера [15, л. 36–42].

Из справки заместителя начальника Управления продторгами в горком ВКП(б) от 25 февраля 1946 г. известно, что с 1944 по 1946 гг. обновление торгового аппарата составило 220,9 % [16, л. 3–8].

Высокая текучесть кадров наблюдалась не только на предприятиях сети Управления продторгами. В системе Ленглавресторана среди директоров столовых за 11 месяцев 1946 г. текучесть составила 40,3 %, зам. директоров столовых – 41 %,

кладовщиков и зав. секциями – 47 %, буфетчиков, кассиров, хлеборезок – 42,5 %, руководящих поваров – 30,5 %. По Выборгскому тресту столовых за 10 месяцев 1946 г. 56 чел. директоров столовых сменили места своей работы 101 раз. Из общего количества руководящих поваров 67 чел. сменили места своей работы 105 раз [17, л. 3].

Приведенные выше цифры свидетельствуют о высокой текучести кадров, что в определенной степени нивелировало усилия по их подготовке и переподготовке. Обращает на себя внимание высокая смертность и увольнения в связи с тяжелыми заболеваниями. По болезни и переходу на инвалидность за период с 1 декабря 1945 г. по 1 декабря 1946 г. было уволено из организаций системы местных торгов (Управление продторгами и Управление промторгами) 1699 чел. или 16,3 % от всех уволенных [18, л. 18]. Война хоть и закончилась, но продолжала уносить жизни ленинградцев.

Необходимо отметить, что в число работников Управления продторгами входили, помимо торгово-складских работников, административный персонал, водители, рабочие треста «Лентара», рыбаки, вязальщицы сетей и проч. Например, численность работников подведомственных сельскохозяйственных предприятий на 1 января 1945 г. составила 843 чел., к концу 1945 г. выросла до 915 чел. [16, л. 3–8]. Несмотря на быстрый рост численности населения Ленинграда рабочей силы не хватало, работников вербовали в других регионах. Например, в Ярославской области в 1945 г. было завербовано 400 сельскохозяйственных рабочих [16, л. 23–61].

При резком росте численности торговых работников общий профессиональный уровень персонала оставался невысоким. Во время войны формирование кадрового состава происходило по остаточному принципу, лимиты на рабочую силу Управление продторгами получило только в третьем квартале 1945 г. [16, л. 3–8]. В результате этого в торговлю приходили люди, которые не могли быть приняты в другие отрасли. Кроме того, в период с 1943 г. по 1945 г. Управление продторгами передало 337 чел., квалифицированных торговых работников, в Особторг, в ОРСы отошли крупные магазины вместе с персоналом – 541 чел., физически здоровые люди, независимо от их торговой квалификации, были переведены в строительные организа-

ции – 392 чел., на лесозаготовки было направлено 1845 чел., а также по решению вышестоящих организаций переведено в иные предприятия, не входящие в систему Управления продторгами, 1367 чел. Таким образом, 4482 чел., имевших опыт работы в торговле, перешли в другие организации [16, л. 6–8].

Невысокий уровень оплаты труда также создавал трудности при привлечении квалифицированных кадров. Среднемесячная зарплата одного торгово-складского работника в Ленинграде в 1944 г. равнялась 337 р., в 1945–300 р. [11, л. 64], при этом среднемесячная заработная плата в целом по народному хозяйству составляла 442 р., а по промышленности – 495 р. [19, с. 501–502].

Конечно, заработная плата далеко не всегда равнялась доходу, в торговле всегда была возможность получать дополнительные деньги и часто не вполне законным путем. Кроме того, в СССР большое значение имели неденежные виды поддержки работников, своеобразный социальный пакет, который формально был одинаковый для всех, а на деле зависел от того, в какой отрасли промышленности и на каком предприятий работает человек. Жилищный вопрос был одним из главных и часто зависел от того, насколько руководитель предприятия имел возможность выбить необходимые фонды. Торговля явно не была в числе приоритетных отраслей, в связи с чем решить жилищный вопрос работникам торговли было сложнее, чем рабочим химической или металлургической промышленности.

Как свидетельствуют справки о состоянии кадровой работы в торговой системе Ленинграда на 1 января 1946 г., из общего состава торгово-складских работников и общепитовских работников имели стаж работы в торговле до одного года 29 % и от 1 года до 4 лет – 28,3 %. Таким образом, 57,3 % работников впервые пришли в торговлю в период войны, не знали широкого ассортимента товаров, не имели технических навыков работы, не имели опыта и знаний. Невысоким был уровень образования, низшее – у 87,2 % работников, среднее – у 12,6 %, только 1,2 % работников имели высшее образование [16, л. 6–8]. Треть директоров торгов и предприятий имели низшее образование [13, л. 6].

Качественный состав торговых работников несколько улучшился за счет приема на работу демобилизованных из армии, ранее работавших в торговле. В период с 1 декабря 1945 г.

по 1 декабря 1946 г. в систему управления местными торгами (Управление продторгами и Управление промторгами) было принято 3798 демобилизованных из армии и 1070 чел. инвалидов ВОВ, в результате процент женщин, работавших в торговле, снизился с 72,9 % до 66,7 % [18, л. 18].

Еще в конце 1943 г. Управление продторговли стало добиваться создания школы торгового ученичества перед Наркомторгом, и в марте 1944 г. школа начала работать. Первый выпуск торговой школы в 1945 г. составил 65 чел. На конец 1945 г. в школе обучалось уже 800 чел. Школа готовила продавцов узкой квалификации. При этом на 1 января 1946 г. торговая сеть Управления продторгами не имела ни одного специализированного мясо-рыбного магазина, овоще-фруктового или бакалейного, не было гастрономов и молочных магазинов. Таким образом, готовить персонал стали раньше, чем открывать специализированные магазины.

1 октября 1945 г. в школе торгового ученичества было уже 30 групп. В четырех группах обучалось 107 будущих продавцов смешанных товаров, шесть групп, насчитывающих 172 чел., готовили специалистов по продаже бакалейно-гастрономических товаров, семь групп (184 чел.) готовили специалистов по продаже хлебобулочных, кондитерских изделий, пять групп (118 чел.) готовили продавцов мясо-рыбных и овощных товаров, в двух группах численностью 54 чел. учили специалистов по продаже бакалейных товаров, была и одна группа в 26 чел., в которой готовили специалистов по таким товарам, как гастрономия, вино, фрукты. В пяти группах готовили счетоводов и счетоводов-бухгалтеров. Ученики не сидели за партой, порядок обучения был такой: один день отдавался теоретической подготовке, один день ученики находились на производственной практике в магазине [16, л. 12].

Для подготовки экономистов, бухгалтеров, товароведов с августа 1944 г. была создана специальная школа, рассчитанная на более чем 200 учеников. Одна группа готовила плановиков-экономистов, три группы – бухгалтеров для магазинов, в трех группах учили товароведов и в одной группе проходили обучение будущие товароведы и заготовители для системы Лензагот-плодовоощторга. Была организована школа шоферов со сроком обучения три месяца.

Управление продторгами было задействовано в организации техникума советской торговли. В 1945 г. в техникуме занималось 670 чел. Было открыто вечернее отделение.

Важной частью подготовки кадров являлась подготовка работников непосредственно в трудовых коллективах. За девять месяцев 1945 г. было подготовлено бригадами индивидуального обучения 224 продавца, еще 358 чел. заканчивало свое обучение в четвертом квартале 1945 г. В бригадах индивидуального обучения в основном готовили хлеборезов и продавцов смешанных отделов, узких специалистов практически не готовили.

В Ленинграде в 1945 г. открылось девять школ-магазинов. В них обучение производилось в течение восьми месяцев. Продавцы-наставники были материально заинтересованы, за подготовку трех учеников наставник мог получить 2500 р. [16, л. 12–16].

Кроме продавцов в Управлении продторгами было организовано обучение слесарей, бондарей, поваров и др. В 1945 г. трест «Лентара» подготовил 31 бондаря при плане – 20 чел. [20, л. 214].

В первом квартале 1945 г. Управлением продторгами было подготовлено 11 животноводов, два птицелова, пять агротехников, восемь трактористов.

Большую роль в подготовке персонала играли семинары и краткосрочные курсы повышения квалификации. Были организованы специальные семинары для директоров и заместителей директоров торговых предприятий.

Семинары для хлеборезов в 1945 г. посетили 137 продавцов сети Управления продторгами. Программу по повышению квалификации окончили 28 поваров, было подготовлено девять машинистов холодильных установок, прошли программу техникума 587 чел. Санитарный минимум сдали 1628 чел.

Из отчетов кадровых служб следует, что различными курсовыми мероприятиями по повышению квалификации за девять месяцев 1945 г. было охвачено 5413 работников [16, л. 13–21].

Еще одной стороной кадровой работы стало «очищение торговой сети от лиц, не заслуживающих доверия, судившихся за растраты, хищения и другие злоупотребления». С фразы об «очищении торговой сети» начинался отчет о работе с кадрами системы управления продторгами г. Ленинграда за 1946 г. [13]. Можно предположить, что кадровый голод при-

водил к тому, что при приеме на работу «не замечали» некоторые факты биографии кандидатов, кроме того, людям в условиях недостатка самого необходимого было сложно устоять перед соблазнами, которые открывались перед работниками торговли. Хищения и растраты – постоянный спутник торговли как в обычное время, так тем более и в «сложное», не был исключением и послевоенный период. Из более чем 8 тыс. уволенных в 1946 г. – 261 чел. в связи с арестом. За 10 месяцев 1945 г. в системе было выявлено хищений и недостач на общую сумму 451 тыс. р., 804 чел. получили выговор, 544 чел. – строгий выговор, 268 – сняты с работы, 359 – переведены на низшую должность, 234 – отданы под суд, 150 – оштрафованы. Несмотря на жесткие меры, применяемые к нарушителям трудовой дисциплины, все еще действовал указ Президиума Верховного совета от 26 июня 1940 г., согласно которому рабочие и служащие, самовольно ушедшие с работы, могли быть подвергнуты тюремному заключению сроком от двух до четырех месяцев, в 1945 г. было зафиксировано 136 опозданий на работу, 176 случаев прогула, 67 самовольных уходов [16, с. 23–61]. С ростом товарооборота росли потери от недостач, растрат и хищений, в 1946 г. зафиксирован убыток – 1415 тыс. р. или 0,03 % к обороту [61, л. 42]. В 1946 г. по итогам работы аттестационно-квалификационных комиссий местных торгов 153 материально-ответственных лица были сняты с должностей как не внушающие доверие, имевшие судимости и нарушения правил торговли [18, л. 24–25].

На эффективность кадровой работы повлиял и тот факт, что все без исключения заместители директоров по кадрам сети Управления продторгами ушли на фронт. Женщины заменили ушедших на фронт руководителей кадровых подразделений и, как отмечено в докладе о состоянии кадровой работы в Управлении продторгами за 1946 г., справлялись с работой, пока объем ее оставался сравнительно небольшим [13, л. 9]. 1947 г. стал для кадровых работников Управления продторгами серьезным испытанием. Из отчета о работе с кадрами за 1947 г. следует, что за год сменилось 13 из 18 заместителей директоров торгов по кадрам, из которых восемь было уволено как «не обеспечившие руководства и за нарушения» [8, л. 10].

Обсуждение и выводы

Ленинградская торговая сеть в период с 1941 по 1944 гг. сократилась до минимума, были нарушены привычные торговые связи, упал товарооборот. Многие квалифицированные работники не вернулись с войны, не пережили блокаду. Люди, вставшие за прилавок во время войны, не имели специального образования и опыта работы в условиях ненормированного снабжения. Централизованная подготовка работников для ленинградской торговли во время войны была свернута. Все без исключения заместители директоров по кадрам Управления продторгами были призваны в Красную армию.

Война заканчивалась, Ленинград возвращался к нормальной повседневности, открывались магазины, столовые, увеличивался товарооборот. Ленинградская торговля, несмотря на значительный рост населения, столкнулась с острой нехваткой квалифицированных кадров. В короткий срок на работу были приняты тысячи людей, не обладавшие опытом работы в торговле, имевшие невысокий уровень образования. Резко выросло число краж и хищений, на низком уровне оставалась трудовая дисциплина. Уровень текучести кадров достиг максимальных значений. Сохранялась высокая смертность среди торговых работников и увольнение в связи с тяжелыми заболеваниями.

Запланированный на 1946 г. переход на бескарточную систему требовал принятия срочных мер. Предпринимались попытки вербовать работников в соседних регионах. Уже в 1944 г. открылась школа торгового ученичества, постепенно заработали и другие специальные учебные заведения. В рамках подготовки к переходу на ненормированное снабжение тысячи торговых работников повысили свою квалификацию. В профессию возвращались демобилизованные.

Однако имелись серьезные ограничения, которые нивелировали усилия в области подготовки персонала. Во-первых, это достаточно высокая текучесть кадров, что во многом было связано с невысоким уровнем оплаты труда, низким престижем профессии. Во-вторых, практически исчезла преемственность в процессе подготовки персонала, большая часть работников имела небольшой стаж и не имела практического опыта работы в условиях бескарточной торговли.

В заключение необходимо отметить, что люди, вставшие за прилавок после войны, сформировали кадровый костяк, который во многом определил характер развития советской торговли в последующие годы. Дальнейшие исследования могли бы определить степень влияния послевоенной кадровой политики на развитие советской торговли.

Список литературы

1. Вавулинская Л. И. Организация торговли в Карелии в послевоенные годы (1945–1955) // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.* – 2019. – № 1. – С. 26–38.
2. Кульков П. И. Руководящие кадры Мордовпотребсоюза накануне и в годы Великой Отечественной войны // *Вестник МГУ.* – 2001. – № 3–4. – С. 68–71.
3. Твердюкова Е. Д. Государственное регулирование внутренней торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 328 с.
4. Коробков И. В. Экономическая реформа 1947 г. в СССР: проблемы свободной торговли // *ИСОМ.* – 2012. – № 4. – С. 40–43.
5. Рукавишников А. А. Осуществление мероприятий по отмене карточной системы в городах Челябинской области в 1947 году // *Гуманитарно-педагогические исследования.* – 2020. – № 2. – С. 27–35.
6. Егоров С. Г. Послевоенная отмена карточной системы и ее социально-экономическая эффективность в городах Кировской области // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена.* – 2008. – № 73-1. – С. 187–191.
7. *Правда.* – 1946. – 29 авг. – № 205.
8. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 873. Оп. 1. Д. 152.
9. ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 330.
10. ЦГА СПб. Ф. 873. Оп. 1. Д. 131.
11. ЦГА СПб. Ф. 873. Оп. 1. Д. 112.
12. ЦГА СПб. Ф. 873. Оп. 1. Д. 153.
13. ЦГА СПб. Ф. 873. Оп. 1. Д. 133.
14. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 2531. Оп. 1. Д. 13.
15. ЦГАИПД СПб. Ф. 2531. Оп. 1. Д. 12.
16. ЦГА СПб. Ф. 873. Оп. 1. Д. 114.
17. ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 370.
18. ЦГА СПб. Ф. 7082. Оп. 2. Д. 368.
19. Зубкова Е. Ю., Кошелева Л. П. и др. Советская жизнь. 1945–1953 гг. Сборник документов. М.: РОССПЭН, 2003. 720 с.
20. ЦГА СПб. Р- Ф. 873. Оп. 1. Д. 110.

Personnel situation in the Leningrad trade in the first post-war years

Aleksey S. Bizin

In everyday life a person meets salesman perhaps more often than any other profession's representative. Not only the success of sales depends on the professionalism of the person behind the counter, indirectly the seller can influence the public consciousness, because the size of the queue depends largely on his quickness, and in queues Soviet people used to find out the latest news, share rumors.

During the years of the Great Patriotic War, the level of qualification of trade workers fell seriously, the training of trade personnel was practically stopped. In the post-war period, in conditions of acute shortage of labor, the most qualified workers were sent to industry, construction, and staffing of trade organizations was carried out on a residual basis. Meanwhile, the trade faced the task of reaching the pre-war level of work as soon as possible and being ready to switch to cardless trading, which was planned for 1946.

Using archival documents of the Leningrad Food Trade Department, the author examines the personnel situation in trade, highlights the main problems in the field of recruitment and training of staff in the first post-war years.

Key words: trade, Leningrad, staff, commodity circulation, war.

For citation: Bizin, A. S. (2023). Kadrovaja situacija v leningradskoj trgovle v 1944–1947 gg. [Personnel situation in the Leningrad trade in the first post-war years]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 48–63. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_48

References

1. Vavulinskaya, L. I. (2019) *Organizaciya trgovli v Karelii v poslevoennye gody (1945–1955)* [Settlement of trade in Karelia in post-war years (1945–1955)] // *Magistra Vitae: elektronnyj zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii* [Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology]. No. 1. Pp. 26–38. (In Russ.)
2. Kul'kov, P. I. (2001) *Rukovodyashchie kadry Mordovpotrebsoyuz nakanune i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Leading personnel of the Mordovpotrebsoyuz on the eve and during the Great Patriotic War] // *Vestnik MGU* [Mordovia University bulletin]. No. 3–4. Pp. 68–71. (In Russ.)
3. Tverdyukova, E. D. (2011) *Gosudarstvennoe regulirovanie vnutrennej trgovli v SSSR (konec 1920-h – sredina 1950-h gg.): istoriko-pravovoj analiz* [Government regulation of internal trade in the Soviet Union (Late 1920'S – mid-1950'S.): Historical and legal analysis]. St. Petersburg: Filologicheskij fakul'tet SPBGU [Faculty of Philology Saint-Petersburg State University]. (In Russ.)
4. Korobkov, I. V. (2012) *Ekonomicheskaya reforma 1947 g. v SSSR: problemy svobodnoj trgovli* [The economic reform of 1947 in USSR: problems of free trade] // *ISOM*. No. 4. Pp. 40–43. (In Russ.)
5. Rukavishnikov, A. A. (2020) *Osushchestvlenie meropriyatij po otmene kartochnoj sistemy v gorodakh Chelyabinskoy oblasti v 1947 godu* [Implementation of activities on canceling ration card system in cities of Chelyabinsk region in 1947] // *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical Research]. No. 2. Pp. 27–35. (In Russ.)

6. Egorov, S. G. (2008) *Poslevoennaya otmena kartochnoj sistemy i ee social'no-ekonomicheskaya effektivnost' v gorodah Kirovskoj oblasti* [Cancellation of the Card System in the Kirov Region and its Social and Economic Efficiency] // *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences]. No. 73-1. Pp. 187–191. (In Russ.)
7. *Pravda* (1946). 29.08. No. 205.
8. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Sankt-Peterburga (CGA SPb)* [Central State Archive of St. Petersburg]. F. 873. Op. 1. D. 152.
9. *CGA SPb*. F. 7082. Op. 2. D. 330.
10. *CGA SPb*. F. 873. Op. 1. D. 131.
11. *CGA SPb*. F. 873. Op. 1. D. 112.
12. *CGA SPb*. F. 873. Op. 1. D. 153.
13. *CGA SPb*. F. 873. Op. 1. D. 133.
14. *Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga (CGAIPD SPb)* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg]. F. 2531. Op. 1. D. 13.
15. *CGAIPD SPb*. F. 2531. Op. 1. D. 12.
16. *CGA SPb*. F. 873. Op. 1. D. 114.
17. *CGA SPb*. F. 7082. Op. 2. D. 370.
18. *CGA SPb*. F. 7082. Op. 2. D. 368.
19. Zubkova, E. YU., Kosheleva, L. P. etc. (2003) *Sovetskaya zhizn'. 1945–1953 gg. Sbornik dokumentov* [Soviet life 1945–1953: collection of documents]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
20. *CGA SPb*. R- F. 873. Op. 1. D. 110.

Статья поступила в редакцию 28.11.2022

Одобрена после рецензирования 22.12.2022

Принята к публикации 16.01.2023

Повседневность мурманчанок и начало женского движения на Кольском полуострове в годы «перестройки»*

М. В. Штылева, Н. А. Пушкарева

В статье анализируются данные нормативных документов, прессы и глубинных интервью, взятых у участниц первых женских групп, сформировавших в 1990-е гг. независимое российское женское движение за Полярным кругом. Значимой частью его была региональная общественная организация «Конгресс женщин Кольского полуострова», просуществовавшая с 1992 по 2020 гг. Повседневность активисток общественных организаций, подобных ей, – одна из наименее исследованных тем в российской женской истории и истории повседневности. Она важна для понимания истоков возникновения социального протеста в стране в целом и в отдельных регионах в период «перестройки», для понимания путей складывания тех или иных форм сопротивления ухудшению уровня жизни и бездействию властей, особой роли в этом женщин, для анализа особенностей женского общественного участия. Статья продолжает многолетние исследования особенностей российской повседневности в ее гендерном измерении, ведущиеся Центром гендерных исследований Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН в Москве.

Ключевые слова: женская повседневность, женская история, «перестройка», Конгресс женщин Кольского полуострова.

Для цитирования: Штылева М. В., Пушкарева Н. А. Повседневность мурманчанок и начало женского движения на Кольском полуострове в годы «перестройки» // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 64–81. DOI 10.35231/25422375_2023_2_64

* Исследование выполнено в рамках научного проекта РНФ № 22-28-01428 «Женская история как основа российского социального оптимизма».
© Штылева М. В., Пушкарева Н. А., 2023

Введение

Эвристическая ценность изучения переломных этапов в истории страны сквозь призму женского опыта и женских оценок неоднократно обосновывалась в современной историографии [1, с. 8–24]. Особое внимание к истории повседневности как к «пережитой истории» (анализу практик, восприятий и переживаний, реализующих субъективность) дает возможность углубить представления об общественных процессах разной длительности и географического охвата, придать новую объемность или переоценить значимость общественных событий [2, с. 39–48].

Не являются исключением и годы «перестройки» конца 1980-х – 1990-х гг., когда само общество превратилось в реальную политическую силу, способную определить судьбу России, а массовые настроения во многом определяли политический и экономический курс страны и задавали темп реформационным процессам. Целью авторов было выяснение вопроса о том, в какой мере в формировании этих массовых настроений участвовали жительницы нестоличных городов, насколько существенным для складывания новых общественно-политических констелляций было создание женщинами своих объединений. Решение его позволит найти истоки женского социально-политического движения тех лет, понять, насколько их возникновение в соответствии с интересами представительниц разных социальных групп было объективно обусловлено.

История регионального женского движения в России в годы перестройки еще только создается современными социологами и политологами, специальных работ нет, и особенности появления крупных региональных женских общественных объединений в связи с анализом повседневности россиянок, с изменившимися в середине 1980-х гг. социально-экономическими условиями их жизни, практически не изучены. Задача такого исследования может быть решена на основе сопоставительного анализа материалов устной женской истории (интервью) и данных нормативных и нарративных источников (материалов СМИ, документов первых женских НКО и др.) на примере регионального общественного объединения «Конгресс женщин Кольского полуострова».

Особенности жизни мурманчанок в конце 1980-х – начале 1990-х гг.

К концу 1980-х гг. Мурманская область за Полярным кругом была одной из самых густонаселенных (1,2 млн. чел.) [3]. Там действовали крупнейшие ресурсодобывающие и металлургические предприятия, ставшие градообразующими (Кировск, Апатиты, Мончегорск и др.), но несмотря на это, область полностью зависела от привозного топлива [4, с. 165–170]. Дефицит товаров и энергоресурсов в конце 1980-х гг. превратились в главную тему для обсуждения жителями городов и сел.

Пустые прилавки магазинов, бесконечные очереди, унижения. Обувь купить – проблема, одежду – проблема. Уже не о выборе речь шла, а о том, чтобы вообще купить. Нужно было иметь какой-то блат, или стоять в очереди по 6–8 часов, ехать за всем этим в столицу. В Мурманске вообще невозможно было купить, если у тебя не было блата на обувных складах. Было унижительно...

Одна из мурманчанок вспомнила, как попросила университетского профессора, летевшего из Москвы, привезти «... несколько пакетов молока и сметаны. Потому что, если у тебя семья, а ты работаешь полный день, и у тебя нет возможности бегать на перерывах и покупать молоко именно в тот час, когда его завозили в магазин небольшими партиями, то ты оставалась без продуктов. Все говорило о том, что так жить нельзя» (ЛВШ, 1951 г.р.).

Кризисные процессы жизни советской провинции на переломе от эпохи «застоя» к времени «перестройки», нашли отражение во всех интервью. Жизненная неустроенность ощущалась не только в связи с отсутствием необходимых товаров потребления, но и по причине «недружественности» социальной инфраструктуры, системы социального обеспечения в отношении семей с детьми. Экономический рост прекратился, а с ним замер и так довольно низкий жизненный уровень. «В расстройство приходили финансы. Не хватало не только продовольственных и промышленных товаров, но и топлива. Люди хотели, чтобы поскорее улучшилась ситуация с жильём, продовольствием, товарами широкого потребления» [5].

Конечно, мы были за изменения. Мы надеялись, что они будут проведены разумно, сохраняя все позитивы советской системы благосостояния: социальную защиту, бесплатную медицину, бесплатное образование, что будут запущены экономические механизмы, которые усилят нашу экономику (ЛВШ, 1951 г.р.).

Характеризуя собственные мотивы социального поведения, большинство опрошенных говорило о том, что идеи перестройки и личная вовлеченность в нее генерального секретаря партии сыграли свою роль в оценке ситуации.

Поскольку в то время перестройка уже шла вовсю, я в 1986-м вступила в партию, поверила М. С. Горбачеву и решила, что партия обновляется и без меня она, ну, не может обновиться, у меня были радужные надежды на изменения, на демократизацию нашей страны (ПСВ, 1956 г.р.).

Меж тем летом 1991 г. Мурманская область оказалась в кризисе. В стране в целом многократно усилился дефицит товаров. Остро встала проблема продовольствия. Пищевая промышленность области работала на устаревших мощностях, завоз еды из других регионов был нарушен, поставки мяса, сахара, сухого молока, масла срывались. Сухие строки газетных сообщений того времени не передают и доли тогдашних тревог женщин, обеспокоенных отсутствием необходимых для их семей продуктов и товаров. «Наблюдается тенденция к сокращению ассортимента, увеличению себестоимости продукции, а соответственно и цены ползут вверх», – сообщал корреспондент «Вечернего Мурманска» [6, с. 5].

В 1991 г. прекратились поставки чая из Грузии, за этим товаром стояли очереди [7, с. 1].

Длинноющая очередь. "Вот, чай тут сейчас выбросили". А у нас действительно дома чая не было – ну, вот, всё, закончился чай. Там ходила организатор, такая тетя деловая, которая всем на руках писала номер. Она и мне написала номер (ЧНН, 1954 г.р.).

Начало протестной напряженности глазами активисток женских общественных организаций

Холодным утром 30 октября 1991 г. мурманчанки перекрыли на 15 мин транспортное движение в центре города, пытаясь

привлечь внимание городских властей к продовольственному дефициту. «Разъяренная толпа женщин перекрыла движение на проспекте Ленина, требуя отоварить талоны на подсолнечное масло» [8, с. 1]. Это случилось через четыре месяца после регистрации службой занятости по Мурманской области первого безработного в стране (и он как раз был мурманчанином) [9, с. 3]. К описываемому времени на учете в службе занятости уже состояло 4024 чел., из них более 80 % составляли женщины «бухгалтеры, не имеющие опыта работы, технологи швейного производства, продавцы, товароведы, представительницы гуманитарных профессий, инженеры-конструкторы» [10, с. 5]. Женщинам было сложнее чем мужчинам найти место для применения сил, а в регионе с приоритетом добывающих отраслей им было особенно трудно. Женская безработица оставалась затяжной и в посткризисный период, составив для них в среднем 8,1 мес. [9, с. 9; 11, с. 106; 12, с. 28–31]. Дискриминация женщин в сфере занятости выражалась еще и в жесткой профессиональной сегрегации, распространении стереотипа о женских и мужских профессиях, вытеснении женщин на малооплачиваемые места [13, с. 248; 14, с. 235].

Жизнь на Кольском полуострове предполагала куда более высокие траты на обогрев, гигиену, стирку, закупку продуктов, ни о каких дополнительных доходах от личного подсобного хозяйства не могло быть и речи (оно спасало жителей южных областей РФ). Выживание на пособие по безработице или пенсию означало нищенское существование [15, с. 10].

Либерализация цен в 1992 г. обесценила сбережения населения, очагом концентрации бедности стал весь Север европейской части России, где огромной проблемой стало отопление зимой. Семьям не хватало средств на еду, оплату коммунальных услуг...

Первыми среди жителей за Полярным кругом голос протеста подняли медики (85,5 % рядовых врачей в поликлиниках составляли женщины) [15, с. 12]: они требовали повысить зарплату, обогреть помещения, создать цивилизованные условия труда [16, с. 4]. Следом посыпались жалобы от учителей (и в образовании женщины составляли 85,5 %), те даже создали в Мончегорске Мурманской обл. центральный стачком. Протестовали и против невыносимых условий труда, и против низкой зарплаты и работы в три смены: «январский виток цен отбросил нас за черту бедности» [17, с. 2].

Органы областного и городского народного образования будто не замечали протестов врачей и учителей, хотя в Мурманске забастовку поддержало большинство школ города (46 из 55), все лицеи, детские сады, некоторые ПТУ. Женщины получали меньше мужчин; зарплата их к зарплате мужчин составляла в здравоохранении 90 %, в образовании – 86 % [18, с. 44]. Если в годы позднего застоя зарплата в размере 600 р. была вполне приемлемой даже для Севера, то в начале 1990-х обесценилась. *«Когда-то в 80-е у меня была зарплата 600 рублей – это была бешеная, большая зарплата. А потом она резко стала никакой»* (ФИА, 1964 г.р.).

Чтобы эмпатически вчувствоваться в рассказы мурманчанок о начале «перестройки», стоит сопоставить размеры средней зарплаты, получаемой медиками (2413 р.) и учителями (2354 р.) со стоимостью основных продуктов питания в 1992 г. [19, с. 3]. Заработной платы врача или учителя хватало на два-три похода в продуктовый магазин в месяц.

Инфляция была сумасшедшая, деньги обесценивались. Сегодня ты их заработала – завтра они уже ничего не стоят. Помню, как оказалась на рынке, в кошельке было 500 рублей, и вдруг вижу: я могу на эти деньги купить лишь полкочана капусты. Я тогда впервые осознала, что нахожусь на дне. Это для меня было ужасно, в таком состоянии я никогда в жизни не находилась (ЛВШ, 1951 г.р.).

Социологи тревожно отмечали, что описанное состояние – общая тенденция, «значительная часть населения ни физически, ни профессионально, а особенно морально-этически не готова к условиям рынка» [20, с. 614]. Часть женщин, чувствовавшая свою ответственность перед семьей, стыдилась признаться друзьям и подругам, что им нечем кормить близких, упрекала себя в неумении приспособиться к новым условиям.

На стенах продовольственных магазинов стали появляться надписи, требовавшие перемен («не снизите цены на белую булку – пенсионерам и малоимущим беда!»), долго простоявшие в очередях покупатели иногда теряли терпение («покупатель был так возмущен обдираловкой, что уже оплаченный продукт (молоко) полетел прямо в продавцов, завязалась потасовка») [21, с. 1; 22, с. 1].

Мы видим, как рушится социальная направленность проводимых реформ, разваливается сфера службы быта, нас не устраивает отношение к проблеме детских дошкольных учреждений. Бьет это прежде всего по женщинам, и решить это могут тоже только женщины [23, с. 1].

Настроение 1992 г. сохранили воспоминания.

Было ощущение, что все рушится, а женщин не слушают вообще. Возникло ощущение, что только сплотившись группой, можно стать слышимыми, выразить свое отношение к тому, что происходит и участвовать в этом (ЛВШ, 1951 г.р.).

Значительное ухудшение социально-экономического положения женщин и их семей, нарастание гендерной дискриминации на региональном рынке труда, отсутствие доступа к участию в определении стратегий перестраивавшейся социальной политики в регионе и стране подтолкнули женщин к активным действиям.

Будни активисток независимых женских групп и создание региональной общественной организации

Еще в середине – конце 1980-х гг. в Мурманской области стали возникать небольшие женские общественные организации самопомощи в форме «клубов» многодетных, неполных семей, родителей детей-инвалидов [24, с. 22–23]. К середине 1990-х гг. их насчитывалось 15 [25]. Самым заметным был мурманский городской женский клуб «Любава», учреждённый 30 ноября 1991 г. [26, л. 1] – центр социальной поддержки мурманчанок, где женщины делились опытом, переживаниями, знаниями и обменивались услугами во время экономического кризиса [27, с. 3]. Посещавшим клуб женщинам и пришла в голову идея зарегистрироваться как региональной женской организации. Для этого участницы клуба инициировали проведение особой конференции женщин Мурманской области 28–29 ноября 1992 г.

Мы в «Любаве» поняли, что кружок по интересам – не то. Жалуясь друг другу на жизнь, говоря, как мы плохо живём, мы ничего не изменим. Нужна организация, только организация может что-то изменить (ФИА, 1964 г.р.).

Идея создания женских организаций тогда буквально витала в воздухе: эта тема обсуждалась во многих городах страны. По случайному совпадению ровно на те же даты, 27–29 ноября 1992 г., в подмосковной Дубне была назначена работа «Второго независимого женского форума», собравшего более 500 представительниц женских организаций РФ, Белоруссии, Украины, Эстонии, Латвии, Казахстана, Узбекистана, в том числе из стран Европы и США [28, с. 149–151]. Организаторы женской встречи за Полярным кругом о проведении форума в Дубне узнали от приехавшей оттуда коллеги, принесшей на заседание тонкую брошюру с резолюциями.

Тогда впервые мы услышали о женском форуме, который организовывался в Москве. Мы в нем участия не приняли, узнали о нем, когда форум уже состоялся (ЛВШ, 1951 г.р.).

События разворачивались в «раннекомпьютерную» эпоху, интернета еще не было, организаторы женских групп в Заполярье не были уведомлены о созыве общероссийского мероприятия. Совпадение же не только дат, но и причин срочного обсуждения женщинами обстановки в стране показывало схожесть проблем, с которыми они сталкивались в повседневной жизни. 28–29 ноября 1992 г. женщины Мурманской области решили создать межрегиональную общественную организацию «Конгресс женщин Кольского полуострова» (ЛВШ, 1951 г.р.).

В течение двух дней прибывшие в Мурманск представительницы других городов обсуждали положение женщин Заполярья, пытались выработать программу, принципы работы создаваемой организации. Представительницы разных профессий говорили о дискриминационных увольнениях, в том числе женщин, имеющих детей-инвалидов, о сворачивании бытовых и социальных услуг, о бездумной политике управленцев, разгуле порнографии, обнищании пенсионеров, нарушениях прав детей с особенностями развития, проблемах женщин в воинских гарнизонах [29, л. 1–5, 7].

По итогам двухдневной ноябрьской встречи 1992 г. впервые в российской истории было инициировано создание женского регионального общественного объединения за Полярным кругом, официальной же датой рождения его стала учреди-

тельная конференция 20 марта 1993 г., когда был принят устав, записаны принципы работы клубов и групп. Учредителями «Конгресса» вместе с клубом «Любава» выступили клуб матерей детей-инвалидов «Надежда», «Мурманское отделение детского фонда им. В. И. Ленина», клуб многодетных семей и др. При этом, что «женщины в России не имели многовекового опыта коллективных действий, как и навыков представления своих интересов в публичном пространстве», анализируемые события стали беспрецедентно важными для всей истории страны, а не только региона [30, с. 18].

С середины 1990-х будни активисток и участниц женского движения стали иными: женщины ступили на неведомый путь отстаивания интересов своих семей, постигали новые виды социальной активности, деятельности, навыков и отношений. С весны 1993 г. общественная работа по защите женских прав на долгие годы стала частью их повседневной жизни. Это был процесс развития, и, хотя личная память активисток уже не привязывает те или иные формы активности к конкретным датам, очевидно, что для всех участниц это было время их общественно-политического «взросления».

Мобилизация ресурсов регионального женского движения и воспоминания его участниц

Будни активисток той поры можно восстановить на основании воспоминаний, в которых тема *солидарности*, как основного морального ресурса, явственно присутствует во всех рассказах [31, с. 326].

Это ведь [была] общественная работа, мы договорились: я буду делать вот это, а ты будешь делать то, мы будем придерживаться таких-то ценностей и правил (ЛВШ, 1951 г.р.).

От каждой из активисток требовалась перестройка привычного бюджета времени, гигантское напряжение сил. Иногда возникали конфликты, были случаи ухода женщин из организаций, но все решения в «Конгрессе» обсуждались и принимались коллегиально на координационном совете, в который напрямую входили представители всех женских групп и организаций. «Мы всем предлагали быть лидерами, у нас принцип

был "Вставай рядом и работай"» (ЛВШ, 1951 г.р.). Поскольку все понимали, что «чтобы преодолеть системную социальную несправедливость в отношении женщин, нужно быть вместе, создавать новые практики солидарного взаимодействия», стать противовесом традиционным технологиям игнорирования женщин и институтам государственной власти, проводящим дискриминационную политику [32, с. 64].

Помимо солидарности, вторым важнейшим ресурсом для «Конгресса» стала *известность*. Этот ресурс начал формироваться с первых заметок о клубе «Любава», укрепился в конце 1992 г., когда женщины приняли решение о создании организации [33, с. 1; 34, с. 6]. Активистки добились присутствия постоянной рубрики «Женский клуб» в самой тиражной газете «Мурманский вестник». Тем, кто верил в силу женской объединенности, приходилось (помимо постоянной работы) постоянно писать заметки, информируя всех о том, как решаются основные проблемы региона (безработица, рост цен, отсутствие доступных социальных услуг, проблемы женского предпринимательства, сексуальные домогательства на работе, насилие в семье, распространенность аборт и проституции).

Усилению известности «Конгресса» в стране способствовало распространение компьютерных технологий. Неслучайно первым проектом в деятельности «Конгресса» был образовательный проект «Женщины на электронных супермагистралах», организованный при поддержке зарубежного инновационного фонда «Восток-Запад». Первый компьютер для организации купили сопредседатели «Конгресса» Л. В. Штылева и И. А. Фогт на свои средства. На этом оборудовании и было организовано регулярное личное обучение сначала членов координационного совета «Конгресса», а затем, в 1994–1995 гг., и более широкого круга лиц.

На одном компьютере мы обучали сразу человек 40, тех, кто мог приходить на вечерние курсы. Мы тогда освоили электронную почту, редактор «Лексикон». Это и самооценку поднимало: ты уже что-то можешь (ЛВШ, 1951 г.р.).

Инициаторша распространения компьютерной грамотности среди активисток, вспоминая об этом этапе жизни, писала позже, что компьютерная грамотность стала «даром богов»,

поскольку «компьютерные технологии с точки зрения повышения рейтинга женщины на рынке труда, его грамотности, новых возможностей» «дают несравненно больше, чем все другие способы вовлечения женщин в организацию», которая отстаивала их женские интересы [35].

Новым ресурсом вовлечения женщин в сферу общественно-политической активности стали в конце 1990-х – начале 2000-х г. трансграничные контакты с женскими организациями Скандинавии. Мурманская область издавна граничила с Норвегией и Финляндией, и об этих странах в 1990-е гг. стали говорить как о странах «победившего феминизма» [36, с. 78]. Активистки женских организаций и самого «Конгресса» впервые смогли воспользоваться программами грантовой поддержки, которая помогала участию россиянок в международных конференциях, институализации новых женских организаций, созданию их инфраструктуры [37, р. 65–82; 38, р. 99–116]. Благодаря зарубежным грантам, женские группы региона смогли развернуть гендерное просвещение на базе имеющихся учреждений средней и высшей школы [39, р. 207–229]. *«Именно преподавание в ведомственном ВУЗе мне многое позволило продвинуть с точки зрения гендерной теории»* (ЛВШ, 1951 г. р.).

Уникальной для системы гендерного просвещения в стране стала инициатива «Конгресса» по организации просветительских лекций учителям младшей школы и воспитателям детских садов. Педагогическим полигоном для апробации новых подходов стал Мурманский государственный педагогический университет, организовавший в 2001 г. для 30 работников дошкольного образования в пос. Молочный Кольского р-на Мурманской обл. профессиональную переподготовку [40].

Идея гендерного просвещения воспитательниц детсадов появилась как результат раздумий: с чего начинается дискриминация? Стало понятно, что начинать надо с дошкольного возраста. Помню, как летом 2000 года, сидя на даче со своей гостьей из Москвы Зоей Хоткиной, мы проговаривали каждый шаг обучающей программы. Сложно было найти специалистов, которые бы понятно говорили о сложном. Канадский фонд поддержки россиянок выделил грант, и в моей жизни начался очередной марафон длиной в год. Занятия проводились как на факультете повышения квалификации педуниверситета, так и на базе детсада. Надо было заботиться о пригласи-

шенных из Москвы ученых, которые приезжали на 1–2 дня по расписанию, подготовке раздаточных пособий, о техническом обеспечении занятий. Жила в жутком напряжении, надо было еще и домашние дела держать в поле зрения. Семья была в курсе моих дел, бытовые вопросы распределялись между мужем и дочерями.

Лекторы из Москвы откликнулись на приглашение.

Помню, как рассказывала на примере детских книжек, на что надо обращать внимание воспитательницам, когда они читают русские и зарубежные сказки, везла с собой ворох детской литературы с картинками, а сама замерзала в мурманской гостинице (ПНЛ, 1959 г.р.).

Социально-организационным ресурсом «Конгресса» в Мурманске было также распространение идей движения посредством распространения листовок, проведения общественных собраний и набора доброволок. Повседневность активисток всегда требует много свободного времени, которое они «похищают» у семей и близких.

Я понимала, что своим детям я тоже должна дать заботу и внимание. Я разрывалась между чувством материнского долга и желанием вернуться на работу. Старалась детей всюду брать с собой. Со старшей вообще не было проблем, она участвовала в подготовке мероприятий, знакомилась с новыми людьми, занимала младшую. Если не могла взять младшую с собой, отводила ее к бабушке на несколько часов, зато домой шли потом вместе (ЛВШ, 1951 г.р.).

Респондентки рассказали, как в 1994 г. «Конгресс» открыл первую «горячую линию» для женщин, подвергшихся домашнему насилию, была арендована двухкомнатная квартира, в которой проходили заседания координационного совета, рабочих групп, курсы компьютерной грамотности. Следом в 1995 г. родился Кольский региональный центр дополнительного образования и развития женщин (за 10 лет он провел более 100 семинаров для преподавателей), в 1997 г. – кризисный центр для женщин «Приют», в 1998 г. – региональная сеть ресурсных центров НКО на Кольском полуострове [32, с. 35–9; 41, с. 3]. Впервые в российской и советской истории посетители кризисных центров могли

получить помощь анонимно и безвозмездно [42, с. 3]. Оплата работы юристов и психологов стала возможной благодаря грантам фондов Форда и «Открытое общество», поддержавшим открытие женских НКО в Заполярье [41, с. 3; 32, с. 76–79]. В открытом доступе в этих центрах были библиотеки, собираемые активистками женского движения, доступ к электронной почте и к интернету. Оттуда же с 1995 г. делалась рассылка информационного листка «Конгресса женщин» [32, с. 63]: печатались несколько страниц формата А4 и скреплялись степлером, после чего рассылались по списку адресатов. Получение грантов на социально значимые проекты позволяло компенсировать транспортные расходы, приобретать офисную технику и какую-то мебель, канцтовары [43, с. 68]. К активисткам, нарабатывавшим опыт, навыки и экспертные знания, часто присоединялись их подруги, члены их семей и студентки (среди деятельниц «Конгресса женщин» было немало работниц высшей школы). Все активистки движения вспоминают, что в те годы ежедневно *«испытывали большую интеллектуальную, организационную, эмоциональную нагрузки, находясь в постоянном напряжении»* (ЛВШ, 1951; ПСВ, 1956; ЧНН, 1954; ФИА, 1964; ПНЛ, 1959; НРА, 1961).

Обстоятельства требовали ежедневного анализа информации, обучения новым навыкам, честности и гласности, взаимной ответственности друг перед другом.

Несмотря на то, что все мы были разные, у всех были разные проблемы, у нас была общая деятельность, в которой участвовали все и все вносили свой вклад (ФИА, 1964 г.р.).

Работа в «Конгрессе» осуществлялась за счет свободного личного времени, выполнялась безвозмездно: *«достаточно много времени общественная деятельность занимала, как вторая работа была»* (НРА, 1961 г.р.). Средства тратились на проведение обучающих тренингов, необходимую литературу, расходные материалы, на оплату аренды помещений и гостиниц для участниц региональных и международных конференций. Валютные переводы на счета «Конгресса» позволили арендовать помещение для общественных учреждений: кризисного центра для женщин «Приют» и регионального «Центра дополнительного образования и развития женщин» в Мурманске.

Обсуждение и выводы

Обобщая итоги анализа повседневности активисток первых низовых женских организаций в советской и постсоветской истории, можно утверждать, что в тогдашних кризисных обстоятельствах именно женщины взялись за решение житейских проблем, опираясь на ресурсы солидарности, взаимоподдержки, демократического централизма и коллегиального решения вопросов, связанных с обеспечением своих семей и собственных жизненных перспектив. Создание вначале клуба «Любава», возникновение схожих с ним групп, созыв женского форума, представлявшего многотысячное население области и края, создание НКО «Конгресс женщин Кольского полуострова» – вехи коллективного действия. Его историю сохранила социальная женская память – память участниц российского женского движения постсоветского времени. Эти воспоминания позволили придать антропологическое измерение социально-политическому процессу, оживить историю регионального женского движения, насытив ее впечатлениями очевидиц и участниц событий.¹

Список литературы

1. Пушкарева Н. Л. Гендерная система в советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. – 2012. – Вып. 117. – С. 8–24.
2. Белова А. В. Концепт «женская повседневность» в контексте истории повседневности // Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности. – М.: ИЭА РАН, 2019. С. 39–48.
3. Численность безработных по Мурманской обл. 1992–1995 и 2000 гг. Мурманскстат. Исх. № 37/05 от 28.02.2022 приложения: № 1, 3, 5.
4. Бороухин Д. С. Проблемы устойчивого развития предприятий электроэнергетики Мурманской области в условиях мирового финансового кризиса // Вестник МГТУ. – 2010. – Т. 13. – № 1. – С. 165–170.
5. Горбачев М. С. Понять перестройку, отстоять новое мышление // Россия в глобальной политике 02.08.2021.
6. Шиганов В. Мурманчане оказались на краю пропасти // Вечерний Мурманск. – 1991. – № 64. – 5 июня. – С. 5.
7. С чаем худо // Вечерний Мурманск. – 1992. – № 12. 30 янв. – С. 1.

Список информантов:

- * ЛВШ, 1951 г.р., г. Мурманск, Мурманская обл. // Авторский архив (в тексте – АА).
Запись 10.01.2013, Мурманск и 31.01.2021, Москва.
- * ПСВ, 1956 г.р. // АА. Запись 13.03.2021, г. Мурманск.
- * ЧНН, 1954 г.р. // АА. Запись 05.04.2021, г. Мурманск.
- * ФИА, 1964 г.р. // АА. Запись 04.04.2021, г. Мурманск.
- * ПНЛ, 1959 г.р. // АА. Запись 10.10.2022, г. Москва.
- * НРА, 1961 г.р. // АА. Запись 22.03.2021, г. Мурманск.

8. Не подмажьешь – не поедешь // Вечерний Мурманск. – 1991. – № 101. – 30 октября. – С. 1.
9. Безработица в Мурманской области (к 12-летию службы занятости). Мурманск.: Департамент ФГСЗН, 2003. 10 с.
10. Погиба Н. Работа – не волк. Но и она убегает // Вечерний Мурманск. – 1992. – № 2. – 4 января. – С. 5.
11. Йонушкайте И.Й. Динамика безработицы в годы реформ: гендерный аспект // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 91–129.
12. Ржаницына Л. С. Женский труд: дискриминация усиливается // Человек и труд. – 1998. – № 5. – С. 28–31.
13. Римашевская Н. М. Гендерные аспекты социально-экономической трансформации в России // Гендерный калейдоскоп / отв. ред. М. М. Малышева. М.: Academia, 2001. 520 с.
14. Зубаревич Н. В. Социальное неравенство в регионах России: гендерный анализ // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики / отв. ред. М. Е. Баскакова. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 229–250.
15. Некоторые статистические материалы, характеризующие социальное положение женщин и детей в Мурманской обл. Мурманск.: ГОСКОМСТАТ РСФСР, 1990. 42 с.
16. Дербичева Г. Как разбогатеть нищей медицине // Вечерний Мурманск. – 1992. – № 14. 04 февр. – С. 4.
17. Морозова Н. Учителя грозят забастовкой // Вечерний Мурманск. – 1992. – № 21. – 7 апреля. – С. 2.
18. Женщины и мужчины Мурманской обл. Мурманск.: Мурманский обл. комитет гос. статистики, 2000. 54 с.
19. Морозова Н. Чужой карман // Вечерний Мурманск. – 1992. – № 75. – 30 июня. – С. 3.
20. Римашевская Н. М. О концепции социального развития в условиях перехода к рынку // Экономика и математические методы. М., 1991. Т. 27 (4). – С. 614.
21. Террористы, будьте грамотны! // Вечерний Мурманск. – 1992. – № 60. – 23 мая. – С. 1.
22. Вечерний Мурманск. – 1992. – № 119. – 19 ноября. – С. 1.
23. Десницкая Е. Баба, может быть, и дура, но своего добьется // Советский Мурман. – 1992. – № 195. – 7 октября. – С. 1.
24. Штылева Л. В., Штылева М. В. Очерк истории женского движения в Мурманской области (конец 1980-х – начало 2000-х гг.). Мурманск.: РЖД КЖКП, 2007. 150 с.
25. Женские неправительственные организации России и СНГ / сост.: Абу-бикирова Н. И., Клименкова Т. А. и др. М.: Эслан, 1998. 365 с.
26. Государственный архив Мурманской области (ГАМО). Ф. 1339. Оп. 1. Д. 1.
27. Штылева Л. Возьмёмся за руки, подруги! // Советский Мурман. – 1992. – № 195. 14 нояб. – С. 3.
28. Второй Независимый Женский Форум // Преобразование (Русский феминистский журнал). – 1993. – № 1. – С. 149–151.
29. ГАМО. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 3.
30. Женская активность: история и современность / отв. ред. С. В. Сиражудинова, О. С. Мутиева, Н. Л. Пушкарева. Махачкала: АЛЕФ, ДГУНХ, 2021. 325 с.

31. Социологический энциклопедический словарь: На рус., англ., нем., фр. и чеш. языках / ред.-координатор Г. В. Осипов; Ин-т соц.-полит. исслед. Рос. акад. наук. Ин-т социологии Рос. акад. наук. М.: Норма: НОРМА-ИНФРА, 2000. 488 с.
32. Конгресс женщин Кольского полуострова / сост.: Л. В. Штылева, М. В. Штылева и др. Мурманск.: Кн. изд-во, 2008. 176 с.
33. Антонян Н. Из ребра Адама // Полярная правда. – 1992. – № 235. – 3 декабря. – С. 1.
34. Яковлева Т. Весь мир насилья мы разрушим. А затем? // Комсомолец Заполярья. – 1992. – № 244. 12 декабря. – С. 6.
35. Штылева Л. В. Конгрессу женщин 5 лет. Что дальше? // Вы и мы. Диалог женщин. – 1998. – № 3(19).
36. Барандова Т. Л. Женское движение Санкт-Петербурга // Женская история и современные гендерные роли. – М.: ИЭА РАН, 2010. – Т. 2. – С. 78–84.
37. Henderson S. Importing Civil Society: Foreign Aid and the Women's Movement in Russia // *Demokratizatsiya*. 2000. Vol. 8(1). Pp. 65–82.
38. Kay R. Grassroots Women's Activism in Post-Soviet Russia // *Women, Activism and Social Change*. Ed. by Mikula M. London: Routledge, 2005. Pp. 99–116.
39. McIntosh S. L. Women's NGOs in Russia // *Demokratizatsiya*. Spring 2002. Vol. 10 Issue 2. Pp. 207–229.
40. Гендерный подход в дошкольной педагогике / отв. ред. Л. В. Штылева Мурманск: КРЦДОи РЖ, 2001. 200 с.
41. Как создать ресурсный центр НКО в муниципальной библиотеке? (Метод. рекомендации для организаторов ресурсных центров некоммерческих организаций) / Любовь Штылева, Римма Николаева. Мурманск: КРЦДОЖ, 1999. 40 с.
42. Кто вернет Еву в рай? // Мурманский вестник. – 1997. – № 34. – 26 апреля. – С. 3.
43. Халий И. А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований. М.: Институт социологии РАН, 2007. 300 с.

Everyday life of Murmansk women and the beginning of the women's movement on the Kola Peninsula during the "Perestroika" years

Mariya V. Shtyleva, Natalia L. Pushkareva

The article analyzes data from normative documents, press and in-depth interviews taken from members of the first women's groups that formed an independent Russian women's movement beyond the Arctic Circle in the 1990s. Its significant part was the regional public organization "Congress of Women of the Kola Peninsula", which existed from 1992 to 2020. The everyday life of activists of public organizations like this is one of the least studied topics in Russian women's history and history of everyday life. It is important for understanding the origins of social protest in the country as a whole and in individual regions

in the "perestroika" period, for understanding the ways of folding various forms of resistance to the deterioration of living standards and the inaction of the authorities, the special role of women in this, to analyze the characteristics of women's public participation. The article continues multi-year research of the features of Russian everyday life in its gender dimension, conducted by the Center for Gender Studies of the N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences in Moscow.

Key words: women's everyday life, women's history, Perestroika, Women's Congress of the Kola Peninsula.

For citation: Shtyleva, M. V., Pushkareva, N. L. (2023). Povsednevnost' murmanchanok i nachalo zhen-skogo dvizheniya na Kolskom poluostruve v gody «perestrojki» [Everyday life of Murmansk women and the beginning of the women's movement on the Kola Peninsula during the "Perestroika" years]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 64–81. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_64

References

1. Pushkareva, N. L. (2012) *Gendernaya sistema v sovetskoj Rossii i sud'by rossijanok* [The gender system in Soviet Russia and the fate of Russian women] // *Novoe literaturnoe obozrenie* [The New Literary Observer]. No. 117. Pp. 8–24. (In Russ.).
2. Belova, A. V. (2019) *Koncept «zhenskaya povsednevnost'» v kontekste istorii povsednevnosti* [The concept of «women's everyday life» in the context of the history of everyday life] // *Gender v fokuse antropologii, etnografii sem'i i social'noj istorii povsednevnosti* [Gender in the focus of anthropology, ethnography of the family and social history of everyday life]. Moscow. Pp. 39–48. (In Russ.).
3. *The number of unemployed in the Murmansk region 1992–1995 and 2000* (2022). [Chislennost' bezrabotnyh po Murmanskoj obl. 1992–1995 i 2000 gg]. Murmanskstat. Ex. № 37/05. 28.02. Applications: № 1, 3, 5.
4. Borouhin, D. S. (2010) *Problemy ustojchivogo razvitiya predpriyatij elektroenergetiki Murmanskoj oblasti* [The difficulty of sustainable development of electric power enterprises of the Murmansk region] // *Vestnik MGTU* [MGTU Bulletin]. Vol. 13. No. 1. Pp. 165–170. (In Russ.).
5. Gorbachev, M. S. (2021) *Ponyat' perestrojku, otstoyat' novoe myshlenie* [Understand perestroika, defend new thinking] // *Rossiya v global'noj politike* [Russia in Global Policy]. (In Russ.).
6. Shiganov, V. (1991) *Murmanchane okazalis' na krayu propasti* [People in Murmansk are on the brink of an abyss] // *Vechnij Murmansk* [The Evening Murmansk]. Murmansk. № 64. 05 Jun. P. 5. (In Russ.).
7. *S chaem hudo* (1992) [With tea, it is not good] // *Vechnij Murmansk* [The Evening Murmansk]. Murmansk. No. 12. 30 Jan. P. 1. (In Russ.).
8. *Ne podmaslish' – ne poedesh'* (1991) [If you don't sweeten it, you don't go] // *Vechnij Murmansk* [The Evening Murmansk]. Murmansk. No. 101. 30 Oct. P. 1. (In Russ.).
9. *Bezrabotica v Murmanskoj oblasti* (2003) [Unemployment in the Murmansk region]. Murmansk. (In Russ.).
10. Pogiba, N. (1992) *Rabota – ne volk. No i ona ubegaet* [Work is not a wolf. But it runs away] // *Vechnij Murmansk* [The Evening Murmansk]. Murmansk. No. 2. 04 Jan. P. 5. (In Russ.).
11. Jonushkajte, I. J. (2004) *Dinamika bezraboticy v gody reform: gendernyj aspect* [Dynamics of Unemployment in the time of reforms: the gender aspect] // *Gendernoe neravenstvo v sovremennoj Rossii skvoz' prizmu statistiki* [Gender inequality in contemporary Russia in the statistics] / Ed. by M. E. Baskakova. Moscow: Editorial URSS. Pp. 91–129. (In Russ.).
12. Rzhanicyna, L. S. (1998) *Zhenskij trud: diskriminaciya ulivaetsya* [Women's labor: discrimination is on the rise] // *Chelovek i trud* [Man and Labor]. No. 5. Pp. 28–31. (In Russ.).
13. Rimashevskaya, N. M. (2001) *Gendernye aspekty social'no-ekonomicheskoj transformacii v Rossii* [Gender Aspects of Social and Economic Transformation in Russia] // *Gendernyj kalejdoskop* [Gender kaleidoscope]. Ed. by M. M. Malysheva. Moscow: Academia. (In Russ.).
14. Zubarevich, N. V. (2004) *Social'noe neravenstvo v regionah Rossii: gendernyj analiz* [Social Inequality in Russian Regions: A Gender Analysis] // *Gendernoe neravenstvo v sovremennoj Rossii skvoz' prizmu statistiki* [Gender inequality in contemporary Russia in the statistics] / ed. M. E. Baskakova. Moscow: Editorial URSS. Pp. 229–250. (In Russ.).
15. *Nekotorye statisticheskie materialy, harakterizuyushchie social'noe polozhenie zhenshchin i detej v Murmanskoj oblasti* (1990) [Some statistics materials about the social status of women and children in the Murmansk region]. Murmansk: GOSKOMSTAT RRSFR. (In Russ.).
16. Derbicheva, G. (1992) *Kak razbogat' nishchej medicine* [How to get rich in beggarly medicine] // *Vechnij Murmansk* [The Evening Murmansk]. Murmansk. No. 14. 04 Febr. P. 4. (In Russ.).

17. Morozova, N. (1992) *Uchitel'ya grozyat zabastovkoj* [Teachers are threatening to go on strike] // *Vechernij Murmansk* [The Evening Murmansk]. Murmansk. No. 21. 07 Apr. P. 2. (In Russ.).
18. *Zhenshchiny i muzhchiny Murmanskoi oblasti* (2000) [Women and men in the Murmansk region]. Murmansk: Murmanskij oblastnoj komitet gosudarstvennoj statistiki. (In Russ.).
19. Morozova, N. (1992) *Chuzhoj karman* [Alien pocket] // *Vechernij Murmansk* [The Evening Murmansk]. Murmansk. No. 75. 30 June. P. 3. (In Russ.).
20. Rimashevskaya, N. M. (1991) *O koncepcii social'nogo razvitiya v usloviyah perekhoda k rynku* [About the concept of social development in the conditions of transition to the market] // *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods] Moskva. Vol. 27. No. 4. P. 614. (In Russ.).
21. *Terroristy, bud'te gramotny!* (1992) [Terrorists, be educated!] // *Vechernij Murmansk* [The Evening Murmansk]. Murmansk. No. 60. May 23. P. 1. (In Russ.).
22. *Vechernij Murmansk* [The Evening Murmansk]. (1992) Murmansk. No. 119. 19 November. P. 1. (In Russ.).
23. Desnickaya, E. (1992) *Baba, mozhet byt', i durra, no svoego dob'etsya* [The woman may be a fool, but she'll get her way] // *Sovetskij Murman* [The Soviet Murman]. Murmansk. No. 195. 07 Oct. P. 1. (In Russ.).
24. Shlyeva, L. V., Shtyleva, M. V. (2007) *Ocherk istorii zhenskogo dvizheniya v Murmanskoi oblasti* [The history of women's movement in the Murmansk region]. Murmansk. (In Russ.)
25. Abubikirova, N. I., Klimenkova, T. A. (1998) (eds.) *Zhenskie nepravil'stvennye organizacii Rossii i SNG* [Women's NGOs in Russia and the CIS]. Moscow. (In Russ.)
26. *Gosudarstvennyj arhiv Murmanskoi oblasti* [The State Archive of the Murmansk region]. F. 1339. Op. 1. D. 1.
27. Shlyeva, L. (1992) *Voz'myom'sya za ruki, podrugii!* [Let's join hands, friends!] // *Sovetskij Murman* [The Soviet Murman]. No. 195. Nov. 14. P. 3. (In Russ.).
28. *Vtoroj Nezavisimyj Zhenskij Forum* (1993) [The second Independent Women's Forum] // *Preobrazhenie (Russkij feministickij zhurnal)* [The Transfiguration (Russian Feminist Magazine)]. No. 1. Pp. 149–151. (In Russ.).
29. *Gosudarstvennyj arhiv Murmanskoi oblasti* [The State Archive of the Murmansk region]. F. 1339. Op. 1. D. 3.
30. Sirazhudinova, S. V., Mutieva, O. S., Pushkareva, N. L. (2021) (eds.) *Zhenskaya aktivnost': istoriya i sovremennost'* [Women's activism: history and modernity]. Mahachkala: DGU. (In Russ.).
31. Osipov, G. V. (2000) (ed.) *Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar'* [The sociological encyclopedic dictionary]. Moscow: Izdatel'stvo Norma. (In Russ.).
32. Shlyeva, L. V., Shtyleva, M. V. (2008) (eds.) *Kongress zhenshchin Kol'skogo poluostrova* [Congress of Women of the Kola Peninsula]. Murmansk. (In Russ.).
33. Antonyan, N. (1992) *Iz rebra Adama* [From Adam's rib] // *Polyarnaya Pravda* [The Polar Truth]. Murmansk. No. 235. Dec. 03. P. 1. (In Russ.).
34. Yakovleva, T. (1992) *Ves' mir nasil'ya my razrushim. A zatem?* [We will break up the whole world of violence. And then?] // *Komsomolec Zapolyar'ya* [Komsomolets of the Polar Region] Murmansk. No. 244 Dec. 12. P. 6. (In Russ.).
35. Shlyeva, L. V. (1998) *Kongressu zhenshchin 5 let. Chto dal'she?* [The Women's Congress is five years old. What's next?] // *Vy i my. Dialog zhenshchin* [You and we. Dialogue of women]. Moscow. No. 3(19). (In Russ.).
36. Barandova, T. L. (2010) *Zhenskoe dvizhenie Sankt-Peterburga* [The Women's Movement of St. Petersburg] // *Zhenskaya istoriya i sovremennye gendernye roli* [Women's history and modern gender roles]. Moscow: IEA RAN. Vol. 2. Pp. 78–84. (In Russ.).
37. Henderson, S. (2000) *Importing Civil Society: Foreign Aid and the Women's Movement in Russia* // *Demokratizatsiya*. Vol. 8 (1). Pp. 65–82.
38. Kay, R. (2005) *Grassroots Women's Activism in Post-Soviet Russia* // *Women, Activism and Social Change*. Ed. by Mikula M. London: Routledge. Pp. 99–116.
39. McIntosh, S. L. (2002) *Women's NGOs in Russia* // *Demokratizatsiya*. Spring. Vol. 10 Issue 2. Pp. 207–229.
40. Shlyeva, L. V. (2001) (ed.) *Gendernyj podhod v doskol'noj pedagogike: teoriya i praktika* [Gender approach in preschool pedagogy: theory and practice]. Murmansk. (In Russ.).
41. Shlyeva, L., Nikolaeva, R. (1999) (eds.) *How to create a resource center for NGOs in the local library?* [Kak sozdat' resursnyj centr NKO v municipal'noj biblioteke?]. Murmansk: KRCWA.
42. *Kto vernet Evu v raj?* (1997) [Who will return Eve back to paradise?] // *Murmanskij vestnik* [The Murmansk Bulletin]. Murmansk. No. 34. 26 Apr. P. 3. (In Russ.).
43. Halij, I. A. (2007) *Sovremennye obshchestvennye dvizheniya* [Contemporary social movements]. Moscow: Institut sociologii RAN. (In Russ.).

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Статья поступила в редакцию 13.11.2022
Одобрена после рецензирования 23.12.2022
Принята к публикации 26.01.2023

Охрана здоровья воспитанников благотворительных заведений для детей в середине XIX – начале XX в. (на материалах Санкт-Петербурга)*

И. В. Синова

В статье на основе документов из фондов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб), рассмотрены вопросы, связанные с охраной здоровья воспитанников благотворительных заведений для детей, и процесс формирования попечительскими советами системы оказания медицинской помощи. Среди проблем, которые были подвергнуты анализу, — питание воспитанников, от качества которого в том числе зависела реабилитация больных и ослабленных детей. На конкретных примерах показано, что для укрепления физического состояния подрастающего поколения применялся дифференцированный подход даже в период православных постов. Выявлены и проанализированы подходы и система оказания медицинской помощи воспитанникам, показано, что основные заболевания и проблемы со здоровьем были связаны преимущественно с образом жизни и условиями быта до определения их в благотворительные заведения. Анализ медицинских отчетов свидетельствует также об отсутствии у некоторых детей навыков и знаний по уходу за собственным телом и соблюдению правил гигиены.

Ключевые слова: дети, повседневная жизнь, гигиена, охрана здоровья, благотворительные заведения.

Для цитирования: Синова И. В. Охрана здоровья воспитанников благотворительных заведений для детей в середине XIX – начале XX в. (на материалах Санкт-Петербурга) // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 82–99. DOI 10.35231/25422375_2023_2_82

* Исследование выполнено по гранту Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>
© Синова И. В., 2023

Введение

Система функционирования государственной, общественной и частной благотворительности в императорской России является примером эффективной практики формирования гражданского общества, демонстрацией объединения усилий разных слоев населения для решения социальных проблем, что представляется актуальной сферой для научного исследования. Поэтому разнообразные аспекты данной темы стали объектом изучения специалистами в конце XIX – начале XX в. [1–3]. Результатом интереса современных ученых к вопросам благотворительности являются многочисленные диссертации, монографии и статьи [4–7]. Особое место среди научных публикаций занимают исследования заведений для детей, которые различались по сословному, гендерному, конфессиональному и другим признакам [8; 9]. Всестороннему анализу как на общероссийском, так и на региональном материале подвергались проблемы обучения, воспитания, повседневной жизни воспитанников приютов [10–13]. При всем многообразии публикаций остаются лакуны, которые пока обошли своим вниманием специалисты. Сфера гигиены, питания и охраны здоровья нашла отражение преимущественно в работах, посвященных дворянскому сословию [14–16]. Но данная проблематика практически не изучена через призму детей трудящегося населения и воспитанников благотворительных заведений [17–18]. В связи с чем эти проблемы были выбраны в качестве объекта исследования в представленной статье, что наряду с источниками, многие из которых впервые вводятся в оборот, составляют основу публикации и представляют научную новизну. В процессе анализа вопросов, связанных с охраной здоровья воспитанников, были использованы документы из фондов благотворительных заведений для детей, хранящиеся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Среди них правовые акты, отчеты, переписка, инструкции и др. [19–22].

При написании статьи в целях последовательного и всестороннего анализа вопросов, характерных для выбранной темы, были определены и использованы разнообразные методы исторических исследований. В частности, применение логического метода позволило охарактеризовать конкретные

проблемы в контексте развития российского общества в целом, а системного – рассмотреть благотворительность как часть функционирования социума. Метод аналогии был использован для выявления общих признаков в деятельности нескольких учреждений. Анализ эволюции форм, применяемых в сфере охраны здоровья воспитанников, осуществлялся при помощи историко-сравнительного метода. Эффективному анализу типовых принципов лечения детей и рекомендаций врачей на основе общих признаков, достижений и возможностей медицины в рассматриваемый период способствовало использование историко-типологического метода.

Целью проведения исследования являлось выявление и анализ форм организации охраны здоровья воспитанников, а также профилактики заболеваемости в благотворительных заведениях. Решение задач связано с рассмотрением конкретных мер, предпринимаемых врачами, попечительскими советами по поддержке и укреплению физического состояния детей в учреждениях, включая обеспечение лекарствами, организацию питания, гимнастику, соблюдение правил гигиены.

Результаты

Благотворительные учреждения в России создавались частными лицами, общественными организациями, государственными органами и представителями императорской семьи. При каждом заведении действовал попечительский совет, члены которого участвовали в финансировании приютов, вкладывая в них личные деньги, передавая продукты, лекарства, одежду, проводили кружечные сборы и другие мероприятия по привлечению средств, занимались утверждением сметы расходов, заслушивали отчеты по выполнению бюджета, обеспечивали организацию обучения, воспитания, оказания медицинской помощи детям, решали хозяйственно-бытовые вопросы.

В подавляющем большинстве случаев дети до определения их в приюты плохо питались, а иногда и голодали, условия их жизни, порой антисанитарные, приводили не только к многочисленным проблемам со здоровьем, но и к высокой смертности, в том числе и в воспитательных заведениях. Детская смертность имела целый комплекс причин, включая питание, ограниченный доступ к медицинской помощи, неудовлетво-

рительные санитарно-гигиенические условия и, как следствие, распространение инфекционных болезней. К этому необходимо добавить наследственные заболевания, невнимательное отношение будущих матерей к течению беременности, сложные роды, отражавшиеся на дальнейшем физическом состоянии ребенка. Поэтому, попадая в приют, дети проходили обязательное медицинское освидетельствование, чтобы, с одной стороны, не быть разносчиком инфекций, а с другой – для выявления хронических болезней и оказания им своевременной помощи.

Важное место в деятельности попечительских советов занимала организация питания воспитанников. В апреле 1856 г. на Опекунском совете был поставлен вопрос о снабжении воспитательного дома невской водой, обосновывалось это тем, что «самою главною потребностью для здоровья человека есть свежая пища, но как бы она ни была хорошо приготовлена, и как бы припасы не были свежи, все невозможно избежать худосочия и достигнуть настоящей питательности телу, если вода, необходимая для приготовления пищи не будет иметь надлежащего качества» [19, л. 1]. Вода, которой снабжались «кухни, хлебная и квасная сего Дома, проведена из Екатерининского канала подземными трубами и... имея на дне своем много наносного илу и других нечистот, при своем слабом течении, не может доставить воду хорошую» [19, л. 1]. Кроме этого, реки и каналы Петербурга были судоходными, в них стирали и полоскали белье, очистка воды, употребляемой в пищу в середине XIX в., не производилась.

В докладной записке о необходимости прокладки водопровода от Невы говорилось, что «вода Екатерининского канала в ряде ситуаций становится совершенно непригодной для приготовления пищи: 1. Осенью из-за дождей и стоков... вода делается грязною на вкус землянистою. 2. Зимой от нарастания льда, который при наносном русле и при малом количестве оставшейся от замерзания воды доставляет воду самую мутную тинную какую-то смесь и 3. Весной со времени таяния снега и по случаю с улиц разных нечистот вода в том канале делается навозною. Что же касается до лета, то хоть в это время года вода делается на вид чище, но не на вкус, все остается она с гнилым запахом, в особенности, когда вскипит при приготовлении кушанья. Причину сему должно положить, кроме того же

Екатерининского канала, множество приведенных из частных домов, улиц и бань подземных труб с разными нечистотами» [19, л. 1–1 об.]. И такую воду использовали для приготовления пищи петербуржцы, но в первую очередь негативные последствия от некачественной воды сказывались на неокрепших детских организмах.

В мае 1856 г. Опекунский совет принял решение «о существенной необходимости в чистой воде, как для употребления в пищу и питье, так равно и на стирку белья и прочие надобности», была составлена смета и проработаны условия сокращения издержек и приглашения с этой целью «содержателя бань г. Таля и других капиталистов» [19, л. 6]. Планировалось завершить работы к осени 1856 г., но в документах, хранящихся в фонде Петроградского дома защиты детей ЦГИА СПб, говорится о завершении работ только в августе 1859 г. без указания причин столь длительного их проведения [19, л. 23].

В конце XVIII в. была основана Императорская Александровская мануфактура, где были заняты в том числе призреваемые Санкт-Петербургского воспитательного дома, которые проходили периодические медицинские осмотры с информированием об их результатах управляющего заведением. В феврале 1858 г. старший врач лазарета мануфактуры Витте докладывал в рапорте инженер-генералу и кавалеру А. Я. Вильсону:

По засвидетельствованию мною питомцев Воспитательного Дома, находящихся при Императорской Александровской Мануфактуре, оказались с легкими признаками цинготной болезни: воспитанников – 13, воспитанниц – 2, всего 15 человек. Имея честь представить при сем именной список означенных питомцев, всепокорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство приказать выдавать им противоцинготную пищу [23, л. 1].

Поскольку причины цинги и меры по ее предотвращению и лечению были открыты только в первой половине XX в., в рассматриваемый период времени не было точных рецептов и каждый действовал исходя из индивидуального опыта. В ответ на рапорт врача управляющий мануфактуры отдал распоряжение эконому, коллежскому асессору Киселеву: «Поручаю Вашему Высокоблагородию, приказать отпускать по примеру прошлого 1856 г. на 13 воспитанников и 2 воспитанниц особый стол, состоящий из обык-

новенной скромной пищи, с прибавлением каждому по порции лука, хрена, или клюквы, также давать им пиво, приготовленное из солода, хмеля, имбиря и сосновых шишек, каковую пищу и прочие вещества, а также и пиво производить впредь до совершенного выздоровления оных от цинготной болезни» [23, л. 2–2 об.]. Особенно оригинальной представляется рекомендация по приготовлению и употреблению пива воспитанниками для лечения цинги. К сожалению, отсутствие документов по лечению цинги в других заведениях не позволяет провести сравнительный анализ эффективности данного способа.

На протяжении XIX в. формировалась система охраны здоровья воспитанников приютов. Современные исследователи отмечают, что «особое место в благотворительной деятельности занимала помощь детям из бедных семей. Это было не только гуманно, но и позволяло снизить риск эпидемического распространения детских инфекций» [17, с. 231]. За приютами по частям Петербурга были закреплены врачи, в том числе стоматологи, окулисты, дерматологи, хирурги, а также фармацевты. «Поручено врачу для бедных Литейной части в СПб лекарю Карлу Карловичу Бое, иметь за приютом наблюдение в гигиеническом отношении и оказывать призреваемым и живущим в нем медицинское пособие» [20, л. 1].

В 1907 г. в соответствии с постановлением постоянной комиссии Совета детских приютов, утвержденным председательницей, ее императорским высочеством великой княгиней Елизаветой Маврикиевной «о необходимости иметь врача окулиста для освидетельствования состояния зрения детей, вновь принимаемых в приюты, в случаях сомнения в нормальности такового и для лечения глазных болезней», эти обязанности были возложены «на лекаря Ивана Александровича Лебедева, проживающего по Знаменской улице в доме № 31 и давшего обязательство безвозмездно принимать призреваемых в приютах детей по понедельникам, средам и субботам от 1 до 2 ч. Ввиду вышеизложенного имею честь просить гг. Директоров и их сотрудников направлять к г. Лебедеву (глазному врачу) как болеющих глазами питомцев и питомиц, так и посылать к нему вновь свидетельствуемых при определении в приюты детей при наличии у них показаний на ненормальное зрение или болезненное состояние глаз» [21, л. 28].

В силу ограниченности бюджета заведений альтернативой благотворительных взносов, а также возможностью проявить свою гражданскую позицию являлись безвозмездное оказание медицинской помощи со стороны специалистов, предоставление медикаментов или проведение необходимых анализов. Особая активность врачей стала наблюдаться в начале XX в. Почетный член Петербургского совета детских приютов, лекарь Б. И. Бентовин выразил желание безвозмездно оказывать медицинскую помощь воспитанникам и воспитанницам детских приютов. В письме Совета говорилось, что в связи с назначением г. Бентовина «консультантом по кожным болезням, имею честь просить гг. Директоров и их сотрудников направлять больных детей, нуждающихся в специальном лечении... к г. Бентовину, проживающему по Разъезжей улице, в доме № 1, кв. 8 и принимающему ежедневно от 3 до 4 часов пополудни и от 7 до 8 вечера» [21, л. 83].

В октябре 1912 г. Совет принял предложение «ординатора Елисаветинской Клинической больницы для малолетних детей и отделения для лечебных хроников и рожистых больных Градской Обуховской больницы, лекаря Федора Ивановича Граменицкого – по безвозмездному лечению призреваемых и служащих в приютах и назначить его Консультантом по урологии (болезням мочевых путей)» [21, л. 86]. Врач И. И. Грюнман, в свою очередь, высказал желание по безвозмездному лечению призреваемых детей в приютах и предложил назначить его консультантом по хирургии [21, л. 100].

Озабоченность Совета вызывало обеспечение воспитанников перевязочными материалами и лекарствами.

В виду увеличившегося числа детей, призреваемых в сиротских отделениях приютов и возрастания потребности в лекарственных веществах, перевязочных средствах и других врачебных предметах, в Петербургский детский приют определил Почетным членом одного, провизора, Надворного Советника Фридриха Рейновича Тилина, обязавшегося безвозмездно отпускать все вышеперечисленные предметы, на сумму 300 рублей ежегодно, из принадлежащей ему аптеки, находящейся по Среднему пр. ВО, под № 10 [21, л. 40].

Было также принято предложение заведующего аптекой Северо-Западных железных дорог, провизора А. И. Навака-

са «о безвозмездном производстве всевозможных химико-бактериологических анализов для детских приютов» [21, л. 85]. Таким образом, в начале XX в. гражданская позиция медиков, как людей способных оказывать помощь нуждающимся детям, проявилась наиболее массово, что стало частью активизации жизни российского общества в целом.

Несмотря на наличие закрепленных за приютами врачей и консультантов, к смотрительницам и их помощницам предъявлялось требование владеть «элементарными правилами оказания первой помощи при несчастных случаях с детьми приютов до прибытия врача, как-то при ушибах, поранениях и т.п.» [21, л. 75]. А случаи, когда требовалось экстренное принятие мер, были связаны не только с подвижностью и склонностью детей к риску, но и с другими причинами. В циркуляре, направленном в 1909 г. в попечительство детских приютов, говорилось о «прискорбном случае укушения принадлежащей смотрительнице приюта собакою двух приходящих девочек приюта» [21, л. 27]. Хотя еще в 1896 г. было предложено руководителям заведений ведомства императрицы Марии сделать распоряжение о том, чтобы «собаки, принадлежащие служащим, не выпускались иначе, как в намордниках» [21, л. 27].

Врачи регулярно осматривали детей, назначали лекарства, в том числе давали рекомендации по питанию, вопросам гигиены, составляя отчеты о посещениях. В письме к директору Мариинско-Сергиевского приюта протоирею Никандру Брянцеву, который исполнял эти обязанности в 1870-е гг., врач писал: «Считаю долгом довести до сведения Вашего, что вчера я был в приюте по приглашению г. Шеранстовской. Она мне показала несколько детей на коих есть сыпь чесоточная. Я преподал ей совет и вместе с тем просить, если можно назначить более питательную пищу, а не только скоромную, о чем она просила чрез меня у Вас позволения. От Вас зависит разрешение ее недоумения» [19, л. 2].

Вопрос об отказе от «скоромной пищи» по рекомендации врача для ослабленных детей, в том числе во время поста, вызывал дискуссии и, как правило, требовал не только индивидуального подхода к ним, но и напористости и убедительности со стороны медиков. Для больных воспитанников по списку «испрашивалось разрешение о скоромной пище», и вопрос

все же решали положительно: «допустить мясной стол до их выздоровления» [20, л. 2].

Протоирей Н. Брянцев хоть и разрешал больным воспитанникам «скоромную пищу» в пост как директор приюта, но при этом мучился в сомнениях как священнослужитель. Для разрешения своих сомнений и поддержки в принимаемых им решениях он обратился к председателю попечительского совета с письмом: «Признавая справедливость опытом дознанной истины: «*Mens sana in corpore sano*» (здоровый ум в здоровом теле), не дерзаю однако, принять на себя опыта пред Богом – за разрешение скоромной пищи – более чем для половины призреваемых приютом, особенно в Целинов пост, особенно в Приюте, который не теорию только, а практикой должен утвердить мысли и сердца в необходимости соблюдения постановления Православной церкви. ... если позволять уклонения от учения Христианского во вред душе, то цель приюта не достигнется ни во время пребывания призреваемых в приюте, ни тем более в будущем. Они не забудут послаблений, данных лицам, на которых лежал долг не допустить их. Разрешение мясной и даже молочной пищи приведет к соблазну и благочестивых благотворителей приюта, и, быть может, приют потеряет их. Впрочем, для опасно больных (каковых нет в приюте) может быть допущен стол скоромный по требованию г. Доктора. За сим, в свою очередь прошу Ваше превосходительство дать свое заключение по настоящему заявлению» [20, л. 3]. Но, несмотря на мучившие директора сомнения, он с вниманием и заботой относился к воспитанникам приюта. К сожалению, в деле отсутствует ответ председателя попечительского совета на это письмо, но исходя из того, что и в дальнейшем протоирей разрешал больным детям употребление «скоромной пищи», вероятнее всего, что он был поддержан в своих действиях и решениях.

Судя по содержанию и стилистике писем врача, высказывая просьбы о разрешении «скоромной пищи», он старался приводить самые убедительные доводы:

Простите великодушно, что я решился просить Вас, достойно уважаемый отче касательно нескольких детей Приюта, коих крайняя необходимость в разрешении от Вас скоромной пищи... Зная ваше участие и любовь к детям, я позволил себе высказать откровенно, что постная пища может быть

неблагоприятна для худосочных детей, а именно: Кости, как страдающего хроническим катаром легких, при общем истощении всего тела. Миши одержимого в высшей степени золотушным расположением с язвами слизистой оболочки носа от чего только лишь начал было оправляться. Людмила Вам известная худобой и туберкулезным худосочием. Маша Лазарева недавно лишь избавилась от скорбунных нарывов во рту, не изгладив расположения к возврату этой болезни в особенности при не гигиеничной пище. Я бы показал ограничиться для детей мною поименованных молочную пищу, если на это последует с Вашей стороны разрешение, исключая среды и пятницы, в кои дни они не могут кушать постную пищу. Примите мое заявление не как мечтательное предположение, но как результат моих наблюдений столь хорошо известного мне их телосложения и бывших при их болезнях [20, л. 11-11 об.].

В рассматриваемый период времени уровень развития медицины и фармакологии не позволял эффективно лечить многие болезни, но, руководствуясь гуманистическими принципами и желанием помочь воспитанникам приютов, врачи видели путь для решения многих проблем со здоровьем в правильном питании: «предстоит Великий Пост, что составляет для меня весьма трудную задачу, в отношении сбережения здоровья детей в Приюте, в особенности же при непостоянной ситуации нынешнего года, когда вообще и в частных домах сильно заболевают дети и при всех предохранительных мерах, теряют их большой процент» [20, л. 20]. В связи с этим врач сделал вывод о том, «как слабы эти дети и по своему семитическому худосочию, составляют исключение из общего числа других заведений. Поэтому хорошее питание для них равносильно жизненному условию» [20, л. 20 об.].

Врачи, осматривавшие детей, порой наблюдали не только за их физическим здоровьем, но и за психологическим состоянием и настроением, а иногда и делали очень нетипичные назначения. В отчете директору врач информирует:

Вчера... осматривая детей нашел, что они значительно все поправились в своем здоровье. Все веселы и бодры, а это лучший признак настоящего их состояния... я осмотрел взрослого мальчика Михаила, у него воспаление глаз совершенно прошло, физических болей тоже я не нахожу, а в нравственном отношении замечается упрямство или своенравие, характеризующееся у-

диненностью и лишением себя пищи, – так по крайней мере мне кажется. Чтобы изъять его из такого состояния или лучше сказать настроения духа, я предложил в виде испытания купаться, для чего с Вашего разрешения я дал Вере Александровне 1 руб. сер. – на купание, чтобы он ежедневно вечером ходил [20, л. 4–4 об.].

Врачи с большой заботой и вниманием относились к лечению детей, пытаясь выяснить причины их недомогания и оказать максимальную помощь, и это являлось искренним желанием, не сопряженным с собственным материальным благополучием и обогащением. В отчете о лечении девочки доктор П. Бакиновский написал, что «болезнь ее от неосторожности, или лучше сказать от небрежности и легкой одежды при выходе из комнаты усилилась. Болезнь горла перешла на воспаление ветвей его; а потому я признаю необходимостью отправить ее в больницу, где ванны и более спокойствия принесут пользу; тем более в ее положении» [20, л. 7–7 об.].

Осмотр детей врачами при поступлении в приюты свидетельствовал не только о многочисленных проблемах детей со здоровьем, но и об отсутствии элементарного понимания необходимости ухода за собственным телом и знаний по этому вопросу. Не исключено, что в силу условий их проживания до попадания в благотворительные заведения некоторые из детей вообще никогда не посещали ни одного врача, что приводило не только к прогрессирующим хроническим недугам, но и болезням, результатом которых являлось несоблюдение правил гигиены. В одном из медицинских отчетов о двух новых воспитанницах написано:

они имеют знаки привитой оспы, крайне истощены, без малейшего развития мышечной ткани; а потому в видах настоятельно необходимого для них питания, с разрешения вашего, присоединить их к диетическому столу, тех слабых, кои уже оный получают... Сверх того, у вновь поступивших девочек, вследствие золотухи очень много нарывших и еще инородных насекомых (вшей), для чего мною дано наставление, как их постепенно вывести и окончательно истребить [20, л. 13].

Кроме оказания медицинской помощи заболевшим, в обязанности врача входило наблюдение за питанием детей и рекомен-

дации по улучшению его качества: «прибавление мясной пищи, будет для детей весьма полезною поддержкою, тем более, что из полагаемой днем говядины пользуются и все служащиеся в приюте, а потому она раздробляется на такие мелкие частицы, что навар не соответствует крепости бульона, а потому и некоторой цели быть питательным, в особенности для детей хилых и перенесших болезнь» [20, л. 17 об].

Контроль за соблюдением чистоты, правил гигиены и профилактических мер, о чем свидетельствуют медицинские отчеты, также входил в обязанности врачей: «дети Приюта относительно пользуются здоровьем и, как неизбежное детскому возрасту частое заболевание, тотчас предупреждается пособием, которое всегда на разные случаи в приюте имеется, с наставлением при каких случаях, что давать. Из деланного мною наблюдения..., что медицинские пособия, вначале употребленные не редко предупреждают серьезные заболевания. Это можно заключить из того, что кроме двух девочек одержимых корью, не было более отправляемо в детскую больницу. Я это отношу к правильному детей питанию и внимательному за ними присмотру» [20, л. 13 об.].

Врачи старались находить решение всех проблем, порой проявляя изобретательность, с учетом непростого прошлого и привычек своих воспитанников. В медицинском отчете в Мариинско-Сергиевском приюте говорится, что «предложенный мною войлок с обшивкой из гутаперчи достигает своей цели, хотя дети их мочат (таковых три мальчика) но постилка из резины не пропускает, а потому не впитывается как это прежде было, что пропитанные мочою матрасы испускают зловоние в продолжении дня на всю комнату, – введение этого постельного прибора избавило от дурного запаха в комнатах, ибо легко снимается и ежедневно на воздухе просушивается» [20, л. 14].

Хорошо поставленная в учреждении забота о здоровье воспитанников давала свои результаты, вызывая в определенной степени чувство гордости со стороны врачей. «Сегодня был в приюте, где по милости творца дети все здоровы, за исключением хилых, как-то Людмилы и младшей Якобсон, которую велено уложить в постель и дать лекарство» [20, л. 19].

Отчеты врачей благотворительных заведений свидетельствуют об их высоком профессионализме и энтузиазме. Пред-

метом их гордости было лечение непосредственно в приюте, а не в больнице, поскольку госпитализация была сопряжена еще и с финансовыми затратами: «мерами благоразумия при медицинском домашнем пособии дети так счастливо ведутся, что не отправляются в больницу, а большею частью, при предпринятых предосторожностях поправляются у себя» [20, л. 20–21 об.].

Врачи не просто добросовестно исполняли свои обязанности, но и проявляли, инициативу и строили планы на перспективу. «Со временем думаю заняться с детьми врачебной гимнастикой, но теперь они еще малы, а потому оставляю это на время до будущего времени, когда их возраст будет соответствовать для этой цели» [20, л. 14]. Одновременно медики учитывали влияние сезонного фактора, предусматривая необходимость «иметь для приюта две гарантированные кровати в больнице, на случай заболевания, имея в виду приближающуюся весну, когда детский организм подвергается более восприимчивости к разным неблагоприятным влияниям» [22, л. 1]. В целом на протяжении XIX – начала XX в. был накоплен значительный опыт и увеличилась эффективность по оказанию медицинской помощи воспитанникам приютов.

Обсуждение и выводы

Попечительскими советами и самими работниками благотворительных заведений для детей в Санкт-Петербурге уделялось значительное внимание разнообразным аспектам, связанным с охраной здоровья воспитанников, начиная от питьевой воды, питания, гигиены быта, обеспечения медикаментов и заканчивая купанием и гимнастикой. Несмотря на локальный на первый взгляд характер этой деятельности, наряду с обучением, воспитанием, профессиональной подготовкой она способствовала формированию полноценных членов общества как в моральном, так и в физическом отношении. При отсутствии родителей, либо даже при их наличии, но таких, которые не способны были положительно влиять на детей и выполнять роль полноценных агентов первичной социализации, именно благотворительные заведения брали на себя эту чрезвычайно важную роль. К середине XIX в. появилась практика закрепления врачей разного профиля за приютами. Документы, храня-

щиеся в ЦГИА СПб, свидетельствуют о безвозмездном оказании помощи призреваемым детям не только врачами, но и провизорами по обеспечению медикаментами. Профессиональное, человеколюбивое и бескорыстное отношение к воспитанникам со стороны врачей выражалось в индивидуальном подходе к каждому ребенку и в стремлении добиться результативности по его лечению.

Изучение медицинских отчетов свидетельствует не только о наличии разнообразных проблем у воспитанников со здоровьем при поступлении в приюты, но и об отсутствии у них навыков и знаний по уходу за собственным телом и соблюдению правил гигиены. Из-за условий жизни, в которых существовали некоторые дети до попадания в благотворительные заведения, они никогда не посещали врачей, что приводило к худосочию и переходу некоторых болезней в хронические формы.

Формирование системы благотворительных заведений для детей явилось примером поступательного развития и функционирования гражданского общества в императорской России, в котором проявлялись не только профессиональные качества людей, но и лучшие человеческие черты, основанные на принципах гуманизма, добродетели и бескорыстия.

Список литературы

1. Дерюжинский В. Ф. Заметки об общественном призрении. М.: Тип. «Рус. вед.», 1893. 87 с.
2. Ильинский В. Благотворительность в России: (История и настоящее положение). СПб.: Тип. Имп. Человеколюбив. о-ва, 1908. 32 с.
3. Благотворительная Россия: история государственной, общественной и частной благотворительности в России / под ред. П. И. Лыкошина. СПб.: издание Светлейшей княгини О. Ф. Имеретинской и П. И. Лыкошина, 1901. В 2 т. 264 + 264 с.
4. Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX в. М.: Наука, 2005. 403 с.
5. Гривастова А. Н. Благотворительность в дореволюционной России: основные проблемы и итоги изучения // Христианское чтение. – 2022. – № 2. – С. 335–338.
6. Лазарева С. И. Благотворительность в контексте модернизационных процессов в России в XVI – начале XX в. (общероссийский и региональный аспекты) // Россия и АТР. – 2022. – № 1. – С. 95–106.
7. Голикова С. В., Дашкевич Л. А. Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX вв.: институциональный и социокультурный аспекты. Екатеринбург: РИО УрО РАН, 2013. 436 с.

8. Жукова Л. А. Деятельность женских благотворительных организаций в России по оказанию помощи женщинам и детям в XVIII – начале XX вв. // *Женщина в российском обществе*. – 1996. – № 1. – С. 43–49.

9. Семёнова О. А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // *История повседневности*. – 2019. – № 4 (12). – С. 72–81.

10. Матвеева Е. С., Меркулов А. В., Молоткова Е. Д. Роль благотворительных ведомств и общественных организаций дома Романовых в процессе поддержания быта детей во второй половине XIX – начале XX в. // *Власть*. – 2019. – № 2. – С. 217–224.

11. Слугина Н. В. Благотворительные социально-педагогические заведения для детей в Туле и Тульской губернии в конце XIX – начале XX вв. // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. – 2012. – № 3. – С. 448–453.

12. Дашкевич Л. А. Трудовое воспитание в сельских приютах Пермской губернии в конце XIX – начале XX века // *Педагогическое образование в России*. – 2018. – № 5. – С. 6–12.

13. Кухер К., Щербинин П. П. Особенности призрения детей-сирот в Тамбовской губернии в XIX – начале XX века сквозь призму общественной и частной благотворительной деятельности // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. – 2017. – Т. 22. Вып 6 (170). – С. 179–186.

14. Веремченко В. А. «В здоровом теле – здоровый ум»: физическое воспитание и спорт в столичной дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX вв. // *История повседневности*. – 2022. – № 3 (23). – С. 82–102.

15. Веремченко В. А. Туалет и ванна: гигиена тела в городских дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // *Вопросы истории*. – 2022. – № 7–2. – С. 18–23.

16. Веремченко В. А., Самарина Л. А. «Домашняя санитария» как вызов: гигиенические практики в дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX вв. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: История и современность: сб. материалов междунар. науч. конф. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. – С. 151–157.

17. Баранов А. А., Альбицкий В. Ю., Шер С. А., Устинова Н. В. Отечественные традиции милосердия и благотворительности в сфере охраны здоровья детей в России // *Педиатрия. Журнал им. Г. Н. Сперанского*. – 2016. – № 4 (Т. 95) – С. 230–235.

18. Синова И. В. Быт и питание воспитанников благотворительных заведений для детей Санкт-Петербурга в середине XIX – начале XX вв. // *Научный диалог*. – 2022. – Т. 11. № 10. – С. 480–496.

19. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА СПб), Ф. 8. Оп. 1. Д. 135.

20. ЦГИА СПб. Ф. 542. Оп. 1. Д. 22.

21. ЦГИА СПб. Ф. 411. Оп. 2. Д. 354.

22. ЦГИА СПб. Ф. 542. Оп. 1. Д. 246.

23. ЦГИА СПб. Ф. 1163. Оп. 1. Д. 1542.

Health protection of pupils of charitable institutions for children in the middle of the 19th – early 20th centuries (based on St. Petersburg materials)

Irina V. Sinova

The article, based on documents from the funds stored in the Central State Historical Archive of St. Petersburg (TSGIA SPb), discusses issues related to the protection of the health of pupils of charitable institutions for children on the basis of the formation of the system of medical care by the Boards of Trustees. Among the problems that were analyzed was the nutrition of pupils, on the quality of which, among other things, the rehabilitation of sick pupils depended. Concrete examples show that a differentiated approach was used to strengthen the physical condition of children even during Orthodox fasts. The approaches and the system of providing medical care to pupils were identified and analyzed, it was shown that the main diseases and health problems were mainly associated with lifestyle and living conditions before they were assigned to charitable institutions. Analysis of medical reports also indicates that some children lack the skills and knowledge to take care of their own body and comply with hygiene rules.

Key words: childhood, everyday life, hygiene, health protection, charitable institutions.

For citation: Sinova, I. V. (2023). Ochrana zdorov'ja vospitannikov blagotvoritel'nyh zavedenij dlja detej v sereдинe XIX – nachale XX v. (na materialah Sankt-Peterburga) [Health protection of pupils of charitable institutions for children in the middle of the 19th – early 20th centuries (based on St. Petersburg materials)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 82–99. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_82

References

1. Deryuzhinskij, V. F. (1893) *Zametki ob obshchestvennom prizrenii* [Notes on public charity] M.: Tip. «Rus. ved.». (In Russ.)
2. Il'inskij, V. (1908) *Blagotvoritel'nost' v Rossii: (Istoriya i nastoyashchee polozhenie)* [Charity in Russia: (History and present situation)] SPb.: tip. Imp. CHelovekolyubiv. o-va. (In Russ.)
3. *Blagotvoritel'naya Rossiya: istoriya gosudarstvennoj, obshchestvennoj i chastnoj blagotvoritel'nosti v Rossii / pod red. P. I. Lykoshina. SPb.: izdanie Svetlejshej knyagini O. F. Imeretinskoj i P. I. Lykoshina* (1901) [Charity Russia: history of state, public and private charity in Russia]. In 2 vols. (In Russ.)
4. Ulyanova, G. N. (2005) *Blagotvoritel'nost' v Rossijskoj imperii. XIX – nachalo XX v.* M.: Nauka [Charity in the Russian Empire. XIX – early XX century]. (In Russ.)
5. Grivastova, A. N. (2022) *Blagotvoritel'nost' v dorevolucionnoj Rossii: osnovnye problemy i itogi izucheniya* [Charity in pre-revolutionary Russia: the main problems and results of the study] // *Hristianskoe chtenie* [Christian reading.] No. 2. Pp. 335–338. (In Russ.)
6. Lazareva, S. I. (2022) *Blagotvoritel'nost' v kontekste modernizacionnyh processov v Rossii v XVI – nachale XX v. (obshcherossijskij i regional'nyj aspekty)* [Charity in the context of Modernization processes in Russia in the XVI – early XX century (all-

Russian and regional aspects] // *Rossiya i ATR* [Russia and the Asia-Pacific region] No. 1. Pp. 95–106. (In Russ.)

7. Golikova, S. V., Dashkevich, L. A. (2013) *Prizrenie detej na Urale v XVIII – nachale XX vv.: institucional'nyj i sociokul'turnyj aspekty* [The vision of children in the Urals in the XVIII – early XX centuries: institutional and socio-cultural aspects] Ekaterinburg: RIO UrO RAN. (In Russ.)

8. ZHukova, L. A. (1996) *Deyatel'nost' zhenskikh blagotvoritel'nyh organizacij v Rossii po okazaniyu pomoshchi zhenshchinam i detyam v XVIII – nachale XX vv.* [The activities of women's charitable organizations in Russia to help women and children in the XVIII – early XX centuries] // *ZHenshchina v Rossijskom obshchestve* [A woman in Russian society] No. 1. Pp. 43–49. (In Russ.)

9. Semyonova, O. A. (2019) *Popechenie o materyah i mladencah v Sankt-Peterburge v nachale XX v. na primere gorodskoj «Kapli moloka»* [Taking care of mothers and babies in St. Petersburg at the beginning of the XX century. on the example of the urban "Drop of milk"] // *Istoriya povsednevnosti* [The history of everyday life] No. 4 (12). Pp. 72–81. (In Russ.)

10. Matveeva, E. S., Merkulov, A. V., Molotkova, E. D. (2019) *Rol' blagotvoritel'nyh vedomstv i obshchestvennyh organizacij doma Romanovyh v processe podderzhaniya byta detej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [The role of charitable departments and public organizations of the Romanov House in the process of maintaining the life of children in the second half of the XIX – early XX century] // *Vlast'*. [Power] No. 2. Pp. 217–224. (In Russ.)

11. Slugina, N. V. (2012) *Blagotvoritel'nye social'no-pedagogicheskie zavedeniya dlya detej v Tule i Tul'skoj gubernii v konce XIX – nachale XX vv.* [Charitable social and pedagogical institutions for children in Tula and Tula province in the late XIX – early XX centuries] // *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Tula State University. Humanities] No. 3. Pp. 448–453. (In Russ.)

12. Dashkevich, L. A. (2018) *Trudovoe vospitanie v sel'skikh priyutah Permskoj gubernii v konce XIX – nachale XX veka* [Labor education in rural shelters of the Perm province in the late XIX – early XX century] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical education in Russia]. No. 5. Pp. 6–12. (In Russ.)

13. Kuher, K., SHCHerbinin, P. P. (2017) *Osobennosti prizreniya detej-sirot v Tambovskoj gubernii v XIX – nachale HKH veka skvoz' prizmu obshchestvennoj i chastnoj blagotvoritel'noj deyatel'nosti* [Features of the care of orphans in the Tambov province in the XIX – early XX century through the prism of public and private charitable activities] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* -Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities] Vol. 22. No. 6 (170). Pp. 179–186. (In Russ.)

14. Veremenko, V. A. (2022) *«V zdorovom tele – zdorovyj um»: fizicheskoe vospitanie i sport v stolichnoj dvoryansko-intelligentskoj srede Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* ["In a healthy body – a healthy mind": physical education and sports in the metropolitan noble and intellectual environment of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Istoriya povsednevnosti* [The history of everyday life] No. 3 (23). Pp. 82–102. (In Russ.)

15. Veremenko, V. A. (2022) *Tualet i vanna: gigiena tela v gorodskih dvoryansko-intelligentskikh sem'jah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Toilet and bath: body hygiene in urban noble and intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Voprosy istorii* [History issues] No. 7–2. Pp. 18–23. (In Russ.)

16. Veremenko, V. A., Samarina, L. A. (2021) «*Domashnyaya sanitariya*» kak vyzov: *gigienicheskie praktiki v dvoryansko-intelligentskih sem'yah Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* ["Home sanitation" as a challenge: hygienic practices in noble and intellectual families of Russia in the second half of the XIX – early XX centuries] // «*Vyzov*» v *povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: Istoriya i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoj konferencii.* SPb.: LGU im. A. S. Pushkina [In the collection "Challenge" in the everyday life of the population of Russia: History and modernity. Materials of the international conference. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University]. Pp. 151–157. (In Russ.)

17. Baranov, A. A., Al'bickij, V. YU. Sher, S. A., Ustinova, N. V. (2016) *Otechestvennye tradicii miloserdiya i blagotvoritel'nosti v sfere ohrany zdorov'ya detej v Rossii* [Domestic traditions of charity and charity in the field of children's health in Russia] // *Pediatriya. ZHurnal im. G. N. Speranskogo* [Pediatrics. G. N. Speransky Magazine] No. 4 (Vol. 95) Pp. 230–235. (In Russ.)

18. Sinova, I. V. (2022) *Byt i pitanie vospitannikov blagotvoritel'nyh zavedenij dlya detej Sankt-Peterburga v sereдинe XIX – nachale XX vv.* [Life and nutrition of pupils of charitable institutions for children of St. Petersburg in the middle of the XIX – early XX centuries] // *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue] Vol. 11 No. 10. Pp. 480–496. (In Russ.)

19. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv (CGIA SPb)* [Central State Historical Archive (TSGIA SPb)]. F. 8. Op. 1. D. 135.

20. *CGIA SPb.* F. 542. Op. 1. D. 22.

21. *CGIA SPb.* F. 411. Op. 2. D. 354.

22. *CGIA SPb.* F. 542. Op. 1. D. 246.

23. *CGIA SPb.* F. 1163. Op. 1. D. 1542.

Статья поступила в редакцию 4.03.2023

Одобрена после рецензирования 23.03.2023

Принята к публикации 6.04.2023

Балабановские рощи как место памяти донских армян

С. С. Казаров

Переселенные из Крыма в XVIII в. на донскую землю армяне трепетно относились и продолжают помнить о тех памятных местах, которые хоть в какой-то мере напоминали им об их историческом прошлом. Одним из таких мест памяти стали т. н. Балабановские рощи – искусственно засаженный лесной массив, находящийся на северной окраине Нахичевани-на-Дону. Городская дума уделяла большое внимание обустройству этого зеленого массива, выделяя из бюджета на это значительные средства. Эти рощи были названы по имени городского головы М. И. Балабанова, который много сделал для их благоустройства. Со временем Балабановские рощи превратились в излюбленное место отдыха нахичеванцев, которые проводили здесь время, особенно в жаркие летние дни, ибо далеко не все из них имели собственные дачи, на которых можно было найти спасение от летнего зноя. С другой стороны, удаленность роц от центра города привела к тому, что в начале XX в. Балабановские рощи стали местом разбоя и грабежей, хотя городские власти вели борьбу за искоренение здесь преступности. Сейчас на месте Балабановских роц располагается городской парк культуры и отдыха им. Островского г. Ростова-на-Дону. О существовании здесь некогда Балабановских роц напоминает памятный знак, установленный ростовскими энтузиастами-краеведами.

Ключевые слова: донские армяне, Нахичевань-на-Дону, место памяти, Балабановские рощи, благоустройство.

Для цитирования: Казаров С. С. Балабановские рощи как место памяти донских армян // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 100–109. DOI 10.35231/25422375_2023_2_100

Введение

История донского края местными краеведами и историками в течение долгого времени ассоциировалась исключительно с историей донского казачества, что нашло свое отражение не только в значительном объеме монографических исследований, но и в учебных программах по регионоведению. В то же самое время история второй по численности в области армянской диаспоры вплоть до конца 1980-х гг. оставалась неисследованной. Долгое время единственной работой на эту тему была брошюра А. Богданяна, изданная в далеком 1947 г. [1]. Проблемы экономического развития, общественной и культурной жизни нашли отражение в капитальной монографии В. Б. Бархударяна [2]. Однако проблемы быта и повседневности донских армян так и оставались неизученными, хотя их отдельные аспекты все-таки затрагивались в ряде изданий. Так, обычаи и праздники донских армян характеризуются в работе Е. О. Шахазиза [3]. Театральной жизни Нахичевани-на-Дону посвящена статья Н. А. Казаровой [4].

Источниковую базу исследования составили материалы Государственного архива Ростовской области (ф. 91 – Нахичеванская городская дума), а также местной периодической печати, такие как «Приазовский край» и «Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской думы».

Результаты

Согласно жалованной грамоте императрицы Екатерины II, армянским переселенцам из Крыма взамен оставленных ими земельных угодий, садов и виноградников были пожалованы 3 тыс. десятин донской земли. Часть земель были отведены сельским поселенцам, которые основали пять армянских сел, часть – жителям построенного здесь нового г. Нахичевани-на-Дону. Со временем общий земельный фонд города возрос до 20 тыс. десятин [2, с. 520]. Неслучайно один публицист из активно растущего соседнего Ростова с завистью отмечал, что свободной земли у нахичеванцев «слишком много» [5, с. 118].

Во второй половине XIX в. власти города решили засадить расположенные в северной его части земли различными деревьями и кустарниками. К концу XIX в. эти искусственные насаждения представляли из себя три крупных зеленых мас-

сива площадью около 100 десятин или приблизительно 10 га [6, с. 168].

С первых же дней основания эти рощи стали предметом особой заботы со стороны городского управления Нахичевани-на-Дону. На одном из заседаний городской думы отмечалось, что «...названная выше роща, несомненно, уже и в настоящем своем виде является лучшим украшением города и указывает на полезную заботливость Городской Думы об увеличении растительности, свидетельствующим о культурных стремлениях нахичеванского Городского Управления» [7, л. 1]. Однако в докладе подчеркивалось, что необходимо продолжить работу по ее благоустройству:

...оставлять Балабановскую рощу... в ее настоящем полудиком состоянии – это значит остановиться на пол дороге. Нет надобности доказывать, что на обязанности города лежит не только насадить рощу, но и сделать ее возможно благоустроенной и общедоступной для населения, где бы городские обыватели, не могущие пользоваться дачами и другими дорогими летними местами отдыха, имели возможность каждодневно найти удобный приют и убежище в летний зной [7, л. 1].

Тогда же в мае 1903 г. городской управой Нахичевани-на-Дону с этой целью были намечены следующие меры: 1) центральная продольная аллея должна быть усыпана тырсой и утрамбована для гуляния пешеходов; 2) две боковые продольные аллеи предполагалось «шоссировать» для движения экипажей; 3) с восточной и южной стороны должны были быть установлены массивные ворота с калитками с обеих сторон. В Государственном архиве Ростовской области сохранилась смета расходов, составленная городским архитектором Н. Н. Дурбахом. Для шоссейных работ было предложено использовать 95,7 кубов песка на сумму 1148 р. 40 к. и 215, 32 кубов камня на сумму 3229 р. 80 к. Для тырсовой дорожки предполагалось использовать 80,68 кубов щебня на сумму 1452 р. На сооружение и укрепление ворот намечалось израсходовать 44 тыс. кирпича на сумму 618 р. [7, л. 5].

Однако, как можно судить на основе сохранившихся документов, в ходе работ смета благоустройства Балабановский рощи была значительно превышена: на замощение тырсовых

дорожек в реальности было потрачено 3214 р. 36 к., укладка шоссе обошлась в 10 128 р. 30 к. В ходе работ дополнительно потребовалась будка сторожа, которая обошлась в 150 р. Общая сумма работ составила 13 492 р. [7, л. 16].

Помимо рощи, недалеко от нее был устроен т.н. питомник, где выращивались саженцы различных деревьев. На заседании городской управы 28 ноября 1906 г. было заслушано предложение члена управы Л. А. Александрова об устройстве нового питомника между Балабановской рощей и полотном железной дороги, но вопрос был отложен до решения специальной подготовительной комиссией. Подготовительная комиссия в лице гласных думы Г. А. Чубарова, К. Е. Ходжаева и Л. А. Аладжалова пригласила в качестве сведущего лица лесничего С. Я. Семизорова, который заявил, что он разделяет мнение члена управы Л. А. Аладжалова об основании нового питомника. Городская дума постановила предложение Л. А. Аладжалова об основании нового питомника принять, отвести под него пять десятин городской земли и руководствоваться указаниями областного лесничего С. Я. Семизорова в отношении охраны Балабановской рощи [8, с. 79–80].

В виду некоторой удаленности от центра города к роще были проложены трамвайные пути, и трамвайная остановка была устроена прямо напротив входа в нее. Все это обеспечивало приток посетителей, особенно в выходные и праздничные дни. Так, в одной заметке из газеты «Приазовский край» сообщалось, что 11 мая 1890 г. в Балабановской роще была такая масса гуляющих, что «...даже 12 циркулирующих по загородней линии вагонов не могли удовлетворить желающих, почему громадное скопление пассажиров у трамвайной будки вблизи железнодорожного вокзала продолжалось до позднего вечера. При этом ни трамвайная будка, ни площадка у нее совсем не были освещены и гуляющие были вынуждены ожидать очередного трамвая в темноте...» [9]. Пресса еще неоднократно обращалась к состоянию трамвайной платформы, находившейся напротив остановки у входа в Балабановскую рощу, радостно сообщая о проведенных ремонтных работах, в результате которых «отныне гуляющие не рискуют переломать себе ноги» [10].

В благодарность за «выдающийся» личный вклад в дело обустройства этого зеленого массива городского головы М. И. Ба-

лабанов, согласно предложению гласного М. Г. Магдесиева, городская дума на своем заседании в январе 1895 г. постановила именовать эти рощи «Балабановскими». Постановление было принято единогласно [11, с. 4].

О том, какое значение придавал сам Минас Ильич обустройству этого зеленого массива, ярко свидетельствует один эпизод: когда на заседании городской думы в 1893 г. было зачитано заявление 13 гласных, в котором они предлагали избрать М. И. Балабанова почетным гражданином г. Нахичевани в воздаяние его заслуг за все время с введения нового городского положения то в звании гласного думы, то в должности члена управы без оклада жалования, то, наконец, в деятельности городского головы, дума единогласно приняла это предложение. В ответном слове М. И. Балабанов поблагодарил думу и выразил пожелание, которое на первый взгляд может показаться весьма странным: после его смерти «быть похороненным вместе с женой своей в Нахичеванском лесу, уже несколько лет назад посаженном близ вокзала железной дороги» [11, с. 4].

В летнее время в жаркой и знойной Нахичевани-на-Дону резко возрастала потребность в питьевой воде. Некоторое время в течение всего лета гуляющие в Балабановской роще и городском питомнике пользовались водой из городского водопровода, кран которого находился в зале 3-го класса железнодорожной станции «Нахичевань-Темерник». Затем по каким-то неизвестным причинам в мае 1890 г. водопровод по техническим причинам был закрыт. Станция же отказалась от выдачи воды гуляющим, ибо железная дорога в самом деле не обязана была удовлетворять эти требования. Проблема была решена путем размещения буфетов, продававших прохладительные напитки. В течение нескольких лет городское управление предоставляло желающим арендовать территорию Балабановских рощ для торговли чаем, шашлыками и прохладительными напитками, однако некоторые арендаторы в нарушение договора стали самовольно вносить предметы торговли, не указанные в договоре, что приводило к разного рода безобразиям. Городская управа, согласно постановлению городской думы от 10 марта 1908 г., решила назначить торги на сдачу в арендное пользование Балабановской рощи. Были разработаны кондиции. Рощу решено было сдавать в аренду на установленный срок с предо-

ставлением права возвести необходимые постройки, открыть буфет с продажей вина, пива, шашлыка и других закусок [12].

После этого александропольский мещанин Пополджиев вышел в управу со следующим предложением: он единственный берет всю рощу в аренду сроком на пять лет с оплатой 500 р. в год, обустривает на ее территории буфет с продажей пива, горячих кушаний и прохладительных напитков, за исключением водки. Также он обязался пригласить оркестр, который бы по вечерам играл для посетителей [13]. Эти предложения управа посчитала приемлемыми.

Однако удаленность Балабановских рощ от центра города и общий всплеск преступности в Ростово-Нахичеванском городском комплексе в конце XIX – начале XX в. привели к тому, что это место стало ареной грабежей и разбоев. Местная периодическая печать буквально пестрила подобными сообщениями.

Летом, в ... 1893 г. в разводящемся между Нахичеванской Богадельней и полотном железной дороги лесу найден труп неизвестного задушенного человека, 18 июля в том же лесу в 25 саженях от ведущих в лес ворот около самой железной дороги опять найден труп неизвестного человека. Оба эти трупа совершенно разложившиеся, причем последний настолько, что даже тщательное медицинское вскрытие и расследование оказались не в силах определить причину смерти. Хотя в этом лесу и есть один сторож, но оба вышеприведенных факта свидетельствуют, что для такого обширного пространства одного сторожа недостаточно. Кроме этих двух случаев в прошлом году в том же лесу изнасилована с растлением 11-летняя девочка, которая во время совершения над ней преступления сильно кричала, но никем не была услышана, что доказывает также крайнюю необходимость усиления надзора в этом лесу.

Не изменилась ситуация и спустя десятилетия. Так, 29 декабря 1912 г. около 3-й Балабановской рощи обнаружен труп молодой женщины, крестьянки Ксении Дубининой, с веревкой на шее. В убийстве был заподозрен её муж Сергей Дубинин [14]. А 8 июня 1913 г. крестьянин К. Тарасов, со своей женой возвращаясь в Нахичевань, зашли в Балабановскую рощу и уселись на одной из скамеек. Через некоторое время к ним подсели трое неизвестных. Один из них потребовал от Тарасова денег,

угрожая расправой. Тарасов отказал незнакомцу и стал кричать, взывая о помощи. Незнакомый ударил Тарасова ножом в спину и быстро скрылся в роще с товарищами. Пострадавший был доставлен в городскую больницу [15].

2 августа 1915 г. около 12 ч дня двое неизвестных, проникнув через незапертое окно в квартиру С. Л. Хазарова по 2-й Соборной ул., № 14, похитили самовар, стоявший 24 р., с которым и скрылись. Командированными городскими ворами были достигнуты в степи. Они бросили самовар и скрылись во 2-й Балабановской роще. По убежавшим было произведено три безрезультатных выстрела [16].

2 февраля 1916 г. в 7 ч утра артельщик городской управы В. Ф. Загайный отправился на станцию «Нахичевань» для выкупа леса. В 1-й Балабановской роще на Загайнова напали трое грабителей, которые, по словам потерпевшего, набросили ему на голову мешок, скрутили руки и вытащили 4050 р. [17]. Список подобных сообщений о происшествиях на территории рощи можно было бы легко продолжить...

Рост преступности уже в июне 1909 г. привел к тому, что арендаторы Балабановской рощи подали в городскую управу заявление, в котором указывали на то, что «роща стала излюбленным местом для сборища хулиганов», а публика из-за этого стала неохотно посещать ее. В течение самого непродолжительного времени преступными лицами, укрывающимися в роще, было совершено несколько преступлений и дерзких краж. Все это в конечном итоге привело к тому, что торговля в роще пришла в упадок. Арендаторы просили понизить арендную плату и принять меры к устранению хулиганства в роще [18].

Нельзя сказать, что городская дума и городская управа не пытались бороться с преступностью в Балабановских рощах. Так, был осуществлен наем трех сторожей с окладом по 15 р. в месяц и на устройство помещения для них было выделено единовременно 300 р. Расход был внесен в смету города [11, с. 4].

И все же среди нахичеванцев Балабановские рощи продолжали пользоваться популярностью. Немаловажной причиной этого являлся жаркий донской климат, когда летом температура в городе поднималась выше 40° и богатая растительность могла служить для горожан некоторым спасением от летнего зноя. Так, газета «Приазовский край» сообщала, что 4 мая 1890 г. Ба-

лабановскую рощу посетила масса людей. Главная аллея рощи была весь день запружена гуляющими, чему способствовала, очевидно, игравшая около буфета музыка. «Судя по выстроенной для оркестра ротонде, очевидно, арендатор буфета решил приглашать музыкантов на каждый праздничный день» [19].

Нахичеванская публика начинала посещать Балабановские рощи и нахичеванский городской питомник уже с весны. Так в одной из заметок сообщалось, что «...несмотря на продолжающиеся холода и печальный вид едва распустившихся деревьев уже теперь охотно посещается самой разнородной публикой. Буфеты в питомнике и роще действуют пока слабо. Питомник посещается большей частью интеллигенцией, являющейся туда не столько ради бражничества, сколько для прогулок, но там давным-давно ощущается недостаток в лавочках для сидения, как на главной, так и на боковых аллеях» [20].

Наличие значительного зеленого массива, оказавшегося фактически в городской черте, не могло не привлечь к нему внимание со стороны разного рода покупателей. Так, в октябре 1916 г. прошел слух об отводе 20 десятин от Балабановской рощи для устройства ипподрома [21]. Основывался ли этот слух на реальной информации, нам, к сожалению, пока установить не удалось.

Обсуждение и выводы

Таким образом, Балабановские рощи были излюбленным местом прогулок и отдыха нахичеванцев. Прогулки горожан здесь стали одной из сторон их повседневной жизни. Те из них, кто не имел возможности выезжать на собственные дачи, всегда здесь мог найти спасение от летнего зноя. Неслучайно Балабановские рощи всегда были предметом заботы со стороны городского управления, которые расходовали немалые средства из бюджета на их благоустройство. Сейчас на их месте располагается городской парк культуры и отдыха им. Островского. Память о существовании ранее здесь Балабановских рощах сохранилась лишь среди старожиллов города, поэтому на их месте ростовскими энтузиастами-краеоведам был установлен памятный знак, который напоминает нам об истории этого памятного места.

Список литературы

1. Богданян М. Из прошлого: О переселении армян из Крыма на Дон. Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство. 1989. 51 с.
2. Бархударян В. Б. История армянской колонии Новая Нахичевань. 1779–1917. Ереван: Айастан, 1996. 528 с.
3. Шахазиз Е. О. Нор Нахичеван и новонахичеванцы / пер. с армян. Ш. Шагиняна. Ростов н/Д.: ЗАО «Книга», 2005. 240 с.
4. Казарова Н. А. Театральные традиции донских армян (середина XIX – начало XX вв.) // Нахичевань-на-Дону: история и современность (к 240-летию переселения армян на Дон): материалы международной научной конференции г. Ростов-на-Дону, 18–19 октября 2019 г. – Ростов н/Д., 2019. – С. 149–184.
5. Греков А. М. Приазовье и Дон. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1912. 208 с.
6. Сидоров В. С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1. Ростов н/Д.: ДГПБ, 1993. 224 с.
7. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 1195.
8. Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской думы. – 1907. – №1.
9. Приазовский край. – 1890. – 13 мая. – № 126.
10. Приазовский край. – 1908. – 28 апреля. – № 111.
11. Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской думы. – 1895. – № 1.
12. Приазовский край. – 1908. – 4 марта. – № 60.
13. Приазовский край. – 1908. – 14 февраля. – № 42.
14. Приазовский край. – 1913. – 1 января. – № 1.
15. Приазовский край. – 1913. – 10 июня. – № 149.
16. Приазовский край. – 1915. – 4 августа. – № 15.
17. Приазовский край. – 1916. – 4 февраля. – № 6.
18. Приазовский край. – 1909. – 23 июня. – № 163.
19. Приазовский край. – 1890. – 7 мая. – № 120.
20. Приазовский край. – 1908. – 25 апреля. – № 108.
21. Приазовский край. – 1916. – 9 октября. – № 266.

Balabanovskiye groves as a place of memory of the Don Armenians

Sarkis S. Kazarov

The Armenians resettled from the Crimea in the 18th century to the Don land were trembling and now treat those memorable places that at least to some extent reminded them of their historical past. One of these places of memory were the so-called Balabanovskiye groves, an artificially planted forest area, located on the Northern outskirts of the Nakhichevan-on-Don city. The City Duma paid great attention to the arrangement of this green area, allocating significant funds from the budget for this. These groves were named after the mayor M. I. Balabanov, who did a lot for their improvement. Over time, the Balabanovskiye

groves turned into a favorite vacation spot for the Nakhichevan people, who spent time here, especially on hot summer days, because not all of them had their own dachas, where one could find salvation from the summer heat. On the other hand, the remoteness of the groves from the city center led to the fact that at the beginning of the 20th century the Balabanovskiye groves became a place of brigandage and robbery, although the city authorities fought to eradicate crime here. Now on the site of the Balabanovskiye groves there is a city park of culture and recreation named after Ostrovsky in Rostov-on-Don. The existence of the Balabanovskiye groves here is reminiscent of a memorial sign erected by Rostov local history enthusiasts.

Key words: Don Armenians, Nakhichevan-on-Don, place of memory, Balabanov groves, landscaping.

For citation: Kazarov, S. S. (2023). Balabanovskie roshhi kak mesto pamjati donskih armjan [Balabanovskiye groves as a place of memory of the Don Armenians]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 100–109. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_100

References

1. Bogdanyan, M. (1989) *Iz proshlogo: O pereselenii armyan iz Kryma na Don*. [From past. On the resettlement of Armenians from the Crimea to the Don]. Rostov-na-Donu: Rostovskoe knizhnoe izdatelstvo. (In Russ.)
2. Barhudaryan, V. B. (1996) *Istoriya armjanskoj kolonii Novaya Nahichevan*. 1779–1917 [History of the Armenian colony New Nakhichevan]. Erevan: Ajastan. (In Russ.)
3. Shahaziz, E. O. (2005) *Nor-Nahichevan I novonahichevancy* [Nor-Nahichevan and novonahichevancy] /per s armyan. Sh.Shaginyana. Rostov-on-Don: ZAO "Kniga". (In Russ.)
4. Kazarova, N. A. (2019) *Teatralnye tradicii donskih armyan (seredina XIX – nachalo XX vv.)* [Theatrical traditions of the Don Armenians (mid-19th – early 20th centuries)] *Nahichevan-na-Donu: istoriya i sovremennost. K 240-letiyu pereseleniya armyan na Don. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Nakhichevan-on-Don: history and modernity. To the 240th anniversary of the resettlement of Armenians to the Don. Materials of the international scientific conference]. Rostov-na-Donu, 18–19 October 2019. Rostov-on-Don. Pp. 149–184. (In Russ.)
5. Grekov, A. M. (1912) *Priazove i Don* [Sea of Azov and Don]. St. Petersburg: "obshchestv. polza". (In Russ.)
6. Sidorov, V. S. (1993) *Ehnciklopediya starogo Rostova i Nnahichevani-na-Donu*. [Encyclopedia of old Rostov and Nakhichevan-on-Don]. Vol. 1. Rostov-on-Don: DGPB. (In Russ.)
7. *Gosudarstvennyj arhiv Rostovskoj oblasti* (GARO) [State Archive of the Rostov Region]. F. 91. Op. 1. D. 1195.
8. *Vedomosti Nahichevanskoj-na-Donu Gorodskoj Dumy* [Gazette of the Nakhichevan-on-Don City Duma]. (1907). No. 1. (In Russ.)
9. *Priazovskij kraj* [Azov region]. (1890). 13 maya. No. 12. (In Russ.)
10. *Priazovskij kraj* [Azov region]. (1908). 28 aprelya. No. 111. (In Russ.)
11. *Vedomosti Nahichevanskoj-na-Donu Gorodskoj Dumy* [Gazette of the Nakhichevan-on-Don City Duma]. (1895). No. 1. (In Russ.)
12. *Priazovskij kraj* [Azov region]. (1908). 4 March. No. 60. (In Russ.)
13. *Priazovskij kraj* [Azov region]. (1908). 14 February. No. 42. (In Russ.)
14. *Priazovskij kraj* [Azov region] (1913). 1 January. No. 1. (In Russ.)
15. *Priazovskij kraj* [Azov region]. (1913). 10 June. No. 149. (In Russ.)
16. *Priazovskij kraj* [Azov region]. (1915). 4 August. No. 15. (In Russ.)
17. *Priazovskij kraj* [Azov region]. (1916). 4 February. No. 4. (In Russ.)
18. *Priazovskij kraj* [Azov region]. (1909). 23 June. No. 163. (In Russ.)
19. *Priazovskij kraj* [Azov region]. (1890). 7 May. No. 120. (In Russ.)
20. *Priazovskij kraj* [Azov region]. (1908). 25 April. No.108. (In Russ.)
21. *Priazovskij kraj* [Azov region]. (1916). 9 October. No. 266. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2023
Одобрена после рецензирования 23.02.2023
Принята к публикации 16.03.2023

Во что одевались жители Петрограда в феврале – октябре 1917 г.

В. В. Бобровников

В статье речь идет об одежде и моде в революционном Петрограде в феврале – октябре 1917 г. Для решения поставленных в исследовании задач были проанализированы периодические издания и свидетельства современников за рассматриваемый период времени. Сделан акцент на изменениях в повседневном гардеробе городских обывателей, произошедших под влиянием революции и военного времени. Показана доступность различных элементов одежды как товара первой необходимости. В годы войны основная масса производимых тканей направлялась на нужды фронта, в силу чего на гражданский рынок почти ничего не поступало. Новыми тенденциями революционной поры являлись эгалитаризм и пришедшая с улиц мода на красный цвет, имели популярность военные и траурные фасоны. Журналы мод предлагали экономичные образцы одежды, печатали советы по пошиву вещей в домашних условиях. Начавшаяся летом забастовка прислуги привела к резкому скачку тарифов, что закономерно привело к отказу потребителей от услуг прачечных. Наблюдался острый дефицит обуви в городе, в силу чего уже летом городские власти приняли решение организовать карточное нормирование отпуска обувных изделий. Тем не менее принятые властями меры не удовлетворяли потребительского спроса, а на рынке цена обуви и других элементов гардероба выросла в несколько раз. Острый дефицит тканей привел к нормированному их распределению осенью 1917 г., даже состоятельные граждане в таких обстоятельствах не могли позволить себе покупку готового платья.

Ключевые слова: городская повседневность, костюм, мода, обувь, одежда, Петроград, революция, 1917 г.

Для цитирования: Бобровников В. В. Во что одевались жители Петрограда в феврале – октябре 1917 г. // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 110–125. DOI 10.35231/25422375_2023_2_110

Введение

Предлагаемое исследование посвящено одежде и моде революционного Петрограда в феврале – октябре 1917 г.

Несмотря на то, что вопросам истории повседневности уделяется большое внимание в современной историографии, отдельные аспекты истории революционной повседневности представлены недостаточно полно. Так, вопросы моды и доступности одежды, как товара первой необходимости, не стали предметом самостоятельного научного исследования. Среди работ, затрагивающих данную проблематику, стоит выделить труды по истории одежды и моды Т. К. Стриженовой¹ [1], книгу известного современного историка моды М. А. Виртанен [2]. В этом же ряду стоят работы К. Руан [3], С. В. Журавлева, Ю. Гронова [4]. Особенности потребительского поведения женщин в годы Первой мировой войны посвящена статья Е. А. Агеевой [5]. Влияние военного и революционного времени на одежду и моду рассмотрены в статье В. П. Федюк [6] и книге Я. И. Ривош [7]. Сюжет о забастовке прислуги в Петрограде, в том числе и прачек, представлен в коллективной монографии под общей редакцией доктора исторических наук, профессора В. А. Верменко [8].

Целью статьи является выявление изменений в повседневном гардеробе населения Петрограда, произошедших под влиянием революционных событий 1917 г. Для этого в исследовании ставятся следующие задачи: выявить источники, отражающие проблему одежды и моды Петрограда в феврале – октябре 1917 г., проанализировать, как условия войны и революции сказались на повседневном гардеробе городских обывателей, показать доступность одежды как товара первой необходимости.

В работе использованы методологические подходы, характерные для истории повседневности. Системно-функциональный подход предполагает рассмотрение проблемы одежды и моды как целостного явления, включающего различные аспекты экономической и социальной сфер жизни общества. Метод причинно-следственного анализа позволяет выявить особенности влияния экономического положения военного и революционного времени на повседневный гардероб городского населения.

¹ Стриженова Т. К. Развитие искусства советского костюма (1917–1967): автореф. ... канд. искусствоведения. М., 1971. 15 с.

Источниковую базу исследования составили многообразные периодические издания. Это женские журналы «Вестник моды» [9] и «Дамский мир» [10], в которых публиковались модные новинки, а также советы по пошиву одежды в домашних условиях, ежедневные газеты «Петроградский голос» [11], «Петроградский листок» [12] и «Петроградская газета» [13], публиковавшие хронику городских происшествий, и юмористические журналы [14–16]. Также в работе использованы дневники и воспоминания современников [17–25].

Результаты

Революционные события 1917 г. коснулись всех аспектов повседневной жизни населения Петрограда, нарушив ее привычный уклад [26, с. 15]. Условия экстремальной повседневности внесли свои коррективы в гардероб городских обывателей. Тем не менее люди продолжали одеваться и обуваться, высказывая определенные предпочтения в одежде, сообразные духу времени и условиям переживаемого момента.

Мода и стремление модно одеваться в России начала XX в. прочно ассоциировались с городской культурой. Модный костюм, стоивший немалых денег, рассматривался современниками как украшение и признак социального статуса. Модная одежда была связана исключительно с индивидуальным пошивом в ателье, услугами которого могла воспользоваться лишь обеспеченная часть населения. Портные модных ателье занимались в основном копированием тенденций парижской моды [4, с. 61].

Проблемы с одеждой в России начались уже в 1916 г. В условиях военного времени текстильные фабрики и мелкие производители изготавливали преимущественно грубые ткани и обувь для армии [2, с. 9]. На нужды гражданского населения сырья не хватало [6, с. 181]. В дефиците оказались простые ткани, такие как полотно, бязь, ситец [1]. Поставки модных товаров из Вены, Берлина и Брюсселя прекратились полностью, а Парижа – сильно сократились [2, с. 10]. В объявлениях все чаще предлагалось купить платья в рассрочку, а некоторые ломбарды стали принимать одежду [13, № 79, с. 6].

Социальные градации ярко прослеживались при сравнении одежды разных слоев городского общества – от роскошных ту-

алетов верхушки в стиле модерн до одежды мелких служащих [1]. Представление о туалетах состоятельной части общества накануне революции можно было получить, например, попав на заседание Государственного совета [20, с. 127]. Так, освещая заседание, состоявшееся в конце февраля, корреспондент газеты «Петроградский листок», акцентируя внимание на ложе для публики, отмечал: «Очень много дам. Костюмы от лучших портных. Шелк, бархат. Видно, что борьба с роскошью еще не вступила в права» [12, № 60, с. 3]. Прима-балерина Мариинского театра, известная на весь Петроград модница Матильда Кшесинская, накануне революции была обладательницей роскошного гардероба. Спешно покидая свой особняк во время февральских событий, она «надела самое скромное из своих меховых вещей, чтобы быть менее заметной: черное бархатное пальто, обшитое "шиншилла", и на голову накинула платок» [21, с. 255]. «Проезжая как-то мимо моего дома, я увидела Коллонтай, разгуливающей в моем саду в моем горностаевом пальто», – вспоминала балерина [21, с. 270].

Предпринимались в Петрограде и попытки организовать компанию по борьбе с чрезмерной роскошью. В феврале Общество по борьбе с роскошью объявило о создании «черной доски», в которую бы заносились имена театралов, позволявших себе носить роскошные наряды. Однако дальше декларации дело не дошло [5, с. 154]. Столичные журналы мод призывали к экономии и сдержанности, использованию более дешевых и доступных материалов при изготовлении одежды. «И по войне можно наряжаться, но в ситец, нансук, бумажный репс, украшая эти ткани сатином, самодельными отделками, небольшими ручными вышивками» – такие рекомендации встречаются на страницах женских журналов весной 1917 г. [10, № 4–5, с. 4].

Тем не менее объективным фактором, диктовавшим манеру одеваться, была нехватка необходимых материалов. Революция также внесла обстоятельства идеологического характера. В частности, подчеркнутый эгалитаризм в одежде и отказ от каких бы то ни было внешних отличий. Ориентиром для подражания становилась манера одеваться, характерная для социальных низов. Это можно было считать средством самозащиты в условиях, когда порядки в стране диктовала улица [6, с. 181]. Даже новые министры одевались подчеркнуто де-

мократически. Один из видных деятелей революции, А. Ф. Керенский, в бытность депутатом Государственной думы одевавшийся элегантно, с первых же дней революции внес изменения в свой повседневный облик. «На нем был пиджак, а воротничок рубашки – крахмальный, с загнутыми углами. Он взялся за эти углы и отодрал их, так что получился вместо франтового какой-то нарочито-пролетарский вид...», – вспоминал В. В. Набоков [22, с. 15].

Изменения в облике городских обывателей в сторону большей демократичности и стирание внешних отличий между представителями разных слоев общества отмечали корреспонденты городских газет. «Посмотрите на костюмы в театрах – самые демократические. Вместо изящных смокингов – куцые пиджаки и косоворотки, вместо нарядных туалетов – простые кофточки и блузки. Только красный цвет и в ходу. Как изменился Невский! Из улицы роскоши, моды обратился он в самую демократическую», – сообщал мартовский номер газеты «Петроградский листок» [12, № 78, с. 2].

Революция 1917 г. рождала новые тенденции. Модным веянием было увлечение красным цветом, пришедшее прямо с революционных улиц [2, с. 12]. Одним из символов революционной моды были красные банты. В Петрограде их можно было увидеть на депутатах Госдумы и рабочих Выборгской стороны [25, л. 31]. Юмористический журнал «Стрекоза» сообщал, что даже М. Кшесинскую видели «в революционной шляпе с двухаршинными красными лентами» [16, № 30, с. 15]. Надели банты и генералы действующей армии, солдаты и воспитанницы института благородных девиц [24, л. 82]. Современница рассматриваемых событий, педагог О. В. Синакевич вспоминала:

3 марта была у Думы. Пошла в торжественную минуту, когда присягал новому правительству 6-й саперный батальон. Духовой оркестр исполнял Марсельезу, за ними несли красное знамя и шли генералы с красными бантами на погонах, за ними полк, – солдаты и офицеры, – все с красными лентами в петлицах и на фуражках [23, л. 92].

Женщины, простаивавшие часами в хвостах за продуктами питания, декорировали себя красными бантами. «Без этого теперь опасно показываться на улицу», – отмечали современники

[23, л. 94]. «Даже образа в церквях кое-где украшались красными бантами», – вспоминала З. Н. Гиппиус [19, с. 60].

Увлечение красным цветом нашло отражение и в юмористической культуре. Так, одна из сатирических зарисовок апрельского номера журнала «Пугач» воспроизводила беседу двух светских дам по телефону:

– Когда революция, то везде стреляют, но я не про стрельбу, я про то, что сегодня мне звонили из мастерской madame Жюли. Представь, платье *vieux rose* не будет готово... / – А ты... Что? Заказала вместо платья *vieux rose* ярко красное? Как знамя восстания? Это будет модно? Послушай, а ведь это идея! Ярко красное платье, черная шляпа, черные чулки и красные туфли... Это будет стиль республики [15, № 1, с. 10].

Даже на карикатурах в 1917 г. свобода изображалась в виде дамы в красном платье и красном фригийском колпаке [14, № 21, с. 13].

Яркой иллюстрацией моды революционных улиц являлась апрельская демонстрация 1917 г., освещавшаяся петроградской прессой. «Грандиозное шествие было устроено рабочими и работницами Невского завода. Все работницы были одеты в особые костюмы и головные уборы из белой и красной материи, приготовленной специально для этого дня», – сообщала «Петроградская газета» [13, № 90, с. 3].

Популярным способом презентации модных новинок в начале XX в. были модные журналы [3, с. 129]. Тем не менее, в связи с тяготами военного времени, их число значительно сократилось. В частности, популярный женский журнал «Вестник моды», выходящий в мирные годы еженедельными тиражами, с июня 1917 г. стал издаваться по одному номеру в месяц.

В связи с затянувшейся войной большое внимание на страницах модных журналов отводилось траурным туалетам, рассчитанным на различный вкус и материальный достаток: «траурное платье для женщины средних лет, платье для скромного траура, нарядное траурное платье из шелковой вуали и английского крепа, простое траурное платье, траурные шляпы с вуалью» [9, № 2, с. 27].

Дефицит простых тканей, а также условия военного времени породили моду на своеобразный стиль «милитари». Гражданская

одежда начинала приобретать сходство с военной формой [6, с. 187]. Так, на страницах весеннего номера «Вестника моды» появился жакет военного фасона для костюма тальер [9, № 7, с. 120]. Также в моду вошли накладные карманы, стеганные жилеты из фланели, заимствованные из военной униформы. Наглядным проявлением того, как специальная военная одежда влияла на гражданскую моду можно считать инструкцию по изготовлению головного убора французской медсестры, помещенную в летнем номере журнала. Головной убор состоял из батистового квадрата, кругом подшитого рубчиком. Сестры Красного креста надевали его одним краем на лоб и концы складывали сзади. Такую «грациозную и практичную» повязку предлагалось использовать для домашних работ [9, № 13–14, с. 192].

Появлялись и фантазии на тему русских национальных костюмов, в которых видели замену заграничным европейским образцам, снабжение которыми даже столичного Петрограда с каждым днем все более затруднялось. Сложившееся положение предлагалось использовать для создания самобытной русской моды на основе форм национального русского костюма [27, № 5, с. 9]. Московский журнал «Женское дело» опубликовал на своих страницах модели одежды, выполненные по рисункам художницы Риммы Бриаловской, создававшей рисунки костюмов на основе преобразованных русских образцов. Костюмы были легко выполнимы из материалов, имеющихся под рукой, и сравнительно дешевы в изготовлении [27, № 5, с. 9]. Русские блузы и кафтаны, сарафаны из ярко-красного шелка или полотна, платья «русского фасона» наводнили страницы столичных модных журналов [27, № 6–7, с. 9].

Презентации новых модных домашних туалетов сопровождались размышлениями с отсылкой на тяжелые условия переживаемого момента.

В военное время простые платья являются единственным нарядом для многих женщин, отдающим предпочтение скромным туалетам без лишних отделок. Простые платья для визитов и вечеров очень удобны. Платья отличались простым фасоном и отсутствием отделок. Для них требовалось меньше материала и изготавливались они быстрее, для них употреблялись саржа, бумажный бархат [9, № 5, с. 74].

В предлагаемых моделях одежды подчеркивалась их простота и экономичность. «В настоящее время, когда многие дамы, привыкшие к услугам горничной, должны многое теперь делать сами, практичнее всего для утренних занятий по хозяйству прямое платье в виде халата сиделки», – рекомендовал весенний номер журнала «Вестник моды» [9, № 8, с. 116].

Женские журналы заполнили советы по перешиванию старых вещей и экономии при раскрое тканей для пошива одежды в домашних условиях [2, с. 10]. «В настоящее тяжелое время, когда все мы должны до минимума сократить расходы на свои туалеты, удобны и практичны для нас разнообразные блузы. Для изготовления легких и теплых блуз можно употребить самые разные остатки, которые найдутся дома», – писал «Вестник моды» [9, № 8, с. 119]. Прозрачные блузы обычно одевали на легкий шелковый чехол, который защищал от холода, что было особенно актуально, когда в квартирах было свежо из-за недостатка топлива [9, № 8, с. 119].

Революция принесла в повседневную жизнь горожан и такие обстоятельства, в случае которых даже советы модных журналов мало чем могли помочь. Летом 1917 г. в столице забастовала прислуга: официанты, дворники и прачки. Бастовавшие вернулись к своим обязанностям лишь после удовлетворения требований, а именно повышения заработной платы. Резко поднявшиеся тарифы повлекли за собой отказ населения от подорожавших услуг [8, с. 372]. «Одна за другой закрываются прачечные, главной причиной служит безработица. Но откуда быть работе, если нет охотников платить рубль, а то и дороже, за стирку крахмальной сорочки и по копейке за стирку воротничка?», – отмечала столичная пресса [11, № 179, с. 2]. «Сейчас в Петрограде редко на ком увидишь крахмальный воротничок; во всех семействах нанимают поденщицу. Некому гладить и поэтому все носят мягкое белье. Повысив цены, профессиональные прачки потеряли 4/5 работы. В мятном белье являются на службу, в театры, в клубы и теперь никто уже не считается с таким "мещанством". / – Видите эту блузу? – говорит на днях одна элегантная дама / – сама выстирала. / – Да не может быть. / – Все сама стирала», – такие заметки встречались на страницах городских газет [11, № 179, с. 2].

Летом 1917 г. из-за дефицита товаров городская дума Петрограда выступила с идеей создания комитета по снабжению населения обувью и платьем и ввести карточки [2, с. 10]. Обувь стала острым дефицитом еще весной 1917 г., появлялась в продаже редко и стоила очень дорого. Чтобы обусть десятиmillionную армию, власти фактически ввели монополию на заготовку кожи, что закономерно привело к нехватке сырья для нужд гражданского населения [6, с. 185]. Модницам рекомендовалось приобретать кожаные лапти, в то время как прислуга отказывалась выходить на улицу, не желая снашивать башмаки [2, с. 12]. «Шла дама по Таврическому саду. На одной ноге туфля, на другой – лапоть», – писала в дневнике З. Н. Гиппиус [19, с. 121].

Уже весной предпринимались попытки установления фиксированной цены на обувь. Так, по постановлению министра торговли и промышленности А. С. Коновалова в апреле 1917 г. предлагалось ввести таксу на обувь:

сапоги из шевро с голенищем мужские рантовые – не выше 47 р. 50 к., гвоздевые – 45 р. Башмаки мужские рантовые не выше 28 р. 75 к., гвоздевые – 27 р. 50 к., дамские – не выше 25 р. 60 к. Полуботинки мужские рантовые – 26 р. 75 к., гвоздевые – 25 р. 50 к., дамские – 23 р. 75 к. Открытые туфли на 1 р. дешевле в паре с соответствующего вида полуботинками [12, № 81, с. 4].

«Хвосты» возле обувных магазинов не уступали очередям за продовольственными товарами. Очереди за обувью собирались за двое суток до начала продаж [12, № 187, с. 5]. 21 июля 1917 г., по сообщениям столичной прессы, у магазина «Скорород» на Невском собралась очередь в 1000 чел. Были вызваны конные отряды солдат, которые окружили магазин с целью предотвратить разгром [28, № 116, с. 2]. Наглядным проявлением обувного кризиса были беспорядки, случившиеся в августе на Васильевском острове, вызванные нехваткой обуви в магазине «Скорород» [12, № 193, с. 4].

Для преодоления дефицита летом состоялось совещание городских властей с главными производителями обуви, было предложено передать распределение обуви в ведение города при участии районных управ. Предполагалось карточное нормирование его как товара первой необходимости. Совещание постановило распределение обуви осуществлять организация-

ми районных дум, путем выдачи каждому потребителю специального талона на право получения обуви [12, № 182, с. 4].

В июне 1917 г. городские власти предложили меру по рационализации распределения обуви среди городского населения и преодолению спекуляции обувью на рынке. Так, предлагалось возложить контроль за обувью на домовые комитеты. Они должны были составлять списки кандидатов на получение обуви. Комитеты давали удостоверение, по которому можно было получить ордер на обувь в местном продовольственном комитете [12, № 143, с. 12].

С сентября районные продовольственные управы стали выдавать населению ордера на получение обуви и галош. По подсчетам одна пара обуви приходилась на 55 чел., считая мужчин, женщин и детей, что не удовлетворяло потребности всех нуждающихся. С галошами дело обстояло чуть лучше: их приходилось по одной паре в расчете на 10 чел. Однако и нехватка галош в условиях дождливой осенней погоды давала о себе знать. По замечаниям столичных газет, «галош в свободной продаже нет ни за какие деньги, а на улице тем временем грязно и обувь без галош портится» [12, № 216, с. 3]. «Галоши сделались настолько дорогой вещью, что зрители Александринского и Мариинского театров отказываются снимать галоши при входе в зрительный зал», – сообщали современники [12, № 247, с. 9].

Отмечался невероятный рост цен на потребительском рынке одежды [18, с. 135]. Так, цены на обувь, по замечаниям периодических изданий, выросли в пять раз в сравнении с довоенными [29, № 215, с. 2]. «В то время, как по ордеру продовольственной управы нельзя купить сапоги и галоши, их можно купить из-под полы в любом магазине обуви: сапоги от 90 до 130 рублей, а не по ордеру за 37 рублей, и галоши по 15 рублей», – констатировала столичная пресса [13, № 235, с. 2].

Ажиотажный спрос на рынке и острая нехватка сырья привели к тому, что имели место случаи продажи некачественной обуви, изготовленной из суррогатов кожи с картонными подшивками. В розничную продажу такая «бумажная обувь», по выражению современников, поступала по обычно высоким ценам того времени [12, № 179, с. 4]. Появилась и сравнительно недорогая обувь с подметками из линолеума, неудобная тем, что не сгибалась при ходьбе [12, № 54, с. 4].

Для удовлетворения потребительского спроса городские власти предприняли попытку наладить поставки готовой одежды из-за границы. Так, летом 1917 г., по замечаниям прессы, «в городе распространялись слухи, что городская центральная дума в скором времени откроет магазин готового мужского платья, где будет продаваться пиджачный костюм по 107 рублей и пальто по 120 рублей» [13, № 162, с. 3]. Секретарь городского главы объяснял, что готовое платье по такой цене предлагал городу представитель английского общества «Вильямс Вик и Компани» [13, № 162, с. 3]. В начале октября Русское кооперативное общество снабжения обувью сообщило о прибытии в город партии американской обуви [12, № 245, с. 1].

Осенью 1917 г. из-за острой нехватки тканей значительно повысились рыночные цены на различные элементы повседневного гардероба. «Из-за высоких цен на ткани стоимость готового белья значительно возросла. Доместик за аршин от 2 рублей 50 копеек до 3 рублей. При таких расценках стоимость готового белья дошла до чрезвычайных размеров», – отмечали столичные издания [12, № 217, с. 5]. «Сейчас готовая верхняя сорочка стоит от 5 рублей 50 копеек до 18 рублей, причем за 5 рублей 50 копеек можно приобрести только отчаянный хлам. Крахмальные воротнички дошли до 2 рублей 60 копеек за штуку, манжеты до 4 рублей. Носки, стоившие в 1914 году 60 копеек, а в 1916 году 1 рубль 50 копеек, стоят сейчас 2 рубля 50 копеек. Нет сукна дешевле 40 рублей. Костюм на заказ стоит у перворазрядного портного 500–600 рублей, у остальных – от 300 рублей. Картуз, самый обыкновенный суконный стоит 6–7 рублей, касторовая шляпа – 25 рублей, фетровая – 40 рублей» – такие цены приводит корреспондент издания «Петроградский листок» [12, № 217, с. 5].

К концу сентября острая нехватка ткани привела к принятию городской думой мер по полному запрету на вывоз из столицы хлопчатобумажных тканей. Предполагалось нормированное распределение тканей, так что ни один магазин без особого разрешения районной думы не мог отпустить имеющейся у него материи. «Не всякий будет иметь возможность заказать себе новый костюм, так как выдача материи становится под контроль местного домового комитета. На каждый дом будет выдаваться по разверстке определенное количество тканей. В первую очередь удовлетворяются семейные граждане. Портные будут

лишены возможности шить костюмы из своего материала. Преподобней погони за модой уже вероятно не будет», – писали столичные газеты [12, № 227, с. 2]. Если в феврале супруга художника А. Н. Бенуа еще могла при помощи портнихи переделать старое вечернее платье и иметь на ужине у французского посла М. Палеолога «очень нарядный вид», то уже в сентябре супруги Бенуа отказались от приглашения на обед по причине отсутствия приличного вечернего платья [17, с. 109–197]. Той же осенью дамский журнал «Вестник моды» поместил у себя подробную инструкцию по пошиву мужской рубашки из полотна или фланели [9, № 16, с. 216]. Случай, ранее из ряда вон выходящий, так как мужской костюм на дому изготавливать было не принято, стал возможным в условиях сложившихся в городе обстоятельств.

Обсуждение и выводы

Таким образом, условия революционного и военного времени внесли свой вклад в повседневный гардероб жителей Петрограда. Перестройка промышленности на военные нужды и связанная с этим нехватка необходимых материалов для нужд гражданского населения являлись главными факторами, отразившимися на особенностях повседневной одежды населения столицы. Революция также принесла свои модные тенденции, сообразные условиям переживаемого момента, в частности, подчеркнутый эгалитаризм в одежде и увлечение красным цветом, пришедшее прямо с революционных улиц города. Модные журналы заполнили образцы одежды, схожие с военной формой, популярными были траурные фасоны. Ограничение поставок одежды из-за границы породило фантазии на тему русских национальных костюмов, в которых видели замену дорогим европейским образцам. Женские журналы предлагали простые и экономичные образцы одежды, печатали советы по пошиву и перекрою вещей в домашних условиях.

Летом 1917 г. в Петрограде забастовала прислуга, в том числе и прачки. Резко поднявшиеся в этой связи тарифы привели к отказу населения от подорожавших услуг.

Острый дефицит обуви начался в Петрограде уже весной 1917 г. Очереди в обувные магазины не уступали «хвостам» за продовольственными товарами. Летом 1917 г. городские

власти предприняли меры по рационализации распределения обуви среди городского населения. Предполагалось карточное нормирование при распределении обуви как товара первой необходимости. Домовые комитеты должны были составлять списки кандидатов на получение обуви. На приобретение обуви комитеты давали удостоверение, по которому можно было получить ордер на обувь в местном продовольственном комитете. По подсчетам одна пара обуви приходилась на 55 чел., что не удовлетворяло потребности всех нуждающихся.

В то же время, на потребительском рынке цены на обувь и различные элементы гардероба выросли в пять и более в сравнении с довоенными. Для удовлетворения потребительского спроса городские власти предприняли попытку наладить поставки готовой одежды из-за границы.

Осенью городские власти, в связи с острой нехваткой тканей, приняли меры по нормированному распределению тканей. В условиях острого дефицита материалов даже состоятельные горожане не могли позволить себе пошив готового платья, а на страницах модных журналов появились советы по изготовлению мужской рубашки в домашних условиях.

Список литературы

1. Стриженова Т. К. Из истории советского костюма. М.: Советский художник, 1972. 112 с.
2. Виртанен М. А. Советская мода. 1917–1991. Исторический альбом. М.: Яуза, Дримбук, 2021. 560 с.
3. Руан К. Новое платье империи: история российской модной индустрии, 1700–1917 / пер. с англ. К. Щербино. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 416 с.: ил.
4. Журавлев С. В., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. М.: ИРИ РАН, 2013. 496 с., 32 л. ил.
5. Агеева Е. А. Особенности потребительского поведения женщин на российском рынке роскоши в период Первой мировой войны // Женщина в российском обществе. – 2015. – № 3/4 (76/77). – С. 147–158.
6. Федюк В. П. Россия в 1917 г.: революционная мода // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 6 (117). – С. 182–188.
7. Ривош Я. И. Время и вещи. Очерки по истории материальной культуры в России начала XX в. М.: Искусство, 1990. 304 с.
8. Прислуга в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. / отв. ред. В. А. Веременко. СПб.: Медиапапир, 2021. 572 с.
9. Вестник моды. – 1917. – № 2, 5, 7, 8, 13–14, 16, 20, 22.
10. Дамский мир. – 1917. – № 4–5.

11. Петроградский голос. – 1917. – № 179.
12. Петроградский листок. Политическая, общественная и литературная газета. – Петроград, 1917. – № 54, 60, 78, 81, 179, 182, 187, 193, 216, 217, 245, 247.
13. Петроградская газета. Политическая и литературная газета. – Петроград, 1917. – № 79, 90, 143, 162, 190, 227, 235.
14. Бич. Сатирический еженедельник. – 1917. – № 21.
15. Пугач. Еженедельный художественный сатирический журнал. – 1917. – № 1.
16. Стрекоза. – Петроград, 1917. – № 30.
17. Бенуа А. Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. М.: Русский путь, 2003. 700 с.
18. Бубликов А. А. Русская революция (ее начало, арест царя, перспективы). Печатления и мысли очевидца и участника. М.: Гос. публ. ист. библиотека, 2018. 160 с.
19. Гиппиус З. Н. Петербургский дневник. М.: Сов. Писатель, 1991. 125 с.
20. Засосов Д. А., Пызин В. И. Из жизни Петербурга 1890–1910 гг. Л.: Лениздат, 1991. 387 с.
21. Кшесинская М. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.
22. Набоков В. Временное Правительство (воспоминания). М.: Изд-во Московского ун-та СП «Ост-Вест Корпорейшн», 1991. 80 с.
23. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Д. 347.
24. ОР РНБ. Ф. 406. Д. 321.
25. ОР РНБ. Ф. 503. Д. 311.
26. Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / под ред. С. В. Ярова. М.: Центрполиграф, 2013. 543 с.
27. Женское дело. – 1917. № 5, 6–7.
28. День. Общественно-политическая газета. – Петроград, 1917. – № 116.
29. Русский инвалид. Военная газета. – Петроград, 1917. – № 215.

What did the population of Petrograd wear in February-October 1917

Vladimir V. Bobrovnikov

The article deals with clothing and fashion in revolutionary Petrograd in February-October 1917. To solve the research objectives the testimonies of contemporaries and materials of the periodical press are analyzed. The emphasis is placed on the changes in the everyday wardrobe of the city population, which occurred under the influence of the revolution and wartime. The availability of various items of clothing as essential goods is shown.

During the First World War, the bulk of the produced fabrics was sent to the needs of the front. For this reason, there were almost no fabrics left for the civilian market. The new trends of the revolutionary era were egalitarianism in clothing and the fashion for red that came from the streets. Military and mourning styles were also popular. Fashion magazines offered cost-effective clothing designs

and printed advice for tailoring at home. A servants' strike in the summer led to higher tariffs, which led to consumers' turning away from laundry services. Due to a shortage of shoes in the summer of 1917, the city decided to issue shoes on a card basis. The measures taken by the authorities did not satisfy consumer demand, and in the market the price of shoes and other wardrobe items increased several times. The shortage of tissues led to their rationing in the fall of 1917. Even wealthy citizens in such circumstances could not afford tailoring a ready-made dress.

Key words: city daily life, costume, fashion, shoes, cloth, Petrograd, Revolution of 1917.

For citation: Bobrovnikov, V. V. (2023). Vo chto odevalis' zhiteli Petrograda v fevrale – oktjabre 1917 g. [What did the population of Petrograd wear in February – October 1917]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 110–125. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_110

References

1. Strizhenova, T. K. (1972) *Iz istorii sovetskogo kostyuma* [From the history of the Soviet costume]. Moscow: Soviet artist. (In Russ.)
2. Virtanen, M. A. (2021) *Sovetskaya moda. 1917–1991. Istoricheskij al'bom* [Soviet fashion. 1917–1991. Historical album]. Moscow: Yauza, Dreambook. (In Russ.)
3. Ruan, K. (2011) *Novoe plat'e imperii: istoriya rossijskoj modnoj industrii, 1700–1917* [The new dress of the empire: the history of the Russian fashion industry, 1700–1917]. transl. from English. K. Shcherbino. Moscow: The New Literary Observer. (In Russ.)
4. Zhuravlev, S. V., Gronov, Yu. (2013) *Moda po planu: istoriya mody i modelirovaniya odezhdy v SSSR, 1917–1991* [Fashion according to plan: the history of fashion and clothing design in the USSR, 1917–1991]. Moscow: IRI RAS. (In Russ.)
5. Ageeva, E. A. (2015) *Osobennosti potrebitel'skogo povedeniya zhenshchin na rossijskom rynke roskoshi v period Pervoj mirovoj vojny* [Peculiarities of consumer behavior of women in the Russian luxury market during the First World War] // *ZHenshchina v rossijskom obshchestve* [Woman in Russian society]. No. 3/4 (76/77). Pp. 147–158. (In Russ.)
6. Pedyuk, V. P. (2020) *Rossiya v 1917 g.: revolyucionnaya moda* [Russia in 1917: revolutionary fashion] // *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. No. 6 (117). Pp. 182–188 (In Russ.)
7. Rivosh, Ya. I. (1990) *Vremya i veshchi. Ocherki po istorii material'noj kul'tury v Rossii nachala XX v.* [Time and things. Essays on the history of material culture in Russia at the beginning of the 20th century]. Moscow: Art. (In Russ.)
8. Veremenko, V. A. (2021) (ed.) *Prisluga v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [Servants in the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries.]. St. Petersburg: Mediapapir. (In Russ.)
9. *Vestnik mody* [Fashion Bulletin] (1917). No. 2, 5, 7, 8, 13–14, 16, 20, 22. (In Russ.)
10. *Damskij mir* [Ladies' World] (1917). No. 4–5. (In Russ.)
11. *Petrogradskij golos* [Petrograd voice] (1917). No. 179. (In Russ.)
12. *Petrogradskij listok* [Petrograd sheet] (1917). Politicheskaya, obshchestvennaya i literaturnaya gazeta [Political, social and literary newspaper]. Petrograd, No. 54, 60, 78, 81, 179, 182, 187, 193, 216, 217, 245, 247. (In Russ.)
13. *Petrogradskaya gazeta* [Petrograd newspaper] (1917). Politicheskaya i literaturnaya gazeta [Political and literary newspaper]. Petrograd, No. 79, 90, 143, 162, 190, 227, 235. (In Russ.)
14. *Bich* [Bich] (1917). *Satiricheskij ezhenedel'nik* [Satirical weekly], No. 21. (In Russ.)
15. *Pugach* [Pugach] (1917). *Ezhenedel'nyj hudozhestvennyj satiricheskij zhurnal* [Weekly artistic satirical magazine]. No. 1. (In Russ.)

16. *Strekoza* [Dragonfly] (1917). Petrograd, No. 30. (In Russ.)
17. Benois, A. N. (2003) *Moj dnevnik. 1916–1917–1918* [My diary. 1916–1917–1918]. Moscow: Russkij put'. (In Russ.)
18. Bublikov, A. A. (2018) *Russkaya revolyuciya (ee nachalo, arest carya, perspektivy). Vpechatleniya i mysli ochevidca i uchastnika* [Russian revolution (its beginning, arrest of the tsar, prospects). Impressions and thoughts of an eyewitness and participant]. Moscow: State. publ. ist. library. (In Russ.)
19. Gippius, Z. N. (1991) *Peterburgskij dnevnik* [Petersburg diary]. Moscow: Sov. Writer. (In Russ.)
20. Zasosov, D. A., Pyzin, V. I. (1991) *Iz zhizni Peterburga 1890–1910 gg.* [From the life of St. Petersburg 1890–1910.]. Leningrad: Lenizdat. (In Russ.)
21. Kshesinskaya, M. (2003) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
22. Nabokov, V. (1991) *Vremennoe Pravitel'stvo (vospominaniya)* [Provisional Government (memoirs)]. Moscow: Publishing House of the Moscow University JV "Ost-West Corporation". (In Russ.)
23. *Otdel rukopisej Rossijskoj nacional'noj biblioteki* (OR RNB) [Department of Manuscripts of the Russian National Library (DM RNL)]. F. 163. D. 347. (In Russ.)
24. *OR RNB* [DM RNL]. F. 406. D. 321. (In Russ.)
25. *OR RNB* [DM RNL]. F. 503. D. 311. (In Russ.)
26. Yarova, S. V. (2013) (ed.) *Petrograd na perelome epoh. Gorod i ego zhiteli v gody revolyucii i Grazhdanskoj vojny* [Petrograd at the turn of the era. The city and its inhabitants during the years of the revolution and the Civil War]. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russ.)
27. *ZHenskoe delo* [Women's business] (1917). No. 5, 6–7. (In Russ.)
28. *Den'* [Day] (1917). *Obshchestvenno-politicheskaya gazeta* [Socio-political newspaper]. Petrograd, No. 116. (In Russ.)
29. *Russkij invalid* [Russian invalid] (1917). *Voennaya gazeta* [Military newspaper]. Petrograd, No. 215. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.03.2023

Одобрена после рецензирования 29.03.2023

Принята к публикации 10.04.2023

«Коренной вопрос дня»: смотр общественного питания 1930 г. в Западной Сибири (по материалам газеты «Советская Сибирь»)

Н. В. Тихомиров

Статья посвящена изучению смотра общественного питания 1930 г. в Сибирском крае СССР по публикациям газеты «Советская Сибирь». Сведения источника позволяют реконструировать жизненный опыт людей, обусловленный их отношениями с учреждениями местного общепита. Познательная ценность источника определяется наличием сообщений непосредственных участников событий, что делает возможным рассмотреть изучаемый предмет на основе первичных свидетельств современников. Выявлены и обобщены проблемы постановки работы столовых и кафе, питания в детских учреждениях и на промышленных предприятиях. Показаны попытки наладить систему рабочего контроля над деятельностью общепита. В исследовании реализованы принципы антропологического подхода. Представленные результаты направлены на расширение поля применения историко-антропологической методологии в изучении структур повседневности и региональной истории. Полученные выводы призваны углубить научные представления о культурной революции в советской провинции, показать качественное своеобразие в осуществлении масштабных социальных проектов советской власти на локальном уровне.

Ключевые слова: история повседневности, микроистория, общественное питание, периодическая печать, региональная история, Сибирь.

Для цитирования: Тихомиров Н. В. «Коренной вопрос дня»: смотр общественного питания 1930 г. в Западной Сибири (по материалам газеты «Советская Сибирь») // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 126–143. DOI 10.35231/25422375_2023_2_126

Введение

История страны в первом приближении предстаёт чередой крупных событий и масштабных процессов. Для наблюдателя они часто преломляются в решениях высших государственных учреждений и поступках «заметных» деятелей. Эта заметность, в свою очередь, определяется общенациональным значением личности, как её понимают современники и потомки. В то же время большое число имён и фактов остаются вытесненными на обочину исторической памяти общества. Концептуальные схемы, довлеющие над сознанием человека, помогают объяснить закономерность хода истории, при этом зачастую лишая его глубины. В итоге мы мыслим о прошлом категориями больших циклов и тенденций в масштабах страны, обходя вниманием огромные массивы фактов регионального и местного уровня. Но именно там сосредоточен материал истории – повседневная жизнь людей, образующая ткань исторической действительности. Её факты, как отмечал Ф. Бродель, едва заметные во времени и пространстве [1, с. 39], позволяют исследователю увидеть специфику и самобытность изучаемой эпохи.

Историческое время многомерно и протекает в разных ритмах. Всякий большой процесс при ближайшем рассмотрении представляет собой событийную цепь, а та распадается на конкретные и уникальные факты, обладающие высокой степенью качественной определённости. Через их совокупный анализ возможно с наибольшей полнотой разглядеть и понять своеобразие типовых событий и процессов, глубже осмыслить тенденции на уровне страны или макрорегиона.

Социалистическое строительство 1930-х гг. в СССР потребовало коренной перестройки жизни общества, создания в короткие сроки новых общественных институтов. Одним из начинаний в деле социально-культурного строительства стало развёртывание учреждений общественного питания для обеспечения потребности в пище сотен тысяч трудящихся, направляемых в новые промышленные районы.

Настоящая статья посвящена изучению проблем насаждения культуры общественного питания в Сибирском крае¹ в первые годы ускоренной индустриализации. Целью работы явилось выявление структур повседневности, связанных с деятельностью

¹ 9 августа 1930 г. разделён на Западно-Сибирский (с центром в г. Новосибирске) и Восточно-Сибирский край.

местных учреждений общепита в данный период. Отчётливо и резко проблемы названной отрасли проявились на фоне краевого смотра общественного питания, проводившегося в 1930 г. силами общественных организаций и координировавшегося редакцией газеты «Советская Сибирь» – органа краевого комитета ВКП(б), крайисполкома и Новосибирского горкома. Изучение смотровых мероприятий и выявленных ими фактов составило круг наших исследовательских задач. Основу источниковой базы образовали материалы издания «Советская Сибирь», освещавшего события соответствующего периода. Уникальность газетных материалов как исторического источника обусловлена тем, что представленные в них сведения были получены напрямую от корреспондентов на местах либо отражены в письмах обывателей, массово поступавших в редакцию. Таким образом, анализ газетных публикаций позволяет исследователю познакомиться с первичным, наиболее ранним отражением исторических фактов сознанием современников.

Повседневная жизнь западносибирского региона периода построения социализма привлекала внимание историков как советской, так и нынешней эпохи. Отдельно заслуживают упоминания сочинения С. С. Букина, В. И. Исаева [2; 3] и Н. В. Буши¹, посвящённые быту населения Сибири в 1920–1930-е гг., и работы Е. И. Красильниковой (Косяковой)² и И. А. Вальдман, исследующие особенности обыденной жизни Новосибирска [4]. Более узкие вопросы, касающиеся проблем общественного питания в данный период, нашли отражение также в трудах В. И. Дудукалова [5]. Отметим наличие в советской и современной историографии исследований, посвящённых местным печатным изданиям. Это работы Н. Н. Дмитренко [6] и Л. П. Малаховой³ и др., отразившие становление и развитие газетной периодики Западной Сибири.

Результаты

Положение дел в области краевого общепита к началу 1930 г. было плачевным. На исходе января «Советская Сибирь», отмечая

¹ Буша Н. В. Изменения в быту трудящегося населения городов Сибири накануне и в годы восстановления народного хозяйства (1920–1925): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1986. 234 с.

² Косякова Е. И. Городская повседневность Новоиколаевска-Новосибирска в конце 1919 – первой половине 1941 г.: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2006. 266 с.

³ Малахова Л. П. Государственная политика в области печатных изданий и ее реализация на территории Западной Сибири в 20–30-е гг. XX в.: автореф. ... дис. канд. ист. наук. Омск, 2005. 27 с.

рост внимания граждан к данной сфере, сообщала о ежедневно поступавших статьях, заметках и даже стихах, авторы которых «обрушивались на постановку дела в рабочих столовых» [7, с. 2], жалуясь на грязь, насекомых, плохое отношение сотрудников и т.д. Газета печатала выдержки из писем рабкоров, извещавших о безобразиях на местах. Среди них встречаются такие: «редкость, если в суп не попадает таракан»; «грязь такая, что пройти страшно»; «в супе попался гвоздь»; «лопнули канализационные трубы, и всё их содержимое течёт себе потихоньку в кухню»; столовая «сервируется трофеями империалистической войны – обгрызенными деревянными ложками, выброшенными за ненадобностью из казарм»; «у столовых нет кладовых. В столовых нет ледников. В кухнях такая теснота, что негде повернуться»; «заведующая столовой <...> бухнула в котёл 15 килограмм сметаны: "Нехай будет со сметаной"» [8, с. 2]. В марте из Кузнецкстроя сообщали, что на каменный карьер «вместо супа привозят холодные помои», а рабочие за неимением особого места едят, где попало: на койках или прямо на улице [9, с. 3].

Подобное положение наблюдалось по всей стране и вызвало озабоченность на высшем союзном уровне: весной 1930 г. газета «Правда» выступила с инициативой проведения всесоюзного смотра общественного питания. Возглавить мероприятия на местах поручали региональным общественным организациям, включая редакционные коллективы печатных изданий. «Советская Сибирь» энергично включилась в осуществление кампании, начатой по всей стране 15 марта. В заметке за ту же дату общественное питание было названо «коренным вопросом дня» [10, с. 2]. Назавтра газета писала о намеченном краевом смотре как задаче первостепенного значения. Тогда же в Новосибирске принимали сотрудников «Правды», прибывших из Москвы для помощи в постановке дела [11, с. 4].

Уже вскоре редакция констатировала, что руководство рабочей кооперацией в крае пребывает в крайнем неблагополучии, пораженное «разгильдяйством, растратами, невниманием делу заготовок и общественному питанию» [12, с. 4]. В дальнейшем газета регулярно обращалась к событиям смотра, высвечивая нарушения, выявленные в местах общественного питания. Наибольшие, подчас вопиющие, нестроения обнаруживались в организации работы столовых, обращении с продуктами,

качестве подаваемых блюд. Публикации «Советской Сибири» позволяют подробно рассмотреть отдельные стороны системы местного общепита, сложить картину представлений о повседневном опыте десятков тысяч людей – потребителей услуг столовых Новосибирска и других городов края.

В мартовской заметке «Вредитель у котла» сообщалось, что повар столовой № 6 при посадочной фабрике в выходные дни кормил рабочих пирогами с тухлыми яйцами, подавал суп с тараканами, шерстью и мочалом [13, с. 4]. Некто Козлова жаловалась в газету, что в столовой при новосибирском Дворце труда купила рыбу «под шинелью», которая на поверку оказалась совершенно гнилой [14, с. 4]. Комиссия, посетившая столовую при Сибкомбайне, установила, что подаваемый там суп доливался водой, чтобы на четверть увеличить число порций [15, с. 4]. Посетители столовой на Сибфарфоре бранили меню, указывая, что в супе зачастую нет мяса, отсутствуют жиры и вообще первое есть «невозможно»; на второе бывали котлеты, «которые приходится разглядывать в увеличительное стекло, притом они же сухи, как подмётки». Столы не протирали от грязи на протяжении всего дня [16, с. 4].

В столовой махорочной фабрики Бийска суп варили из протухшего мяса, что делалось по распоряжению заведующего, стремившегося использовать запасы, пока те не испортились окончательно. Работники столовой при другом заводе клали в обеды продуктов «сколько вздумается заведующему», примерно на треть меньше положенного. Мясо хранили на дворе в кадках, закрытых поленьями от животных. Свежий и сгнивший картофель валялись вперемежку [17, с. 4].

В одной из городских столовых ЦРК (центрального рабочего кооператива) крестьянам подали «какую-то грязную бурду» в качестве супа, хотя другие столующиеся получали «более приличную пищу». На вопрос, почему их кормят хуже прочих, заведующий ответил жалобщикам: «Кушайте, что дают. У нас обеды не про вас» [18, с. 4]. Описанный случай показывает, что обслуживание крестьян производилось по остаточному принципу и поручалось организациям в дополнительную нагрузку, ответственно исполнять которую те явно не желали.

Обеды в столовых Бийска, по отзывам, были плохи и дороги. Правила санитарии не соблюдались, хлеб выпекался недоброка-

чественный. 13 мая в редакцию местной газеты «Звезда Алтая» принесли хлеб с запечённой в нём гайкой [17, с. 4]. В столовой № 7 омского ТПО 12 марта подали щи с капустой, «от которой глаза на лоб выворачивало от пересола и кислятины» и сладкий пирог с морковью, на поверку – совершенно сырой. Молоко или чай там обыкновенно подавали в грязных до отвращения стаканах [15, с. 4].

Общим местом отчётов и сообщений, стекавшихся в редакцию, было указание на вопиющую антисанитарию в местах питания и приготовления пищи. В Новосибирске смотровая комиссия столовой № 2 сообщила о необычайной скученности на кухне: «буквально негде повернуться». Положение усугублялось расположенной рядом уборной для сотрудников и посетителей, откуда нечистоты разносили к месту готовки еды. Для хранения продуктов здесь использовался «нелегально сколоченный» амбар во дворе, где навалом лежали все продовольственные запасы столовой [18, с. 4].

Автор статьи «Не столовая, а зараза» живописал обстановку в столовой при заводе «Труд» так: люди ходили на обед из заводского цеха прямо через кухню, отчего та стала «похожей на помойную яму». Здесь же постоянно бегали собаки – «разносчики глистов». Умывальники отсутствовали, люди садились за стол с грязными после работы руками. Котлы на кухне использовались нелуженые, подле них висели вещи работниц и сушилась обувь. «Грязь, зараза, безобразия», – гневно подытоживал автор [19, с. 4].

Незванный корреспондент стенгазеты описывал превратности столовой при кирпичном заводе Сибгоржилстроя. Рабочих и представителей администрации кормили по разным нормативам: для первых варили суп из конины, а для вторых – из баранины. «Обеды с каждым днём становятся всё хуже», – тревожился автор. Так, 13 мая рабочие отказались от получения обедов, поскольку повариха вместо супа разливала в тарелки воду, а вермишель осталась на дне котла. Грязную и тесную столовую рабочие, со слов стенкора, называли рассадником заразы, чему имелись веские причины. Ещё недавно воду для неё брали из творил, в которых месили глину, поэтому в воде часто попадались «волосы и кал». Затем начали возить воду из болота, в которое сливались помои из салотопки коопера-

тива «Жирпром». В ответ на жалобы столующихся администрация, ФЭК и поварахи отвечали криком: «Что дают, то и ешьте». Статью сопровождал комментарий редакции, сообщавший, что указанные в заметке нарушения подтвердились и директор завода привлекается городским санитарным надзором к судебной ответственности [20, с. 4].

Из Барнаула сообщали о тесноте и грязи в столовых и распределительных пунктах, грубости обслуживающего персонала, о том, что пища «приготавливается грязно», а обеды невкусные. В центральной столовой курсанты-колхозники получили суп с обглоданными мясными и урюковыми костями. При шубнопошивочной мастерской посетители были вынуждены кушать из грязной посуды, обнаруживая в супе окурки, тараканов, червей и клопов. А в столовой при заводе по производству пимов трудящимся приходилось принимать пищу стоя по причине тесноты и немытыми руками – отсутствовал умывальник [21, с. 3].

Сигналы о безобразиях приходили из Кузбасса. Рабочие Кузнецкстроя находили в тарелках варёных клопов, тараканов и других насекомых. Имелся случай массового отравления работников пожарной команды 24 апреля. Врачи, прибывшие по вызову, обнаружили у всей группы в 16 чел. признаки «заболевания от недоброкачественной пищи»: понос, рвоту, судороги, падение сердечной деятельности. По городу с описанными признаками было выявлено 50 чел., и все «потерпевшие от обедов» в столовой заболели приблизительно в одно время [22, с. 3].

Об антисанитарии в городских столовых сообщали из Красноярского округа [21, с. 3]. Грязь и теснота царили в точках общественного питания Рубцовска [21, с. 3]. От тараканов и мух страдали заведения Омска [18, с. 4]. Плохие санитарные условия наблюдали в Славгороде [23, с. 3]. В Черепанове заготовленное мясо сваливалось на улице безо всякого укрытия, становясь добычей собак и вороватых крестьян [24, с. 4].

Отдельным предметом критики явилась организация детского питания. 18 мая «Советская Сибирь» писала об обеспечении горячими завтраками окраинной 28-й школы Новосибирска. Большинство из 450 учеников составляли дети бедноты, «не имеющие дома нормального питания». Подаваемые в школе завтраки составляли кусок хлеба, часто ржаного, с чайной ложечкой сахарного песку; «хлеб часто сырой, с отстающей

верхней коркой, с закалом или с обгоревшей нижней коркой с палец толщиной» [25, с. 3].

Скверно было поставлено питание в школах Топкинского железнодорожного узла, где обучались до 1200 детей. На завтрак они получали маленькие бутерброды, состоявшие из тоненького ломтика сыра, положенного на кусок хлеба, и чая. 80% детворы выглядели малокровными и худосочными. Причина коренилась в том, что снабжающая организация поставляла лучшие товары на продажу в станционный буфет, обеспечивая школу по остаточному принципу [25, с. 3]. Коммерческая выгода в сознании снабженцев и руководителей общепита перевешивала социальные обязательства.

Завтраки оставались малодоступными значительному числу школьников по причине малого количества бесплатных и льготных порций, поставляемых учебным заведениям, а также неспособности многих родителей платить за порции в среднем по 9–12 к. Тем же подросткам, кто имел возможность получать питание, нередко приходилось есть в коридорах и классах в виду отсутствия особых помещений [25, с. 3]. Показательно, что сотни рабочих семей не имели возможности обеспечивать своим детям надлежащее питание дома, отчего столь остро стояла проблема еды в образовательных учреждениях.

Создавало трудности отсутствие твёрдых раскладок питания для детских яслей и детдомов. Суточный рацион ребёнка зависел порой от наличия продуктов на рынке и рыночных цен, а также от ассигнования от союзных Наркомздрава и Наркомпроса и местных общественных организаций. Бывали случаи, когда врачу в яслях приходилось бросать работу и отправляться на рынок за продуктами для питания подопечных детей [25, с. 3].

В Славгороде бригада проверяющих выявила негодную работу детских столовых в учреждениях отдела народного образования. В детдомах обнаружили 14 ребят, болевших цингой и не получавших овощей и усиленного питания. В школах, по сути, не выдавали горячих завтраков. То, что окроно и педагоги считали таковыми, представляло собой кипяток, 200 г хлеба и 400 г сахара. Совещание по итогу смотра при окружном торговом отделе постановило ввести с 1 июня на местные средства специальный детский паёк [17, с. 4]. К сожалению, подобные решения в ходе смотра были счастливым исключением,

тогда как множество выявленных неурядиц оставалось лишь предметом нравственного порицания в печати.

Нарекания вызывало снабжение точек общепита продуктами. Комиссия, обследовавшая столовую при заводе «Труд», выяснила, что ЦРК отпускает ей капусту с червями и испорченную сметану, «похожую на извѣстку» [14, с. 4]. Автор материала «Боевые вопросы рабочего снабжения» указывал, что мясо на местах есть, но оно «хищнически разбазаривается», а кооператоры совершенно не считаются с установленными нормами его потребления [26, с. 3].

Попали в поле зрения ревизоров и очереди в столовых. Член смотровой бригады из Канска отмечал, что на обед в городе «надо два часа», которые тратятся в очереди за талоном у кассы, затем в очереди у стола и, наконец, за столом в ожидании подачи [13, с. 4]. То же тревожило жителей Новосибирска. Автор за подписью «Вл. Лесной» иронично советовал: «Утром по дороге на работу лучше не заходи – опоздаешь». То же во время обедов и ужинов: ожидание отнимало у посетителей 1–2 ч [12, с. 4]. Огромные очереди в столовых Кузнецкстроя вынуждали рабочих опаздывать на работу на 20–30 мин [27, с. 3]. В центральной столовой Бийска длинные очереди вырастали у кассы, где буфетчик продавал талоны, пиво и сам раскупоривал бутылки; смена официантов проводилась в разгар обеда, что вызывало получасовые задержки в подаче [16, с. 4]. Наблюдатель из Щегловска описывал обед местных рабочих на основе «разделения труда»: один берёт на пятерых тарелки и приборы; другой в это время получает суп на всех, третий успеваеет «добыть» второе блюдо, а остальные с трудом занимают места за столиками. Участь одиночек была печальна: «устроившись за столиком, вы не сможете отлучиться за вторым, так как рискуете лишиться не только места, но и оставленной ложки и, следовательно, собственного платья, которого вам не вернут, раз вы потеряли "посуду"» [15, с. 4]. Практика удержания верхней одежды была широко распространена, о чём свидетельствует сообщение из Красноярска о посетителе, которому не «выдали обратно платья», так как он забыл вернуть буфету тарелки и приборы [15, с. 4].

Работу столовых подрывали нехватка поварских кадров и их низкая квалификация. Понимание проблемы имелось, види-

мо, в новосибирском горсовете. «Советская Сибирь» печатала размышления руководителя секцией общественного питания о важности подготовки поваров и управленческих кадров. Там же приводились слова заведующей курсами официанток и поваров об отсутствии у курсантов должной производственной практики: в столовых ЦРК они нередко вместо наработки навыков стряпни часами кололи дрова, подносили продукты и мыли котлы [14, с. 4].

Отмечался и положительный опыт устройства мест общепита, однако куда реже встречается упоминаний о нарушениях и бесхозяйственности. Так, чайную на одном из кемеровских рудников шахтёры за царившей в ней образцовый порядок назвали «кусочком социализма» [13, с. 4].

Смотр по краю шёл не гладко. Не везде общественники подошли к делу ответственно. Сообщения о бездействии на местах не сходили со страниц «Советской Сибири». В исходе марта газета тревожилась, что ряд округов намерен «скомкать» смотр питания: в Славгороде, Рубцовске и других местах комиссии долго не приступали к работе. В Красноярске ограничились простым обследованием столовых без попыток «раскачать массы» [23, с. 3]. Омские активисты отделались проведением «ударного трёхдневника» борьбы с насекомыми в столовых [18, с. 4]. Безучастными оставались профсоюзы [28, с. 4]. В Щегловске редакция газеты «Кузбасс» противилась участию в смотре, оправдываясь и без того высокой общественной нагрузкой [21, с. 3]. В исходе апреля «Советская Сибирь» заявила, что сносно кампания проходит только в Новосибирске [26, с. 4]. Слабая вовлечённость в дело организаций разного уровня вынудила организаторов смотра продлить его до конца весны [19, с. 4].

26 мая редакция «Советской Сибири» разослала всем окружным газетам телеграмму об окончании смотра с просьбой дать отчёт о проделанной работе для доклада краевым органам и в Москву [20, с. 4]. В одном Новосибирске работало до 50 смотровых комиссий и порядка 600 активистов. Неудачной кончился смотр в деревенском секторе, где не удалось надлежаще мобилизовать общественность [29, с. 6]. В городах же число выявленных нарушений в деле общепита было громадным. О размахе неблагополучия свидетельствовали жалобные книги, которые в каждой столовой ЦРК составляли 3–4 тома. Записи

в них прежде не имели положительного отклика со стороны руководства заведений [30, с. 4].

Смотр предал огласке многие пороки краевого общепита. Иногда комиссиям удавалось добиться улучшений, что особо заметно в подходе к постановке детского питания [25, с. 3; 29, с. 6]. Однако зачастую изменений не наступало вовсе. «Советская Сибирь» признавала: во время смотра в некоторых столовых Новосибирска наблюдалось улучшение, но едва кампания закончилась, положение резко ухудшилось. Летом в редакцию продолжали массово стекаться жалобы привычного содержания на качество еды и дурные порядки в заведениях. Так, в начале августа в столовой Акорта № 7 подавали на второе две рыбки: «сверху хорошая, а снизу сгнившая». Администрация «нашла» жалобную книгу лишь после угрозы посетителей обратиться в газету. В городских столовых ЦРК продолжали выдавать «скверную кашу, вместо хорошего блюда из свежих овощей». Столовая при одном из заводов часто предлагала обед, состоящий «из тухлой рыбы и мучной жижицы». Работник «Полиграфтреста» в конце июля вопрошал: «Чем оправдать кормление тухлым мясом?» Другим письмом сообщали, что руководители столовых объясняют «общими трудностями» даже протухшее мясо и гнилые овощи [31, с. 4]. Пайщик ЦРК жаловался, что кашу разводят водой и не разбивают комки. В хлебе 3/4 влаги. Рыбу, не очищая от чешуи, заливают соусом, после чего её невозможно ни съесть, ни очистить [33, с. 2].

Поток жалоб не иссякал и в дальнейшем. Осенью писали, что в столовой «Сибполиграфтреста» предлагали суп «чёрный, как дёготь, вонючий и без жиров», недодавали продукты. Заведующий парировал возмущения: «Вам повар Николая II готовил, а вам всё не нравится» [33, с. 3]. Негодование вызывало хамское обращение сотрудников столовых с посетителями. Сообщалось, что в Новосибирске работницы столовой № 7, поссорившись с некими гражданками, три дня не отпускали им обеды и обещали ошпарить кипятком [33, с. 3]. Там же, в столовой № 10 при сельхозинституте, обвешивали курсантов при отпуске хлеба. А в столовой при Алексеевском райколхозсоюзе слушателей хлебозаготовительных курсов «морили голодом и третировали, как уголовников». В буфете станции Черепаново рабочим паровозной бригады не позволяли обе-

дать в станционном помещении, выгоняя со своей посудой на улицу [31, с. 2].

Вместе с тем слабо развивалась краевая сеть столовых, буфетов и кухонь, хотя подчас хозяйственники шли к нужным количественным показателям, пренебрегая вопросами качества. Заведения строили небрежно, халатно. Так, помещение столовой № 6 на Тыргане постоянно заливал дождь, плиты на кухнях быстро приходили в негодность. В столовой одной из штолен, предназначенной обслуживать 500 чел., сложили плиту «размером на 2 семьи», без баков и духовок. Руководители пьянствовали, варили пиво и расхищали продукты [32, с. 2].

Повсеместно сохранялась волокита в обслуживании. В сентябре рабочие омского завода имени Рудзутака полчаса после смены провели в очереди за обедом. При 800–900 едоках было «потеряно около 60 рабочих дней» – подсчитали в газете [34, с. 4]. Давка и длинные очереди на вагоноремонтном предприятии Барнаула вынуждали многих возвращаться к станку голодными [34, с. 4]. На Яшкинском цементном заводе рабочим приходилось ждать обеда по 2 ч, вторых блюд не хватало, очереди загораживали вход [33, с. 3].

После окончания и подведения итогов смотра редакция «Советской Сибири» пыталась придать системный характер борьбе с нестроениями в общественном питании. В газете появилась рубрика «Чёрная сводка нарпита», где освещались провалы и нарушения в работе краевых столовых. Например, 10 октября были коротко перечислены огрехи по разным населённым точкам. В столовой на стройках Тырганы отсутствовал санитарный надзор, наблюдались «грязь, нечистоты, безалаберность»; протекал подвал с овощами. Столовая ЦРК № 14 в Тельбесе нерационально обращалась с отбросами, отправляя их на свалку вместо употребления на прокорм свиней, свиначник же пустовал. На станции Барабинск 29 сентября рабочим подали гнилое мясо, отчего те вынуждены были бросить обед. В столовой ЦРК № 17 Новосибирска в пище обнаружили гниль; продукты шли в готовку немывтыми, обеденное меню не разнообразилось в течение месяца [36, с. 3].

Иные заметки описывают комичные ситуации. Так, в столовой зерносовхоза Прокопьевска заведующий развёл свиней. Во

время обеда те бегали по помещению и тыкали мордами посетителей, выпрашивая хлеб и в случае недовольства поднимая «дикий рёв». Заведение, разумеется, пребывало в антисанитарных условиях. Кроме того, 500 рабочих не раз оставались без обедов вследствие безалаберности сотрудников, не заготовивших вовремя воду, дрова и продукты. Качество блюд оставалось удручающим, рабочие не получали мяса и овощей (при наличии у столовой своего огорода) [35, с. 3].

Несмотря на попытки «Советской Сибири» вовлечь население в работу по контролю над общепитом, гражданские объединения выказывали по этому поводу отчуждённость. «Общественные организации плохо помогают укреплению кадров в столовых», – констатировала газета [32, с. 2]. Совещание, созванное редакцией в октябре по текущим проблемам общепита, было проигнорировано председателями заводоуправлений, ФЗК, партийных коллективов, а также отделом народного питания ЦРК и краевым отделом союза работников питания [36, с. 3].

Истоки проблем общепита были разнообразны и восходили не только к бесхозяйственности отдельных заведующих. Ответственность за общепит лежала и на управленцах из ЦРК, нарпита и прочих, не способных подчас обеспечить первичные условия работы своих заведений. Показательны проблемы железнодорожников Барнаула. Столовые транспортного узла были организованы наспех в непригодных помещениях: «то сарай, то заброшенный лабаз, то развалившаяся избушка». Столовая депо занимала два вагона, ещё два были отведены под кухню и кладовую. В таких условиях неизбежно возникали давка и антисанитария: с потолка в пищу капала вода и валилась грязь. Столовая вагоноремонтного предприятия также была обустроена в негодных условиях. Кухня и судомойное помещение занимали наскоро сколоченный лабаз из теса с такими дырами в стенах, что в ненастье помещение продувалось ветром и заливалось дождём, так что уже ранней осенью работницы обливали пол кипятком, чтобы согреться. Материалы для столовой были заранее заготовлены подрядчиком, но ЦРК, зная крайнюю нужду предприятия в помещении для столовой, «куда-то их сплавило». На овощном заводе столовую заменял барак с земляным полом, где люди ели, стоя «в грязи, вони и смраде» [34, с. 4].

Заведения общепита часто страдали от недостатка инвентаря, будучи вынуждены пользоваться посудой «проржавевшей иногда до дыр», не получая от ЦРК замены. В одном случае дошло до того, что сотни рабочих пользовались десятью ложками [34, с. 4]. В столовых Прокопьевска, включая детскую, посуды не только не хватало, но почти вся она была нелуженой, из оцинкованного железа [32, с. 2]. Продукты, в том числе мясо, имелись в достатке, но хранились безо всякого порядка, отчего «даже солёная рыба ухитряется протухнуть». Посетителей удручало убогое меню: «постный суп и каша, постный суп и картошка, постный суп и пареная капуста». Впрочем, язвительно замечал автор заметки, иногда меню «разнообразят кусочком колбасы "с душком" или хвостиком рыбы» [34, с. 4].

28 мая на совещании в редакции «Советской Сибири» инспектор СибРКИ сообщил о нарушениях, выявленных в работе ЦРК, чьи столовые получали необходимые продукты со складов и баз, но расходовали безо всяких нормативов, отчего раньше срока оставались, к примеру, без мяса. Также служащие столовых носили рваные халаты, не имели в достатке ножей и посуды, хотя на складах всё было в наличии [17, с. 4]. 17 октября газета напечатала материал «Что говорят заведующие столовыми», предоставив последним возможность изложить свои соображения о причинах неизжитых ещё безобразий. Сотрудник столовой нарпита № 3 Касевич заявил, что заведения общепита могут «великолепно кормить», если будет устранена бесхозяйственность, порча продуктов, беспорядок в столовых, а работники кооперации оставят бумажную волокиту и возьмутся за оперативное руководство. «Кому доверяют котёл? Первому попавшемуся человеку, такому, который, получив фасоль, спрашивает, что это такое, что же мне с ней делать? Вместо овощехранилища построили дырявый балаган», – перечислил автор больные места отрасли. Заведующий столовой «Труд» Щепин отметил пагубное безразличие директора завода, который не только не заботился об обустройстве столовой и овощехранилища, но и не давал хода начинаниям работников, ссылаясь на отсутствие утверждённых планов и директив. В похожем ключе выступил заведующий столовой бывшего Промбанка: «Как открываем столовую? Хибара тяп-ляп, и готово». Среди причин общего разлада указывалось отсутствие пригодных по-

мещений и потребного технического оснащения, отчего многие столовые стояли совершенно не оборудованными. При наличии муки и овощей отсутствовали условия для выпекания, иногда и продукты поступали такие, «что затрудняют всю работу». Подчёркивалась и разительная слабость поварского состава. Кадровой подготовки нет, – подытоживал автор [36, с. 3].

Соображения ответственных работников подтверждают выводы, сделанные ранее смотровыми комиссиями. Сохранившиеся нарекания указывают на неизжитые проблемы в организации регионального общепита. Помимо человеческого начала, проявлявшегося в косности и безответственности руководителей и низовых работников, источником неурядиц оставались крайне слабая материальная база и кадровый голод, которые не успевала покрыть спешно развёрнутая система профессиональной подготовки. Удалённость от центра и сравнительно слабая экономика региона давали о себе знать. Кроме того, некоторые учреждения народного питания по-прежнему предпочитали наращивание прибыли социальным обязательствам. Газета приводила статистику омского ЦРК, увеличившего за 10 месяцев прибыль на 36 процентов к обороту [36, с. 3].

Обсуждение и выводы

И всё же, несмотря на тяжело шедшее преодоление пороков системы общепита, краевой смотр показал положительные изменения в развитии сознания советских граждан. Сам факт проведения проверочных мероприятий в масштабах Сибирского края силами ряда общественных организаций и с опорой на деятельных обывателей говорит в пользу складывания новых ценностных представлений, которые пестовали руководители культурной революции в СССР. При том, что наличные успехи смотра были подчас весьма скромными и полноценный рабочий контроль над работой столовых и продуктовым снабжением не был налажен, полученный опыт проведения массовой кампании следует считать имеющим значение для дальнейшего осуществления социальной политики в стране и на местах.

В рамках статьи трудно во всей полноте воспроизвести сложную картину повседневной жизни даже в таком, казалось бы, малом сегменте, как общественное питание. Вместе с тем

представленные данные убедительно показывают сложность и многогранность этой частной стороны жизни советского общества, взятой на коротком отрезке исторического времени в антропологическом аспекте. Изучение структур обыденности позволяет получить ценнейший материал о жизни людей в конкретных исторических условиях, рассмотреть в подробностях явления и события, образующие содержание их жизненного опыта и формирующие систему их мировоззрения. Работа со структурами повседневности сообщает представлениям о прошлом предельную глубину, на которой исследователю становятся доступны голоса и помыслы тех, чья жизнь в бесконечной череде поступков и переживаний создавала саму историческую действительность.

Список литературы

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. В 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 622 с.
2. Букин С. С., Исаев В. И. Новосибирцы. Очерки истории повседневной жизни. Конец XIX – начало XXI вв. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2008. 270 с.
3. Букин С. С., Исаев В. И. Развитие общественного питания в Сибири в 1920-е – 1950-е гг. // Урал индустриальный: VIII Всероссийская научная конференция. Т. 2. Екатеринбург, 2007. С. 29–31.
4. Красильникова Е. И., Вальдман И. А. История городов Сибири в репрезентациях журнала «Сибирские огни»: историко-краеведческие контексты 1920–1940-х годов // Научный диалог. – 2021. – № 7. – С. 428–448. DOI 10.24224/2227-1295-2021-7-428-448.
5. Дудукалов В. И. Развитие общественного питания в Сибири в годы социалистического строительства (1921–1932 гг.) // Из истории социалистического строительства в Сибири. Томск, 1984. – С. 124–138.
6. Дмитриенко Н. Н. Газетный мир Омской области (1871–1996) // Четвертые Макушинские чтения. – Новосибирск, 1991. – С. 116–119.
7. Советская Сибирь. – 1930. – 24 янв.
8. Советская Сибирь. – 1930. – 29 янв.
9. Советская Сибирь. – 1930. – 8 марта.
10. Советская Сибирь. – 1930. – 15 марта.
11. Советская Сибирь. – 1930. – 16 марта.
12. Советская Сибирь. – 1930. – 26 марта.
13. Советская Сибирь. – 1930. – 18 марта.
14. Советская Сибирь. – 1930. – 3 апр.
15. Советская Сибирь. – 1930. – 17 апр.
16. Советская Сибирь. – 1930. – 10 апр.
17. Советская Сибирь. – 1930. – 1 июня.

18. Советская Сибирь. – 1930. – 9 апр.
19. Советская Сибирь. – 1930. – 7 мая.
20. Советская Сибирь. – 1930. – 26 мая.
21. Советская Сибирь. – 1930. – 16 апр.
22. Советская Сибирь. – 1930. – 29 апр.
23. Советская Сибирь. – 1930. – 28 марта.
24. Советская Сибирь. – 1930. – 23 марта.
25. Советская Сибирь. – 1930. – 18 мая.
26. Советская Сибирь. – 1930. – 26 апр.
27. Советская Сибирь. – 1930. – 2 апр.
28. Советская Сибирь. – 1930. – 4 апр.
29. Советская Сибирь. – 1930. – 9 июня.
30. Советская Сибирь. – 1930. – 27 апр.
31. Советская Сибирь. – 1930. – 3 авг.
32. Советская Сибирь. – 1930. – 13 авг.
33. Советская Сибирь. – 1930. – 23 окт.
34. Советская Сибирь. – 1930. – 29 сент.
35. Советская Сибирь. – 1930. – 10 окт.
36. Советская Сибирь. – 1930. – 17 окт.

"The key question of the day": review of public catering in 1930 in Western Siberia (based on the materials of the newspaper "Soviet Siberia")

Nikita V. Tikhomirov

The article is devoted to the study of the 1930 public catering review in the Siberian Region of the USSR based on the publications of the newspaper "Soviet Siberia". The information from the source allows us to reconstruct the life experience of people due to their relationships with local catering establishments. The cognitive value of the source is determined by the presence of messages from direct participants in the events, which makes it possible to consider the subject under study on the basis of primary evidence of contemporaries. The problems of setting up the work of canteens and cafes, catering in children's institutions and industrial enterprises are identified and generalized. Attempts to establish a system of working control over the activities of catering are shown. The research implements the principles of the anthropological approach. The presented results are aimed at expanding the field of application of historical and anthropological methodology in the study of the structures of everyday life and regional history. The findings are intended to deepen scientific understanding of the cultural revolution in the Soviet province, to show the qualitative originality in the implementation of large-scale social projects of the Soviet government at the local level.

Key words: the history of everyday life, microhistory, public catering, periodicals, regional history, Siberia.

For citation: Tikhomirov, N. V. «Korennoj vopros dnja»: smotr obshhestvennogo pitanija 1930 g. v Zapadnoj Sibiri (po materialam gazety «Sovetskaja Sibir») [“The key question of the day”: review of public catering in 1930 in Western Siberia (based on the materials of the newspaper “Soviet Siberia”).] *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 126–143. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_126

References

1. Brodel', F. (1986) *Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. V 3 t. T. 1: Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII centuries. In 3 vols. Vol. 1: Structures of everyday life: possible and impossible]. Moscow: Progress Publ. (In Russ.).
2. Bukin, S. S., Isaev, V. I. (2008) *Novosibircy. Oчерki istorii povsednevnoj zhizni. Konec XIX – nachalo XXI vv.* [Novosibirsk residents. Essays on the history of everyday life. Late XIX – early XXI centuries]. Novosibirsk: Siberia Science Publ. (In Russ.).
3. Bukin, S. S., Isaev, V. I. (2007) *Razvitie obshchestvennogo pitaniya v Sibiri v 1920-e – 1950-e gg.* [The development of public catering in Siberia in the 1920s – 1950s.] / VIII All-Russian Scientific Conference "Ural Industrial". Vol. 2. Yekaterinburg. Pp. 29–31. (In Russ.)
4. Krasilnikova, E. I., Valdman, I. A. (2021) *Istoriya gorodov Sibiri v reprezentacijax zhurnalna "Sibirskie ogni": istoriko-kraevedcheskie konteksty` 1920–1940-x godov* [The history of Siberian cities in the representations of the journal "Siberian Lights": historical and local history contexts of the 1920s-1940s] // *Nauchny'j dialog* [Scientific Dialogue]. No. 7. Pp. 428–448. DOI 10.24224/2227–1295–2021–7–428–448.
5. Dudukalov, V. I. (1984) *Razvitie obshchestvennogo pitaniya v Sibiri v gody socialisticheskogo stroitel'stva (1921–1932 gg.)* [Development of public catering in Siberia during the years of Socialist construction (1921–1932)] / From the History of Socialist Construction in Siberia. Tomsk. Pp. 124–138. (In Russ.)
6. Dmitrienko, N. N. (1991) *Gazetnyj mir Omskoj oblasti (1871–1996)* [Newspaper World of Omsk region (1871–1996)]. Fourth Makushin readings. Novosibirsk. Pp. 116–119. (In Russ.).
7. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). January 24.
8. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). January 29.
9. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 8.
10. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 15.
11. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 16.
12. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 26.
13. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 28.
14. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 3.
15. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 17.
16. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 10.
17. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). June 1.
18. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 9.
19. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). May 7.
20. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). May 26.
21. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 16.
22. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 29.
23. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 28.
24. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). March 23.
25. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). May 18.
26. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 26.
27. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 2.
28. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 4.
29. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). June 9.
30. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). April 27.
31. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). August 3.
32. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). August 13.
33. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). October 23.
34. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). September 29.
35. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). October 10.
36. *Sovetskaya Sibir'* [Soviet Siberia] (1930). October 17.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023

Одобрена после рецензирования 6.03.2023

Принята к публикации 18.03.2023

Рассказ Н. К. Бухарина «Очерки прилинейной жизни оренбургских казаков. Хивинка» как исторический источник о повседневной жизни казаков южноуральского фронта середины XIX в.

Е. В. Годовова

В статье представлен обзор рассказа войскового старшины Оренбургского казачьего войска Н. К. Бухарина «Очерки прилинейной жизни оренбургских казаков. Хивинка», изданного в 1892 г. Занимая некоторое время должность архивариуса Войскового хозяйственного правления, он получил разрешение на поездки по войску с целью осмотра архивов станичных правлений и сбора бытовых преданий казаков. Очерк «Хивинка» описывает тяжелую судьбу оренбургской казачки Акулины Григорьевны Степановой, попавшей в плен около 1835 г. и освобожденной из него спустя шесть лет. Этот рассказ очень эмоционален, так как Н. К. Бухарин записал его практически под диктовку самой рассказчицы. Источниковая ценность очерка «Хивинка» заключается в том, что в нем раскрывается важнейший аспект повседневной жизни казаков южноуральского фронта середины XIX в. – особенности взаимоотношений, сложившихся между граничащими друг с другом оренбургскими казаками и казахским населением, жизнь в киргизском и хивинском плену. Привлекают внимание выводы, к которым приходит Н. К. Бухарин в конце рассказа. Он пишет о том, что уходит целое поколение казаков – свидетелей героической эпохи пограничной жизни, унося с собой память о минувших событиях, и «нравственный кодекс, склад, быт этого стального, закаленного поколения исчезает, не вдохновив грядущего потомства».

Ключевые слова: Н. К. Бухарин, южноуральский фронт, повседневность, оренбургские казаки, казачка.

Для цитирования: Годовова Е. В. Рассказ Н. К. Бухарина «Очерки прилинейной жизни оренбургских казаков. Хивинка» как исторический источник о повседневной жизни казаков южноуральского фронта середины XIX в. // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 144–152. DOI 10.35231/25422375_2023_2_144

Введение

В середине XVIII в. было образовано Оренбургское казачье войско, сыгравшее важную роль в заселении и освоении обширных районов юго-востока Российской империи. Служба в приграничных с киргиз-кайсацкой степью районах была крайне опасна, периодически принимая острые формы военного противостояния. Киргиз-кайсаки, ногаи и каракалпаки угоняли у прилинейного населения скот, сжигали и вытаптывали посевы, захватывали и угоняли для продажи на невольничьих рынках людей.

Особенности повседневной жизни казаков на фронтирных территориях Российской империи и их взаимоотношения с соседями – одна из разрабатываемых в современной историографии тем [1–5]. В своих исследованиях авторы опираются не только на архивные материалы, но и на источники личного происхождения и устные исторические свидетельства. Таких материалов, написанных или собранных казаками в XIX – начале XX в., немного, и поэтому они уникальны. Например, рукопись казака Н. В. Агапова отражает военные будни оренбургских казаков: схватки с врагом, выживание в экстремальных условиях среднеазиатской степи, формирование системы ценностей. Она была обнаружена в личном фонде историка Оренбургского казачьего войска, члена Оренбургской ученой архивной комиссии С. Н. Севастьянова, хранящемся в объединённом Государственном архиве Оренбургской области, исследована и опубликована группой магнитогорских и оренбургских ученых в 2013 г. [6].

Большую источниковедческую ценность представляют устно-исторические свидетельства, собранные Н. К. Бухариным.

Войсковой старшина Никандр Константинович Бухарин родился 11 сентября 1841 г. и происходил из дворян Оренбургского казачьего войска. Когда ему было два года, умерла его мать, в пять лет скончался отец. Заботы о ребенке взял на себя его дядя Аконер Петрович Бухарин (адъютант в окружном дежурстве Второго военного округа, впоследствии дежурный штаб-офицер в войсковом дежурстве в Оренбурге). В 1855 г. Никандр Константинович поступил в Полоцкий кадетский корпус. После его окончания с 13 июня 1862 г. начал службу хорунжим войска в конноартиллерийской № 18 батарее и с тех пор служил

в войсковой артиллерии. 23 сентября 1886 г. Н. К. Бухарин ушел в отставку, но, так как нуждался в деньгах, продолжил нести службу в должности архивариуса войскового хозяйственного правления [7].

Н. К. Бухарин был одним из инициаторов разработки бытовой истории Оренбургского казачьего войска. Как архивариус он получил разрешение на поездки по войску (в 1888, 1889, 1890 гг.) с целью осмотра архивов станичных правлений и сбора бытовых преданий казаков [8].

В связи с болезнью и последующей смертью 29 июня 1891 г. Н. К. Бухарин не смог переработать собранные сведения, и они вошли в материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска в первоначальном виде под названием «Из путевых заметок Бухарина». Это воспоминания казаков о жизни на линии в 20–50-х гг. XIX в. Они содержат сведения об образовании оренбургскими казаками некоторых населенных пунктов, информацию о пленении, схватках с киргизами, о жизни в плену и возвращении домой, межличностных отношениях и повседневной жизни [9; 10].

Отдельно был издан очерк «Хивинка», описывающий тяжелую судьбу оренбургской казачки, попавшей сначала в плен к киргизам около 1835 г. и освобожденной из хивинского плена спустя шесть лет. Этот рассказ очень эмоционален, так как Н. К. Бухарин записал его практически под диктовку самой рассказчицы.

Целью настоящей статьи является обзор записанного и опубликованного войсковым старшиной Оренбургского казачьего войска Н. К. Бухариным очерка «Хивинка» о непростой судьбе оренбургской казачки Акулины Григорьевны Степановой.

Результаты

Очерк «Хивинка» Никандр Константинович начал с описания особенностей оренбургской пограничной линии в 30-е гг. XIX в. Он писал, что села, расположенные на линии, были окружены валами с пушками в бастионах по углам, ворота закрывались рогатками или шлагбаумами и охранялись караулами, а по окрестным высотам стояли пикеты и маяки. Эти замкнутые крепости-селения были наполнены вооружёнными людьми – солдатами и казаками, и даже женщины за водой ходили под вооруженной

охраной [8, с. 15–16]. В таком поселке и жила в то время героиня рассказа Бухарина Акулина Григорьевна Степанова, которую люди называли Хивинкой.

Вместе со своим мужем Иваном Ивановичем Степановым они вели хозяйство в Березовском поселке Таналыкской станицы Орского уезда. На противоположном от него берегу Урала размещались кочевки киргизов. В отличие от скалистой и каменной казачьей земли, на киргизской стороне были луга, поэтому семья Степановых и отправилась туда на покос. На обратном пути их взяли в плен три вооруженных киргиза. «Мы сели с ним (мужем. – Е. Г.) верхом на одну лошадь и отправились домой, без всякого оружия, чего с нами прежде никогда не было» [8, с. 17], – сетовала в своем рассказе Хивинка. Сначала киргизы хотели заколоть Акулину, но Иван сказал, что она беременна, и ее оставили в живых. Женщину полностью раздели, сняв серьги, несколько ниток бус и бисера, платки, платье, чулки, башмаки и крест. Пленников связали и, посадив на лошадей, погнали через овраги, леса и горы до аулов на р. Тобол. В пути, а он длился семь дней, Акулине и Ивану не разрешали переговариваться, да и вообще издавать звуки, практически не поили и не кормили. По приезде супругов разлучили, и они оказались в разных аулах.

Иван пас киргизских лошадей, Акулина – овец и коз. Иногда им удавалось видаться на пастбище, но она не рассказывала ему об издевательствах – изнасилованиях, избиениях и унижениях со стороны киргизов, боясь, что он начнет им мстить.

В сентябре Акулина в дырявой и холодной кибитке родила девочку. Обмыла ребенка холодной водой, мокрого прижала к себе и прикрыла дырявым зипуном – единственной одеждой, которая была на самой Хивинке. Не отреагировали киргизы на ее просьбы дать хотя бы какой-нибудь клоч джабаги (немытой верблюжьей шерсти), чтобы завернуть ребенка. Единственным, кто согревал мать и ребенка, были овцы в сарае, к ним по ночам прижималась Акулина с ребенком.

После Рождества Акулину повезли в Хиву, а Иван остался в ауле. В дороге пленницу кормили и не били, потому что готовили на продажу. В Сборное воскресенье (первое воскресенье Великого поста) Акулину привезли на Хивинский невольничий базар. Из её рассказа мы узнаем о том, кем и как на нем торговали.

Продавали мужчин, женщин, подростков 12–14 лет, детей разных национальностей, но преимущественно русских и персов. Людей, выставленных на продажу, раздевали догола, не разрешая даже прикрываться. Каждый, желающий купить себе раба, подходил, осматривал кожу и тело, мог ощупать каждую косточку, убедиться, что нет переломов, вывихов и т.д. [8, с. 24]. Купить Акулину не успели, потому что всех русских рабов отправили во дворец к хану, где ее определили работать на кухню. Старшая султанша пыталась заставить её, угрожая ножом, перейти в их веру, но Хивинка не согласилась.

Первое время в обязанности Акулины входило каждое утро приносить хану лепешку, покрытую пенкой от молока, а со временем она стала заправлять и кухню, и всем скотным двором. Понравилась она хану, и он решил ее выдать замуж за русского человека, служившего при его дворце, – за Макара Максимовича. Сначала Акулина отказывалась, говоря о том, что она замужем, ее муж находится в плену у киргизов и, согласно русским законам, для очередного замужества ей нужно развестись. На это старшая султанша сказала, что плен в их случае и есть развод и она может спокойно выйти замуж. Тем более что жених был не против воспитывать дочь Акулины. Да и по местным законам без мужа жить непристойно, и если она против, то ее продадут в Туркестан. Хивинка повиновалась и вскоре стала женой Макара Максимовича.

Макар Максимович управлял пушечным двором, за успешные походы вместе с ханом был награжден землей с садом, домом и жалованьем. Не жалел хан подарков и Акулине, одаривая ее шелковыми и бархатными нарядами и украшениями. Ни в чем она больше не нуждалась, одевалась в шелка и была сыта. Но вскоре умерла ее дочка. Акулина очень горевала по девочке. Много времени проводила с султаншей на женской стороне ханского дома.

Из рассказа Акулины мы узнаем о том, что в Хиве проживали и вольные русские люди, самостоятельно там поселившиеся. Это были люди разного звания, все больше старообрядцы. Спасаясь от гонений, они отправились кто в Туретчину, кто на Кавказ, а кто в Хиву. Были здесь и барские, и вольные, а больше всего из уральцев. Приходили они группами, доходили до ханских пределов и спрашивали у хана разрешения жить на терри-

тории, находящейся под его управлением. И ханы разрешали им селиться, покупать земли, торговать и даже вино курить, но только для себя, а не на продажу здешним [8, с. 33–34].

Муж Акулины и она сама общались с этими людьми. Так как попа в Хиве не было, дочку, рожденную через три года их брака, покрестили дома эти самые старообрядцы [8, с. 36].

Шедшие на Хиву русские войска под руководством оренбургского военного губернатора В. А. Перовского напугали хивинского хана, и он поспешил выполнить требование русского правительства и освободил русских пленников. Переговоры по свидетельству Акулины вел англичанин (известно, что в Хиве в это время было два английских офицера ост-индской службы Аббот и Шекспир. – Е. Г.).

Акулина Григорьевна и Макар Максимович отправились домой. Вместе они дошли до Оренбурга. Здесь выяснилось, что первый муж Акулины пять лет назад вернулся из плена и живет в пос. Березовском. Ей предложили определиться: ехать к нему или остаться с новым мужем. Акулина приняла решение вместе с дочерью вернуться к Ивану Ивановичу. Макар Максимович не препятствовал этому и сам отправился в Астраханскую губернию. С Иваном Ивановичем Хивинка прожила 25 лет. Они воспитали двух дочерей (второй девочкой она была беременна, вернувшись из плена) и сына Андрея.

В заключение своего рассказа Акулина Григорьевна сказала, что пережить все испытания, выпавшие ей, помогла вера в Бога и единственно о чем она его молит теперь – «о христианской кончине живота своего» [8, с. 37]. Отметим, что эта линия – христианского смирения – пронизывает весь очерк. Слушая описание Акулиной жизни в киргизском плену, Бухарин отмечал: «Ея тихая, плавная речь не озлобляла против ее притеснителей, а как бы подсказывала каждому: прости им Господи! не весть что творят! И, быть может, некоторые из присутствующих тут и сказали в душе: да, несчастные, жалкие, жалкие изуверы» [8, с. 22].

Обсуждение и выводы

В статье представлен обзор очерка «Хивинка», записанного войсковым старшиной Оренбургского казачьего войска Н. К. Бухариным в конце XIX в. Этот рассказ очень эмоционален, так как он записан практически под диктовку самой рассказчи-

цы. Источниковая ценность очерка «Хивинка» заключается в том, что в нем раскрывается важнейший аспект повседневной жизни казаков южноуральского фронта середины XIX в. – особенности взаимоотношений, сложившихся между граничащими друг с другом оренбургскими казаками и казахским населением, жизнь в киргизском и хивинском плену.

В заключение очерка Н. К. Бухарин писал о том, что уходит целое поколение казаков – свидетелей героической эпохи пограничной жизни, унося с собой память о минувших событиях, и «нравственный кодекс, склад, быт этого стального, закаленного поколения исчезает, не вдохновив грядущего потомства, и события, полные интереса и драматизма, теперь еще таящиеся в неизвестной глуши, канут в вечность, вместе с деятелями, никем не оцененные, никем не занесенные ни в какие сказания и летописи» [8, с. 38]. Нельзя не согласиться с этими выводами Н. К. Бухарина. Действительно, устно исторические свидетельства являются важным источником, повествующим о жизни обычных людей и отражающим их внутреннее мироощущение.

Список литературы

1. Годовава Е. В. Оренбургское казачье войско и Казахская степь: особенности взаимоотношений во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Вопросы истории Сибири. – Омск, 2017. – С. 21–25.
2. Чекулаев Н. Д. О взаимоотношении российского казачества с чеченцами в XVI–XVIII вв. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2018. – № 4 (41). – С. 20–25.
3. Хаидов И. М. Из истории взаимоотношений терских казаков с соседними народами в первой половине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2018. – № 4 (41). – С. 57–60.
4. Кортуннов А. И., Годовава Е. В. Земельные споры между киргиз-кайсаками и оренбургскими казаками в Новолинейном районе Оренбургской губернии на протяжении второй половины XIX в. // Вопросы истории. – 2020. – № 10–1. – С. 212–219. DOI: 10.31166/VoprosyIstori202010Statyi15.
5. Сень Д. В. Русско-крымско-османское пограничье: пространство, явления, люди (конец XVII–XVIII в.). Избранные труды / отв. ред. В. В. Трепавлов. Ростов-на-Дону: Альгаир, 2020. 420 с.
6. Записки Н. В. Агапова: из походной жизни оренбургских казаков. Научная публикация и исследование текста / сост.: И. А. Филиппова, Е. В. Годовава, С. А. Моисеева. Оренбург, 2013. 368 с.
7. Оренбургский листок. – 1891. – 7 июля. – № 28.
8. Бухарин Н. К. Очерки прилинейной жизни Оренбургских казаков. Хивинка. Оренбург, 1892. 42 с.

9. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Репринтное издание. Оренбург: «Печатный дом Димур», 2012. Т. 1. 164 с.

10. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Репринтное издание. Оренбург: «Печатный дом Димур», 2013. Т. 2. 164 с.

The story of N. K. Bukharin "Essays on the linear life of the Orenburg Cossacks. Khivinka" as a historical source about the everyday life of the Cossacks of the South Ural frontier in the mid-19th century

Elena V. Godovova

The article presents an overview of the story of the military foreman of the Orenburg Cossack army N.K. Bukharin "Essays on the linear life of the Orenburg Cossacks. Khivinka", published in 1892. While holding the position of an archivist of the Military Economic Board for some time, he received permission to travel around the army in order to inspect the archives of the village administrations and collect household traditions of the Cossacks. The essay "Khivinka" describes the plight of the Orenburg Cossack Akulina Grigorievna Stepanova, who was captured around 1835 and released six years later. This story is very emotional, because N. K. Bukharin wrote it down practically under the dictation of the narrator herself. The source value of the essay "Khivinka" lies in the fact that it reveals the most important aspect of the everyday life of the Cossacks of the South Ural frontier of the mid-19th century – the features of the relationship that developed between the Orenburg Cossacks bordering each other and the Kazakh population, life in the Kyrgyz and Khiva captivity. Attention is drawn to the conclusions reached by N. K. Bukharin at the end of the story. He writes about how a whole generation of Cossacks, witnesses of the heroic era of frontier life, leaves, taking with them the memory of past events and "the moral code, cast, life of this steel, hardened generation disappears without inspiring future posterity"

Key words: N. K. Bukharin, South Ural frontier, everyday life, Orenburg Cossacks, Cossack woman.

For citation: Godovova, E. V. (2023) Rasskaz N. K. Buharina "Ocherki prilineznoj zhizni orenburgskih kazakov. Hivinka" kak istoricheskij istochnik o povsednevnoj zhizni kazakov yuzhnoural'skogo frontira sere diny XIX veka [The story of N. K. Bukharin "Essays on the linear life of the Orenburg Cossacks. Khivinka" as a historical source about the everyday life of the Cossacks of the South Ural frontier in the mid-19th century]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 144–152. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_144

References

1. Godovova, E. V. (2017) *Orenburgskoe kazach'e vojsko i Kazahskaya step': osobennosti vzaimootnoshenij vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX vv.* [The Orenburg Cossack army and the Kazakh steppe: features of relations in the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries] // *Voprosy istorii Sibiri. Omsk* [Questions of the history of Siberia. Omsk]. Pp. 21–25. (In Russ.)
2. Chekulaev, N. D. (2018) *O vzaimootnoshenii rossijskogo kazachestva s chechencami v XVI–XVIII vv.* [On the relationship of the Russian Cossacks with the Chechens in the 16th – 18th centuries] // *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. No. 4 (41). Pp. 20–25. (In Russ.)
3. Haidov, I. M. (2018) *Iz istorii vzaimootnoshenij terskih kazakov s sosednimi narodami v pervoj polovine XIX v.* [From the history of the relationship of the Terek Cossacks with neighboring peoples in the first half of the nineteenth century] // *Vestnik Akademii nauk Chechenskoj Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic]. No. 4 (41). Pp. 57–60. (In Russ.)
4. Kortunov, A. I., Godovova, E. V. (2020) *Zemel'nye spory mezhdru kirgiz-kajsakami i orenburgskimi kazakami v Novolinejnom rajone Orenburgskoj gubernii na protyazhenii vtoroj poloviny XIX v.* [Land disputes between the Kirgiz-Kaisaks and the Orenburg Cossacks in the Novolineiny district of the Orenburg province during the second half of the 19th century] // *Voprosy istorii* [Questions of history] No. 10–1. Pp. 212–219. (In Russ.)
5. Sen, D. V. (2020) *Russko-krymsko-osmanskoe pogranič'e: prostranstvo, yavleniya, lyudi (konec XVII–XVIII v.). Izbrannye trudy / Otv. red. V. V. Trepavlov* [Russian-Crimean-Ottoman borderlands: space, phenomena, people (end of the 17th – 18th centuries) Selected works / Ed. V. V. Trepavlov]. Rostov-on-Don: Al'tair. (In Russ.)
6. Filippova, I. A., Godovova, E. V., Moiseeva, S. A. (2013) (eds.) *Zapiski N. V. Agapova: iz pohodnoj zhizni orenburgskih kazakov. Nauchnaya publikaciya i issledovanie teksta* [Notes by N. V. Agapova: From the camping life of the Orenburg Cossacks. Scientific publication and study of the text]. Orenburg. (In Russ.)
7. *Orenburgskij listok* (1891) [Orenburg sheet]. 7 July. No. 28. (In Russ.)
8. Buharin, N. K. (1892) *Očerki prilinejnoj zhizni Orenburgskij kazakov. Hivinka* [Essays on the linear life of the Orenburg Cossacks. Khivinka]. Orenburg. (In Russ.)
9. *Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniyu Orenburgskogo kazach'ego vojska. Reprintnoe izdanie* (2012) [Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack army]. Orenburg: Pechatnyj dom Dimur. Vol. 1. (In Russ.)
10. *Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniyu Orenburgskogo kazach'ego vojska. Reprintnoe izdanie* (2013) [Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack army]. Orenburg: Pechatnyj dom Dimur. Vol. 2. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 20.02.2023

Одобрена после рецензирования 10.03.2023

Принята к публикации 19.03.2023

«...Я начинаю опасаться, как бы и из меня не образовался из учителя чиновник». Письма С. П. Кривцова к И. Д. Попко (1874–1875)

И. Г. Иванцов, И. В. Дубинин

Среди друзей и знакомых историка, этнографа, просветителя, писателя и библиофила, краеведа Ивана Диомидовича Попко, автора статей по истории казачества, написавшего и опубликовавшего две книги «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту» и «Терские казаки с стародавних времен», было много известных людей: военачальник, государственный деятель, министр внутренних дел и писатель М. Т. Лорис-Меликов, известный ученый, нумизмат, археолог и писатель И. А. Бартоломей и др. Были персонажи регионального уровня, например, начальник Кубанской области Н. Н. Кармалин, исполняющий обязанности наказного атамана Терского казачьего войска Е. К. Юрковский. Но были и иные друзья и знакомые, информация о которых дошла до нас в крайне скудном виде. В основном это представители казачьей или станичной интеллигенции. Одним из таких людей был Савва Прокофьевич Кривцов, учитель Кубанской войсковой гимназии, который состоял в переписке с И. Д. Попко. Материалы переписки дают возможность увидеть бюрократическую «кухню» провинциальной имперской России. Даже для решения столь небольшого вопроса, как перевод учителя на новое место работы, заинтересованному лицу пришлось использовать все свои связи, обращаться ко всем известным ему «уважаемым лицам», одним из которых был знаменитый краевед.

Ключевые слова: дружба, г. Ейск, климатические особенности, письма, С. П. Кривцов, семейные обстоятельства.

Для цитирования: Иванцов И. Г., Дубинин И. В. «...Я начинаю опасаться, как бы и из меня не образовался из учителя чиновник». Письма С. П. Кривцова к И. Д. Попко (1874–1875) // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 153–167. DOI 10.35231/25422375_2023_2_153

Введение

Частная жизнь людей, которые принадлежали к давно ушедшим в лету поколениям населения России, вызывает у современного исторического сообщества с каждым годом все больший интерес, что стимулирует усиление исследовательского внимания к различным проблемам в рамках истории повседневности. В научный оборот вводятся все новые источники, в числе которых личные дневники, мемуары, и, наконец, личные письма людей, принадлежавших к разным социальным strатам Российской империи последней трети XIX в. Вводимые в научный оборот новые источники и документы дают возможность более полно изучить бытовые практики и поведенческую психологию людей позапрошлого века.

Частная переписка, как объект исторического исследования, встречается гораздо реже, чем переписка официальная, служебная, деловая. Но именно она, переписка, имеющая личный характер, дает нам детальное представление о внутрисемейных и межличностных отношениях в разных социальных группах. К сожалению, количество источников личного происхождения, оставленных после себя жителями Северного Кавказа последней трети XIX в. и дошедшее до нас, незначительно. Во многом причиной тому стало сложившееся во время Гражданской войны в России положение острого социального и гражданского противостояния, способствовавшее утере, случайному и сознательному массовому уничтожению дневниковых записей и личной, хранимой в семьях переписки.

Тем ценнее для нас те письма и документы личного происхождения, которые выявляются исследователями в архивохранилищах.

Статья посвящена некоторым событиям из личной жизни генерал-лейтенанта Кубанского казачьего войска И. Д. Попко, отраженным в его личной переписке с Саввой Прокофьевичем Кривцовым, учителем Кубанской войсковой гимназии. Содержание его писем с описанием мытарств на пути поиска новой служебной должности и в целом информация, которую можно подчерпнуть из их переписки, позволяет более ярко осветить малоизвестные грани жизни прославленного летописца казачества.

Творческая и личная жизнь героя статьи изучалась и ранее. Тем или иным сторонам жизни генерала посвящен ряд работ

кавказских исследователей. Среди них необходимо упомянуть публикацию С. В. Фарфоровского, который в числе первых в начале прошлого века изучил, систематизировал и опубликовал биографию историка [1].

Подробные и малоизвестные биографические факты из жизни Попко были изучены Б. А. Трехбратовым [2]. Сведения о личной библиотеке И. Д. Попко, биографические исследования его творческой жизни публиковал А. И. Слуцкий [3].

Научно-историческим изысканиям летописца кавказского, кубанского и терского казачества, сведениям об архивных источниках по изучению Северного Кавказа российскими офицерами в период Кавказской войны посвящены статьи Т. А. Колосовской [4; 5].

Результаты

В Государственном архиве Ставропольского края (фонд 377) хранятся четыре письма учителя Кубанской войсковой гимназии Саввы Прокофьевича Кривцова, отправленные из Ейска¹ в Ставрополь на имя И. Д. Попко. Информации об этом человеке очень мало, можно сказать, что, кроме этих посланий, упоминаний о его месте службы в «Кавказском календаре» и короткой информации в «Кубанских областных ведомостях» (№ 6, 1868) о том, что он «кандидат Московского университета» и прочел первые в Кубанской области публичные лекции «по общепонятной астрономии», о нем больше ничего не известно.

Тем больший интерес представляют его письма, дающие нам еще некоторую информацию о личной жизни давно исчезнувшего во времени человека. Кроме всего прочего, нужно учитывать, что Иван Диомидович заводил знакомства и дружил только с интересными ему людьми. Помогал он многим, но связать себя близкими отношениями мог далеко не с каждым из своего окружения.

В письме от 30 мая 1875 г. Савва Прокофьевич писал Ивану Диомидовичу, что «21 мая у нас совершилось приращение семьи новым членом Глебом» и далее продолжает: «Мы сожалеем, что не знаем Вашего взгляда на кумовство, т. е. вообще Вы, может быть, имеете что-нибудь против этого. Если нет, то нам было бы очень приятно возвести Вас в звание кума. Для права

¹ Ейск – город на южном берегу Таганрогского залива в Краснодарском крае. Основан в 1848 г. как портовый город.

пользоваться подобным титулом от Вас потребуются только согласие, а при священном акте крещения вместо вас фигурировать может Борис, если Вы дадите ему верительные грамоты заступать Ваше место и представлять вас при священнодействии Крещения будет совершаться около половины июня» [6, л. 55 об. 56]. А через месяц, 1 июля, он сообщил историку, что очень благодарен «за ваше согласие покумиться с Вами» и «сие состоялось 17 июня в 6 ч. вечера» [6, л. 57].

К сожалению, как познакомились Иван Диомидович и Савва Прокофьевич, доподлинно не известно. Возможно, их познакомил Василий Дмитриевич Терзиев, директор дирекции училищ Кубанской области, непосредственный начальник преподавателя математики и физики и друг историка.

Укреплению дружбы историка и учителя способствовало и то, что И. Д. Попко иногда посещал портовый город. Недалеко от Ейска, в окрестностях станицы Новошербиновской¹, на левом берегу реки Ясени² находилось его поместье.

В 1857 г. в Екатеринодаре произошли драматические события. Сгорело деревянное здание, в котором находилась Кубанская войсковая гимназия. Образовательное учреждение переехали из одного здания в другое, но ни одно из них не подходило для ее нужд. Поэтому в 1861 г. она вынужденно была переведена в Ейск. В 1872 г. в войсковой столице началось строительство нового здания. После его окончания в 1877 г. гимназия вернулась обратно в Екатеринодар.

В портовом городе Ейске, в отличие от Екатеринодара, климат был более здоровым и сухим, поэтому многие жители Кубанской области и приезжие из других регионов Российской империи предпочитали его для постоянного местожительства. Иван Диомидович очень страдал от ужасной екатеринодарской погоды, выражалось это в постоянных лихорадках и других болезнях, непролазной грязи осенью и весной, о чем можно часто прочесть в его письмах к родным и друзьям. В посланиях к другу Василию Федоровичу Золотаренко он писал, что думает «купить домик в Ейске и там гулять по бульвару, который недурен. Ейск для житья предпочитается Екатеринодару в 1-х потому что там здоровый климат, во 2-х море,

¹ Станица Новошербиновская находится в Щербиновском районе Краснодарского края. Расположена на правом берегу степной речки Ясени. До революции входила в Ейский отдел Кубанской области.

² Река Ясень протекает на северо-западе Краснодарского края.

пароходство и близость цивилизованного мира, в 3-х что там есть промышленная жизнь и стало быть, не совсем ленивый человек может найти себе занятие. Там же недалеко и генеральская земля – она может дать занятие... Бude сказанный проект осуществится, приглашаю в свою коллекцию и обанкрутившегося на больших процентах штатского советника. Заведем нотариальную контору или приедем к дверям вывеску: здесь живут адвокаты, поощряющие к сутяжничеству истцов и ответчиков и в одно время сочиняющие тем и другим всевозможные кляузы. В самом деле, если Вы думаете бросить службу изучайте заблаговременно судебные уставы и адвокатскую казуистику. Практика по этой части даст хлеб в этой местности» [7, л. 222 об.–223].

Савву Прокофьевича тоже коснулась эта проблема: не он лично, но его жена страдала слабым здоровьем. Начал он свою преподавательскую деятельность в Кубанской области в начале 70-х гг. XIX в. в тот период, когда гимназия находилась в портовом городе. По делам службы он довольно часто бывал в столице Кубанской области, поэтому на личном опыте мог убедиться в непредсказуемости здешнего климата.

Первое письмо датировано 2 июля 1874 г. Начинается послание с сетования С. П. Кривцова на то, что «Я теперь Strolwittwer и вместе с тем президент республики коммуносоциале-радикале и т.д. (...), олицетворяемых Борисом, Татьяной и Катериной: жена уехала в Чокрак лечиться от ревматических страданий. Стало быть, в продолжении этих каникул из Ейска я ни шагу. Вообще, я не нахожу, чтобы нельзя было лучше провести каникулы, особенно приняв во внимание прошлогодние, когда пред моими глазами, как в панораме, мелькали Вена, Мюнхен и т.д.» [6, л. 29].

В восточной части Крыма, на севере Керченского полуострова, находится небольшое Чокракское соленое озеро, являвшееся в XIX в. популярным курортным местом отдыха жителей Черномории. Водоем отделен от Азовского моря узкой пересыпью, рядом находятся песчаные пляжи. Питается он морской водой и подземными сероводородными источниками. Его рапа и грязь являются лечебными и помогают при заболеваниях, связанных с урологией, гинекологией и проблемами опорно-двигательной и нервной систем.

Далее Савва Прокофьевич писал, что «в Ейске есть медик Лонгинов, который переписывается с членами Южно-русского географического общества. Последние спрашивают его, куда следует обратиться, чтобы добыть сведений о том, чем хвасталась Кубанская область на Московской политехнической выставке.

Так как Лонгинову известно, что в Кубанском комитете по выставке председательствовали Вы, то он поручил мне обратиться к Вам с покорнейшею просьбой о том, где хранятся дела бывшего комитета по выставке и каков должен быть тот прием, который дал бы в результате желаемое т.е. к какому лицу или месту следует обратиться за получением вышеупомянутых сведений об участии Кубанской области в Московской политехнической выставке, так как географическое общество желает составить статистику всех мест, где обитают сыны славных днепровских отцов» [6, л. 29–29 об.]

Неизвестно как был связан с Кавказским отделом Императорского русского географического общества лекарь больницы благородного пансиона при Кубанской войсковой гимназии Алексей Михайлович Лонгинов, но именно он оказался невольным посредником между И. Д. Попко и одним из влиятельнейших научных обществ России XIX в., в задачи которого входил сбор и распространении различных сведений о Кавказе.

Иван Диомидович принимал активное и деятельное участие в подготовке кавказского отдела Московской политехнической выставки в 1872 г. По распоряжению наказного атамана Кубанского казачьего войска Н. Н. Кармалина при штабе был создан специальный комитет для подготовки материалов, относящихся к казакам-черноморцам. В него вошли многие известные люди своего времени во главе с И. Д. Попко. В 1872 г. в Екатеринодаре вышла небольшая книга историка «Исторические и биографические очерки. К фотографическим снимкам и картинам, предоставленным от Кубанского казачьего войска на Московскую Политехническую выставку 1872 г.» [8]. Кроме этого, в государственном архиве Ставропольского края в фонде 377 хранится дело № 26 «Исторические и биографические очерки И. Д. Попко к фотодокументам и картинам, представленным от кубанского казачьего войска на Московскую политехническую выставку 30 мая 1872 г.» [9], посвященные сбору материала к этой выставке.

И. Д. Попко всю свою сознательную жизнь вынашивал идею о написании истории кавказских казаков. В докладной записке начальнику окружного штаба Кавказской армии Александру Павловичу Свистунову он писал: «С давнего времени я неуклонно преследую мысли составить военно-историческое описание своего края и войска, в такой полноте, чтобы труд мой мог послужить со временем существенным пособием для историографа Кавказской войны. Конечно, кто будет призван исполнить эту обширную историографическую задачу, тому придется много говорить о казаках и исторической роли их на дзешней окраине русского государства...» [10, л. 23]

Время для воплощения мечты в жизнь наступило, когда Псекупский конный полк в 1871 г., командиром которого он был, расформировали, и Иван Диомидович был назначен состоящим по Кубанскому казачьему войску. Он писал своему другу Василию Федоровичу Золотаренко: «В нашем муравейнике новый год начался введением нового положения и новыми назначениями, в числе которых на мою долю не выпало ничего. Да это и не слишком меня огорчает, – устал, умаялся, чувствую потребность отдыха...» [7, л. 184].

Новая должность послужила своеобразным трамплином для воплощения мечты в жизнь. С помощью близких друзей и при поддержке некоторых высокопоставленных персон, в частности наместника императора на Кавказе, великого князя Михаила Николаевича, Иван Диомидович смог добиться ее реализации.

19 марта 1874 г. от А. П. Свистунова на имя начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска Николая Николаевича Кармалина пришел отзыв, в котором говорилось, что «Государь Император Высочайше изволил: состоящего по Кубанскому казачьему войску, генерал-майора Попко назначить состоять при Кавказской армии, с оставлением по тому же войску и с производством ему от казны жалованья по чину из усиленного оклада...» [10, л. 65].

От большинства знакомых историк эту идею до поры до времени скрывал или просто не озвучивал ее вслух. Судя по всему, С. П. Кривцов не входил в ближайший круг общения Ивана Диомидовича, потому что последние строки письма звучат легким упреком.

В конце июня – начале июля 1874 г. в Ейске гостил друг бурной юности Ивана Диомидовича, Василий Федорович Шапов, который, будучи в гостях у учителя математики, поведал тому, «что занятия Ваши при наместнике примут не то назначение, о котором Вы мне сообщали» [6, л. 30].

По мере приближения времени переезда гимназии обратно в Екатеринодар Савва Прокофьевич стал активно искать новое место работы и возможность переезда в более благоприятный по климату населенный пункт из-за слабого здоровья жены.

Узнав, что в Владикавказском реальном училище появилась вакансия учителя математики, он без промедления написал письма на имя его директора Николая Васильевича Стоянова и попечителя Кавказского учебного округа Януария Михайловича Неверова, надеясь на быстрое и положительное решение. Но колеса бюрократической машины завертелись, и он получил не вполне устраивающий его ответ.

В письме от 5 мая 1875 г. Савва Прокофьевич сообщал, что «получил от г. Стоянова отношение следующего содержания: "У меня Ваше заявление о решении перевестись на службу на должность учителя математики во Владикавказское реальное училище"».

«Вследствие письма моего г. Попечителю Кубанского учебного округа изволил отозваться, что он согласен на Ваше перемещение, но с одним условием, что бы одновременно была занята и должность, в которой Вы в настоящее время состоите».

«Поэтому, если есть в виду лицо, могущее занять Вашу настоящую учительскую должность, покорнейше прошу Вас о том меня поскорее уведомить».

Далее он с возмущением писал, что нарочно отправил переписанный им отрывок из ответа чиновника, жалуясь, что «Неверов и Стоянов думают, что лица, желающие занять место учителя в Кавказском учебном округе обращаются ко мне с своими просьбами, и вот я могу на них указывать; или мой пост так важен и доверие ко мне так велико, что только по моему указанию может быть назначен мне приемник, подобно тому, как говорят, Государь Император назначил приемника в наместники Кавказские Фельдмаршалу Барятинскому по выбору сего последнего. Может быть есть и третье объяснение, но мне оно не приходит в голову: мне еще не случилось слышать, чтобы

у чиновника, стоящего не Бог знает на какой высокой ступени бюрократической лестницы, при перемещении его на тождественную вакантную должность, спрашивали у него указание на приемника ему. Если в Кубанской гимназии нужен учитель, то ведь одинаково нужен и во Владикавказское реальное училище. Уж не следует ли мне напечатать вызова в столичных ведомостях» [6, л. 52–53 об.].

Изложив эту непонятную для него ситуацию, он просил совета Ивана Диомидовича и добавлял: «А до получения от Вас наставления я решительно не знаю, за что приняться и, должно быть, ни за что не приймусь» [6, л. 54].

Вторым по значимости человеком в администрации Кавказского учебного округа после попечителя был инспектор Феодосий Дмитриевич Илляшенко. С. П. Кривцов сообщал И. Д. Попко, что инспектор Кубанской войсковой гимназии Николай Васильевич Костылев 22 апреля этого года получил письмо от Я. М. Неверова, в котором попечитель писал, что в конце апреля – начале мая в Кубанскую область с ревизией приедет окружной инспектор (Ф. Д. Илляшенко) и тут же едко замечал: «Терзиев лечит теперь в Питере свой седалищный нерв, вследствие страдания которого Терзиев управлял более четырех месяцев дирекцией и гимназией, ни разу не спускаясь вниз, в гимназию» [6, л. 54].

Из своего небольшого опыта работы в Кубанской войсковой гимназии, видя, как формально относятся к своему делу и обязанностям вышестоящие по должности, начиная с В. Д. Терзиева, и примеряя все происходящее на себя, он делал неутешительный вывод, актуальный и сегодня: «Строй заведения, где господствует вообще (...) равнодушие к ходу дела, сильно мне уже прискучил и я начинаю опасаться, как бы и из меня не образовался из учителя чиновник, выжидающий первого числа для получения жалованья.

Преподавание без живого участия снотворное преподавание – на себе, как на ученике испытывал – и страшно становится потерять это участие, а я начинаю понимать, что его потерять можно!...» [6, л. 54–54 об.].

Менее чем через месяц, 30 мая, последовала новое послание в Ставрополь, в котором Савва Прокофьевич сообщал Ивану Диомидовичу, что Ф. Д. Илляшенко бы в Ейске, и он имел

с ним беседу о своей дальнейшей судьбе. «Он уже изумился, предложенному для моего перевода во Владикавказ условию, sineqnanon¹ – заметив, что в Тифлисе при нем мой перевод был решен безусловно. Так как, кроме предстоящей вакансии в Кубанской гимназии, таковые имеются и в некоторых иных местах Кавказского учебного округа, то он предлагает Попечителю просить г. Стоянова в его будущей летней поездке в университетские города приискать нескольких математиков для округа и не подчинять моего перевода никаким условиям» [6, л. 55].

И с удовольствием рапортовал: «Речь он закончил уверением, что мой перевод во всяком случае состоится к началу будущего академического года. На каникулах за выездом Попечителя, округом будет управлять Ф. Д. (Илляшенко)» [6, л. 55 об.].

Перед отъездом инспектор Кавказского учебного округа посоветовал учителю математики еще раз обратиться к директору Владикавказского реального училища. Поэтому Савва Прокофьевич уведомлял Ивана Диомидовича: «Так должен был я отвечать Стоянову, что я уже и сделал» [6, л. 55 об.].

У Феодосия Дмитриевича был родной брат Александр, который служил правителем канцелярии Кавказского учебного округа. Поэтому С. П. Кривцов для подстраховки «написал в Тифлис... А. Д. Илляшенко, прося его напомнить своему брату о его обещании в Ейске на счет моего перевода» [6, л. 55 об.]. О чем и сообщил И. Д. Попко в конце послания.

Около месяца ожидания прошли даром. Ответ пришел, но совсем не такой, какого он ожидал. «Я получил от правления попечительской канцелярии письмо, которое повергло нас в немалое уныние» [6, л. 57]. Так начинается четвертое и последнее из дошедших до настоящего времени писем С. П. Кривцова, датированное 1 июля 1875 г.

Савва Прокофьевич ожидал получить конкретный ответ на свой четко поставленный вопрос: возможен ли его перевод из Кубанской войсковой гимназии во Владикавказское реальное училище, но получил типичную бюрократическую отписку. «Он (А. Д. Илляшенко) даже не пишет, исполнил ли он мою просьбу, т. е. говорил ли он с своим братом о моем переводе (я единственно только об этом и просил его), а пишет, что хотя

¹ Sineqnanon (лат.) – латинское выражение, обозначающее необходимое условие. Первоначально это был латинский юридический термин, означающий «условие, без которого это не могло бы быть», или «кроме ...», или «без которого нет ничего».

перевод зависит от Попечителя, но следует просить об этом того директора, где я служу, т.е. Терзиева иначе, по его мнению действовать неудобно и – больше ничего. Ф. Д. Илляшенко находил пути, избранного мною неправильным и положительно уверил меня, что мой перевод дело решенное и сказал тоже самое нашему инспектору...: А теперь какой оборот» [6, л. 57–57 об.].

Далее он делился с историком планами на свои дальнейшие действия в осуществлении планов по смене места работы и спасению жены. «А время уходит, каникулы окончатся и опять среди года нельзя! Я думаю, А. Ф. Илляшенко пишет не без ведома своего брата. Обыкновенно просят того, к кому желают поступить, а не того, от кого желают уйти, – да я и не давал никому обязательства служить в Кубанской гимназии и еще граф Сумароков уведомлял Попечителя, что я могу служить всюду в Кавказском учебном округе, но я не унимаюсь. Вместе с тем пишу письма к Неверову и Терзиеву в Пятигорск, Ф. Дм. Илляшенко в Тифлис и Стоянову во Владикавказ прося всех устроить мой перевод».

Трудно сказать, в каких отношениях были С. П. Кривцов и В. Д. Терзиев, вероятно, было между ними какое-то недопонимание, потому что учитель математики делился опасениями с И. Д. Попко: «теперь, впрочем, надежды мало, потому что Терзиев скорее будет действовать против меня хотя бы для того чтоб показать мне, что он все-таки кое-что может мне учинить» и жалуется, что «от Н. В. Стоянова никаких вестей» [6, л. 57 об.–58].

Кроме того, знакомый и коллега Саввы Прокофьевича Иван Трофимович Горошко сообщил тому, что тоже претендует на последнее вакантное место учителя математики во Владикавказском реальном училище и обладает преимуществом, потому что уже уволился из Пятигорской классической прогимназии.

Но, не оставляя надежды на лучшее, С. П. Кривцов писал Ивану Диомидовичу, что «в своих письмах ко властям я игнорирую это обстоятельство так как никто об этом не намекает мне, и спорное место считается с моей стороны будто вакантным» [6, л. 58].

Понимая, что дело с переводом может затянуться на неопределенное время и что от него уже мало что зависит, он в каче-

стве последнего варианта, пытаюсь заручиться поддержкой историка, имеющего репутацию образованного и благородного человека, писал в Ставрополь: «Если бы я не боялся подвергнуть Вас неприятности получить отказ в Вашем ходатайстве, то я попросил бы Вас взять на себя труд и написать Ф. Д. Иллященко, примерно хотя бы во смысле Вашего полного убеждения во моем переводе, так как он и Вам и мне и другим подтверждал это. Если это не грозит Вам неприятностью, то Вы сделаете большое для меня одолжение». И в качестве последнего аргумента снова ссылался на слабое здоровье жены: «Ехать мне в Екатеринодар значит, почти, наверное, скоро лишиться жены и остаться с четырьмя сиротами, потому что при ее необыкновенной хилости, вряд ли она выдержит екатеринодарский климат» [6, л. 58–58 об.].

Трудно сказать, какова была роль Ивана Диомидовича Попко в деле переезда семьи учителя математики в город с более здоровым климатом, но на первой странице письма, в его начале, есть приписка, сделанная его рукой: «Написано 7 июля Феодосию Дмитриевичу Иллященко и того же числа отвечено» [6, л. 57].

И. Д. Попко 7 июля 1875 г. написал письмо инспектору Кавказского учебного округа. Что было написано в данном послании, мы вряд ли узнаем, да и само письмо скорее всего не дошло до наших дней – такова судьба многих личных документов. Но, скорее всего, оно сыграло определенную роль в судьбе С. П. Кривцова и его семьи, потому что в 1877 г. Савва Прокофьевич Кривцов и, кстати, Иван Трофимович Горошко тоже были переведены учителями математики во Владикавказское реальное училище. До 1888 г. С. П. Кривцов преподавал математику и физику в столице Терского казачьего войска. Последнее несколько лет он входил в педагогический совет и обучал своим наукам учениц Владикавказской Ольгинской женской гимназии.

Обсуждения и выводы

Личная переписка, конечно же, является особым видом исторических источников. Она дает редкие, порой даже уникальные сведения о личности (или личностях) участников переписки, горестях, радостях и проблемах повседневной жизни ее участников.

Письма, в свое время написанные адресату и уцелевшие на протяжении полутора сотен лет, позволяют реконструировать взаимоотношения участников переписки, поскольку взаимное общение с помощью письменного слова позволяет увидеть психологические особенности, характер их взаимоотношений.

Нередко личные письма выступали как способ заручиться протекцией, без которой решение даже самого простого, но важного для просителя вопроса было невозможно.

Можно изучать повседневную историю по письмам и документам известных исторических персонажей, но, делая акцент на эту часть личных документов, мы упускаем важную сторону жизни – бытие простых людей. Чем и как они жили, «чем дышали» в XIX в. в России или в Кубанской области в частности.

Из таких посланий неприметных личностей складывается летопись повседневной жизни большинства жителей региона. Изучая их, мы можем более досконально и подробно понять, что происходило на Кубани в последней трети XIX в.

Список литературы

1. Фарфоровский С. В. Биографические сведения о И. Д. Попко // Русский архив. – 1910. – № 1. – С. 93–95.
2. Трехбратов Б. А. Чтобы память была долгой и доброй: общий обзор биографии писателя, историка и воина // Судьба кубанского офицера в контексте общей истории края. – Краснодар: Традиция, 2021. – С. 10–41.
3. Слущкий А. И. Рукопись И. П. Максимова «к биографии Ивана Диомидовича Попко» // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар: КГУКИ, 2011. – № 4 (42) – С. 123–126.
4. Колосовская Т. А. Архивные источники об изучении Северного Кавказа российскими офицерами в период Кавказской войны // Вестник архивиста. – 2017. – № 2. – С. 10–24.
5. Колосовская Т. А. «Пока архивы не сделались добычей пожара или тления». Историко-исследовательская деятельность генерал-лейтенанта И. Д. Попко // Военно-исторический журнал. 2014. – № 4 – С. 53–58.
6. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 377. Оп. 1. Д. 19.
7. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 7.
8. Попко. (И.) Исторические и биографические очерки. К фотографическим снимкам и картинам, предоставленным от Кубанского казачьего войска на Московскую Политехническую выставку 1872. (Описание войсковых знамен и регалий, боевого снаряжения и типов Черноморских казаков в исходе XVIII и в начале XIX ст., форма обмундирования и снаряжения офицеров и нижних чинов Кубанского войска; 17 биографий. Екатеринодар, 1872.

9. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 26.

10. ГАСК. Ф. 377. Оп. 1. Д. 28.

«... I am beginning to fear that an official might be formed from a teacher out of me».

Letters of S. P. Krivtsov to I. D. Popko (1874–1875)

Igor G. Ivantsov, Igor V. Dubinin

Among the friends and acquaintances of the historian, ethnographer, enlightener, writer and bibliophile, local historian Ivan Diomidovich Popko, the author of articles on the Cossacks history, who wrote and published two books "Black Sea Cossacks in their civil and military everyday life" and "Terek Cossacks since old times" there were a lot of well-known people – military leader, statesman, Minister of the Interior and writer M. T. Loris-Melikov, famous scientist, numismatist, archaeologist and writer I. A. Bartolomey and others. There were regional characters, for example, the head of the Kuban region N. N. Karmalin, acting ataman of the Terek Cossack army E. K. Yurkovsky. But there were other friends and acquaintances, the information about which came to us in extremely scarce. These were mainly representatives of the Cossack or Stanichnaya Intelligentsia. One of these people was Savva Prokofievich Krivtsov, a teacher at the Kuban Military Gymnasium, who corresponded with I. D. Popko.

Correspondence materials provide an opportunity to see the bureaucratic "kitchen" of provincial Imperial Russia. Even to solve such a small issue as transfer of a teacher to a new job, the person concerned had to use all his connections, contact all the "respectable persons" known to him, one of whom was a famous local historian.

Key words: friendship, the city of Yeysk, climatic features, letters, S. P. Krivtsov, family circumstances.

For citation: Ivantsov, I. G., Dubinin, I. V. (2023). "...Ja nachinaju opasat'sja, kak by i iz menja ne obrazovalsja iz uchitelja chinovnik". Pis'ma S. P. Krivcova k I. D. Popko (1874–1875) ["... I am beginning to fear that an official might be formed from a teacher out of me". Letters of S. P. Krivtsov to I. D. Popko (1874–1875)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 153–167. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_153

References

1. Farforovskij, S. V. (1910) *Biograficheskie svedeniya o I. D. Popko* [Biographical information about I. D. Popko] // *Russian archive*. Moscow: Synodal printing house. No. 1. Pp. 93–95. (In Russ.)
2. Trekhbratov, B. A. (2021) *Chtoby pamyat' byla dolgoj i dobroj: obshchij obzor biografii pisatelya, istorika i voina. [So that the memory is long and kind: a general review of the biography of the writer, historian and warrior] / Sud'ba kubanskogo oficera v kontekste obshchej istorii kraja* [The fate of the Kuban officer in the context of the general history of the region]. Krasnodar: Tradition. Pp. 10–41. (In Russ.)
3. Sluckij, A. I. (2011) *Rukopis' I. P. Maksimova "k biografii Ivana Diomidovicha Popko"* [Manuscript of I. P. Maksimov "To the biography of Ivan Diomidovich Popko"] / *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the south of Russia]. Krasnodar: KSUKI. No. 4 (42). Pp. 123–126. (In Russ.)
4. Kolosovskaya, T. A. (2017) *Arhivnye istochniki ob izuchenii Severnogo Kavkaza rossijskimi oficerami v period Kavkazskoj vojny* [Archival sources on the study of the North Caucasus by Russian officers during the Caucasian War] // *Vestnik arhivista* [Archivist's Bulletin]. No. 2. Pp. 10–24. (In Russ.)
5. Kolosovskaya, T. A. (2014) *"Poka arhivy ne sdelalis' dobychej pozhara ili tleniya". Istoriko-issledovatel'skaya deyatel'nost' general-lejtenanta I. D. Popko* ["Until the archives have become the prey of a fire or smoldering". Historical and research activities of Lieutenant General I. D. Popko] / *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military History Journal]. Moscow. No. 4. Pp. 53–58. (In Russ.)
6. *Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja* [State Archive of the Stavropol Territory] (GASK). F. 377. Op. 1. D. 19.
7. GASK. F. 377. Op. 1. D. 7.
8. Popko, (I.) (1872) *Istoricheskie i biograficheskie ocherki. K fotograficheskim snimkam i kartinam, predstavlenным ot Kubanskogo kazach'ego vojska na Moskovskuyu Politehnicheskuyu vystavku 1872. (Opisanie vojskovykh znamen i regalij, boevogo snaryazheniya i tipov Chernomorskih kazakov v iskhode XVIII i v nachale XIX st., forma obmundirovaniya i snaryazheniya oficerov i nizhnih chinov Kubanskogo vojska; 17 biografij.* [Historical and biographical essays. To the photographs and paintings provided by the Kuban Cossack Army at the Moscow Polytechnic Exhibition in 1872. (Description of military banners and regalia, combat equipment and types of Black Sea Cossacks in the exodus of the XVIII and early XIX centuries, uniforms and equipment of officers and lower ranks of the Kuban army; 17 biographies]. Ekaterinodar. (In Russ.)
9. GASK. F. 377. Op. 1. D. 26.
10. GASK. F. 52. Op. 1. D. 28.

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution
50/50 %

Статья поступила в редакцию 06.01.2023
Одобрена после рецензирования 20.02.2023
Принята к публикации 01.03.2023

Александр Николаевич Слепков: подававший надежды, но несостоявшийся историк

Е. В. Никуленкова

В статье рассматривается биография Александра Николаевича Слепкова (1899–1937). Он известен прежде всего своей политической деятельностью, работой во многих партийных изданиях, в том числе редколлегии газет «Правда» и «Комсомольская правда», журналов «Спутник коммуниста» и «Большевик». Являясь представителем «бухаринской школы», он разделял взгляды Н. И. Бухарина, поддерживал его во внутрипартийной борьбе, в том числе с Л. Д. Троцким. После разгрома в партии «правого уклона» А. Н. Слепков, как и другие сторонники Н. И. Бухарина, лишился своих постов, был репрессирован по делу «бухаринской школы» в 1933 г., а в эпоху «большого террора» расстрелян. В то же время Александр Николаевич был любимым учеником историка М. Н. Покровского, с которым тот связывал будущее марксистской исторической науки. А. Н. Слепков собирался стать историком, для чего и поступил в 1921 г. на историческое отделение Института красной профессуры, став выпускником первого выпуска ИКП. Если в первый год обучения он еще занимался активной научной работой, одновременно проводя и партийно-педагогическую, то со второго года обучения его окончательно захватила политическая деятельность в ущерб научной. Талантливый, способный ученик М. Н. Покровского окончательно ушел в политику, что и привело к трагическому завершению его жизни.

Ключевые слова: А. Н. Слепков, «бухаринская школа», Институт красной профессуры, М. Н. Покровский, В. Н. Астров, советская историография 1920-х гг.

Для цитирования: Никуленкова Е. В. Александр Николаевич Слепков: подававший надежды, но несостоявшийся историк // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 168–191. DOI 10.35231/25422375_2023_2_168

Введение

Александр Николаевич Слепков (1899–1937) известен прежде всего как советский политический деятель 1920-х гг., ученик и сторонник Н. И. Бухарина, представитель «бухаринской школы», оппозиционер, расстрелянный в эпоху «большого террора» в возрасте 37 лет. В то же время он был одним из выпускников исторического отделения Института красной профессуры (ИКП), любимым учеником историка М. Н. Покровского, на которого тот возлагал большие надежды. Известным историком он, правда, так и не стал в связи с тем, что его затянула политика.

Несмотря на то, что имя Александра Николаевича часто упоминается среди наиболее ярких сторонников Н. И. Бухарина, в историографии ему посвящено совсем немного работ, причем в основном фрагментарного характера.

После разгрома в партии «правого уклона» во главе с Н. И. Бухариным его сторонники также подверглись репрессиям. В октябре 1932 – апреле 1933 гг. по делу об «антипартийной контрреволюционной группе правых Слепкова и других («бухаринская школа»)» было осуждено 34 чел. [1, с. 31]. Все это были молодые коммунисты – сторонники Н. И. Бухарина. Но именно фамилия А. Н. Слепкова (по делу проходил и его брат Василий) дала название делу. Это лишний раз доказывает, что именно Александр Николаевич многими своими современниками воспринимался как главный ученик и сторонник Н. И. Бухарина.

В советской историографии 1930-х гг. А. Н. Слепков упоминается как один из представителей «правого уклона». Так, в официальном учебнике по истории партии сталинского периода «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс», изданном в 1938 г., А. Н. Слепков называется среди сторонников Н. И. Бухарина представителем «буржуазной молодежи» [2, с. 281]. После XX съезда КПСС «бухаринская школа» не упоминается в исторической литературе. Интерес к ней возник только в годы «перестройки», с началом новой эпохи реабилитации. Именно в конце 1980-х гг. тема сталинизма и сталинских репрессий в СССР стала одной из самых популярных в исторической литературе. Начали выходить материалы о политических процессах 1930-х гг., эпохе «большого террора», в исторические труды возвращались забытые имена,

происходило переосмысление деятельности внутрипартийной оппозиции: из «врагов народа» они превращались в «противников» И. В. Сталина и его режима. [3, с. 135–137]. Особенно заметным стало «возвращение» Н. И. Бухарина [4].

В 1988 г. в СССР была издана книга американского историка Стивена Коэна (1938–2020), впервые опубликованная автором в США в 1973 г. [5]. В ней подробно рассматривалась биография Николая Ивановича как крупного государственного деятеля, ученого, большевика-ленинца, оппозиционера, альтернатива И. В. Сталину, жертва сталинских репрессий. Изданию книги предшествовала реабилитация Н. И. Бухарина в феврале 1988 г. В монографии С. Коэн рассказывал и о «бухаринской школе», в том числе о А. Н. Слепкове. Американский историк говорит о ее представителях как о выпускниках Института красной профессуры, учениках, разделявших взгляды своего учителя, сторонниках и помощниках Н. И. Бухарина, попавших под его личное обаяние: «... эта школа, явившаяся для Бухарина политической опорой, сослужила ему в течение некоторого времени хорошую службу... Эта когорта талантливых людей позволила Бухарину посадить своих людей как раз в тех учреждениях, где формировались политика и идеология и готовились будущие кадры; они с большой эффективностью популяризировали и отстаивали его политику... Эта школа помогла Бухарину подняться до положения главы ортодоксального большевизма и утвердить "бухаринизм" в качестве официальной партийной идеологии», – писал С. Коэн [5, с. 264]. Они, как отмечал автор, «отказались отречься от него и от своих антисталинских взглядов» и также подверглись репрессиям [5, с. 401].

Первые отдельные публикации об Александре Николаевиче Слепкове появились в 1988–1990 гг. в газете «Комсомольская правда». Написаны они были журналисткой Т. Яковлевой [6–8]. В первой статье она попыталась установить, кто же был первым редактором газеты «Комсомольская правда», которая стала выходить 24 мая 1925 г., и назвала мало кому известное на тот период имя Александра Николаевича. Именно он, как утверждала автор статьи, возглавлял газету первые полгода ее существования (до 19 ноября 1925 г.) [6]. Журналистка сокрушалась, что сведений о жизни «первого редактора» «Комсомольской правды» практически нет [6].

9 июля 1988 г. появилась вторая статья Т. Яковлевой. В ней уже содержалась некоторая информация о жизни Александра Николаевича. Её журналистка получила от людей, лично знавших А. Н. Слепкова, которые откликнулись на ее первую статью [7]. Но и в этой публикации сведений о жизни Александра Николаевича было очень мало. И, наконец, 8 апреля 1990 г. Т. Яковлева опубликовала в «Комсомольской правде» более обстоятельную статью, которая называлась «Жизнь и смерть Александра Слепкова» [8]. В ней также не было связной биографии Александра Николаевича, упоминались лишь отдельные эпизоды его жизни, преимущественно конца 1920-х – 1930-х гг. Безусловно, эти статьи сыграли большую роль в «возвращении» имени А. Н. Слепкова в историческую литературу.

Вслед за Н. И. Бухариным представители «бухаринской школы» тоже были окончательно реабилитированы, что нашло свое отражение в соответствующих публикациях документального характера [1; 9]. В них содержались краткие биографические сведения о А. Н. Слепкове.

В отечественной историографии 1990–2000-х гг. специальных работ об Александре Николаевиче так и не появилось. Его имя лишь упоминалось в публикациях разной тематики, прежде всего в работах, посвященных сталинским репрессиям и внутрипартийной борьбе. Среди них следует отдельно выделить труд философа и социолога В. З. Роговина «Власть и оппозиция», изданный в 1993 г. В отличие от других, в этой книге делу «бухаринской школы» было посвящено несколько страниц [10, с. 304–307]. Взгляды ее представителей рассматривались и в некоторых других работах¹ [11]. В связи с тем, что «бухаринская школа» сформировалась в Институте красной профессуры, информация о ее представителях, в том числе А. Н. Слепкове, содержится и в работах об этом учебном заведении² [12]. Биографические справки А. Н. Слепкова опубликованы и в некоторых других изданиях [13, с. 130]. Но это лишь краткая информация. Отдельной научной работы, посвященной Александру Николаевичу Слепкову, нет. Как нет о нем и статьи в Большой российской энциклопедии (впрочем, как и о «бухаринской школе» в целом).

¹ Батракова Е. А. Экономические и общественно-политические взгляды Н. И. Бухарина и его школы: дис. ... канд. экон. наук. СПб., 1994. 191 с.

² Никуленкова Е. В. Институт красной профессуры – большевистский идеологический и научный центр (1921–1930): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. 219 с.

В этом отношении брату Александра Николаевича – известному ученому генетику, профессору Казанского университета Василию Николаевичу – повезло больше. Ему посвящены отдельные труды, например А. И. Ермолаева – ученого, изучающего научные исследования в области генетики в Казанском университете [14; 15]. В них содержится информация и о семье Слепковых. В. Н. Слепков также учился в Институте красной профессуры. В отличие от старшего брата, он сделал выбор в пользу науки, а не политики, правда, это не спасло его от репрессий.

Мало кто знает, что, помимо партийно-политической и издательской деятельности, А. Н. Слепков проявил себя как талантливый историк. Желание стать ученым-историком привело его в Институт красной профессуры, который он закончил в 1924 г. Целью статьи является изучение биографии А. Н. Слепкова во время его обучения на историческом отделении Института красной профессуры, анализ его работ, в том числе научных, исследование вопроса о том, почему же он так и не стал историком.

Статья написана на основе неопубликованных материалов, хранящихся в фонде Института красной профессуры Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Там находятся протоколы заседаний преподавателей и слушателей ИКП, личные дела слушателей, в том числе А. Н. Слепкова [16].

Источниками также являются научные и публицистические труды А. Н. Слепкова, написанные им во время обучения в ИКП, как в рамках академической (семинарской), так и в рамках партийно-педагогической работы [17–32]. Третьей группой стали источники личного происхождения – воспоминания людей, которые были знакомы с Александром Николаевичем. Прежде всего это воспоминания слушателя философского отделения Григория Исаевича Григорова (1900–1994), который учился в Институте красной профессуры в 1922–1923 гг., но был отчислен по обвинению «в шкурничестве и недостаточных академических способностях» [33; 34, с. 97]. Этим объясняется его весьма критическое отношение к тем, чья карьера в научном и политическом отношении сложилась более успешно. В 1930–1950-е гг. Г. И. Григорова несколько раз арестовывали, но ему удалось пережить репрессии. В 1989 г. он переехал в Израиль, где и скончался. Там он закончил работу над воспоминаниями, которые были изданы в России в 2005 г. О А. И. Слепкове сохра-

нились и воспоминания Александра Ивановича Боярчикова (1901–1980) – троцкиста, который был репрессирован и почти четверть века провел в заключении [35, с. 14]. Со А. Н. Слепковым он познакомился в Верхнеуральском политизоляторе. Его воспоминания содержат интересные сведения о личности Александра Николаевича, хоть порой и сомнительные. Таким, в частности, является рассказ о том, что А. Н. Слепков покончил с собой (повесился в камере), а не был расстрелян [35, с. 180].

Интересным источником является и художественная литература, написанная выпускником ИКП, хорошо знавшим А. Н. Слепкова, Валентином Николаевичем Астровым (1898–1993). Это единственный представитель «бухаринской школы», которому удалось пережить репрессии. В 1960-е гг. он написал роман «Круча», главный герой которого, как и автор, учился в Институте красной профессуры [36]. Несмотря на то, что имена слушателей ИКП изменены, в главном герое угадывается сам В. Н. Астров, а в образе Виктора Шандалова явно усматривается Александр Николаевич Слепков.

Методология исследования при анализе этих материалов основана на применении принципа исторического объективизма, предполагающего проведение комплексного изучения исторических источников, критического отношения к ним. При освещении разных периодов деятельности А. Н. Слепкова использовался метод сравнительного анализа.

Писать об Александре Николаевиче Слепкове сложно, потому что очень много противоречивых данных о его жизни, слухов и неточностей. Часть из них распространялась его политическими противниками с целью дискредитации: в середине 1920-х гг. – сторонниками Л. Д. Троцкого и Г. Е. Зиновьева, в конце 1920-х – 1930-е гг. – официальными партийными органами, осуждавших «правый уклон». Термин «слепковщина» и «слепковцы» был весьма распространённым в этот период. «Слепковцами» (а также «Стецкими-Марецкими») – по фамилиям наиболее ярких представителей – называли сторонников Н. И. Бухарина, «бухаринскую школу».

Результаты

Александр Николаевич Слепков родился 20 августа 1899 г. в Рязани в семье учителя [16, л. 2]. Его отец, Николай Васи-

льевич, происходил из крестьянской семьи [15, с. 39]. В семье было трое сыновей и три дочери. Александр был старшим. Его братья Василий (1902–1937) и Владимир (1907–1937) впоследствии тоже закончили Институт красной профессуры и были расстреляны в 1937 г. [15, с. 39]. Сестры Анастасия (1901–1937?), Софья (1905–1982) и Евгения (1914–1967) также подверглись репрессиям. Анастасия, вероятно, погибла в тюрьме, а Софья и Евгения вернулись из ссылки в Москву после 1956 г. [15, с. 39]. Софья получила юридическое образование и работала секретарем в Верховном Совете СССР [7; 15, с. 39]. Евгения получила медицинское образование и стала детским врачом [7].

Семья часто переезжала с места на место в связи с тем, что отца семейства, как человека «неспокойного и ненавистного», на одном месте долго не держали [16, л. 2]. Среднюю школу (восемь классов гимназии) Александр Николаевич окончил в Рязани в 1918 г. [16, л. 2]. Затем семья переехала в г. Люцин Витебской губернии (ныне это г. Лудза в Латвии), где Александр преподавал русский язык и историю в «мужском и женском высших начальных училищах» (вскоре преобразованных в школы) [16, л. 2]. В Люцине его отец заведовал секцией просвещения местного совета. В августе 1918 г. вместе с отцом Александр Николаевич был арестован германскими оккупационными властями и заключен в тюрьму по обвинению в организации «преступно-революционного сообщества для низвержения существующей власти» [16, л. 2]. Они были приговорены к смертной казни, но их спасло революционное движение (ноябрьская революция в Германии), их освободили [7].

Уже в Люцине развернулась активная советско-партийная работа А. Н. Слепкова: в 1918–1919 гг. он был членом исполкома Люцинского уездного совета, комиссаром юстиции, председателем следственных комиссий. В 1919 г. Александр Николаевич был членом уездного комитета РКП(б), редактором уездной газеты, заведующим уездным отделом образования [16, л. 2].

С июня 1919 г. А. Н. Слепков был слушателем партийной школы и лекторских курсов при Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова («свердловки»). Окончив их, с августа 1920 г. он остался там преподавать, руководил «кружковыми занятиями по русской истории, политэкономии и научному социализму» [16, л. 2; 13, с. 130].

В 1921 г. А. Н. Слепков участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. В том же году он стал слушателем первого набора только что созданного нового учреждения – Института красной профессуры, который был создан для подготовки марксистских научных и педагогических кадров по общественным наукам. Ректором ИКП стал известный историк-большевик – Михаил Николаевич Покровский. Он же возглавлял историческое отделение. Александр Николаевич поступил на отделение русской истории¹. Стимулом к поступлению в ИКП, как он сам отмечал, стало «желание начать более глубокую научную работу» [16, л. 3]. На вступительных испытаниях нужно было представить самостоятельную письменную работу, доказывающую способности поступающего к научному исследованию. А. Н. Слепковым была представлена работа на тему «Реформы Петра I» [16, л. 3].

В ИКП А. Н. Слепков проучился три года – с 1921 по 1924 гг. Обучение предполагало работу в семинарах: слушатели должны были выступать с научными докладами, написанными на основе источников. Уже во время учебы они издавали работы, в которых впервые с марксистских позиций освещались вопросы экономики, философии и истории [12, с. 111]. Помимо этого, слушатели должны были вести партийно-педагогическую работу, которая учитывалась при переводе с одного курса на другой, наряду с академической.

В течение всех трех лет обучения в ИКП Александр Николаевич Слепков проявил себя довольно активно как на научном, так и на партийно-педагогическом поприще. Хотя активную научную работу (которой он и собирался заниматься) он вел преимущественно на первом курсе, подготовив три доклада: два доклада в семинаре М. Н. Покровского на тему «Промышленный кризис начала XX в.» и «Аграрный вопрос в России перед революцией 1905 г.» и один доклад по экономике в семинаре И. А. Трахтенберга на тему «Теория цен К. Маркса и австрийская школа» [16, л. 4]. Как отмечалось в его личном деле, на втором курсе А. Н. Слепков подготовил один доклад в семинаре М. Н. Покровского – «Эволюция положения о Государственной думе». Несмотря на то, что доклад был обозначен как результат работы второго курса, основная его часть была выполнена в первый год обучения. Таким образом в семина-

¹ Историческое отделение ИКП состояло из двух секций: русской истории и истории стран Запада.

ре М. Н. Покровского по истории первой русской революции 1905–1907 гг. А. Н. Слепков подготовив две крупные научные работы: об аграрном развитии России в начале XX в. и о Государственной думе.

Одним из первых научных исторических исследований А. Н. Слепкова, написанных в Институте красной профессуры, стала работа «Аграрный вопрос в России перед революцией 1905–1907 гг.» [17]. Сначала она была издана в 1922 г. объемом в 44 с., затем, переработанная и увеличенная в объеме, переиздана в 1925 г. [18]. Как отмечал автор, текст был обновлен еще в 1923 г., но в течение двух лет рукопись «пролежала под сукном» в издательстве, поэтому была опубликована только в 1925 г. [18, с. 3].

В этой работе А. Н. Слепков рассматривал экономическое развитие России к началу XX в., подробно останавливаясь на сельском хозяйстве. Автор отмечал, что в начале XX в. значительно выросли торгово-экономические связи России с другими странами: империя вступила в «систему международного общественного разделения труда, главным образом как поставщик продуктов сельскохозяйственного производства» [18, с. 7]. Все сельскохозяйственное производство, как отмечал А. Н. Слепков, к началу XX в. «в большей или меньшей мере... становится товарным» [18, с. 21]. Примером капиталистического развития России являлся приток иностранного капитала, а также рост темпов промышленно-капиталистического развития [18, с. 8–10]. Но, «несмотря на развитие крупного индустриального капитализма, Россия была к началу XX в. еще полукрепостной страной»: если в промышленности господствующими были буржуазные отношения, то в сельском хозяйстве «еще гнездились докапиталистические, крепостнические отношения» [18, с. 22]. В связи с этим А. Н. Слепков подробно рассматривал эволюцию как помещичьих, так и крестьянских хозяйств в России с середины XIX в. Главными причинами отмены крепостного права он считал причины экономические, в частности, заинтересованность помещиков в развитии капитализма. Он отмечал, что в деревне в ходе буржуазных реформ противостояло две силы: «частно-собственническое мелкобуржуазное крестьянство, стремящееся опрокинуть крепостнический строй», и помещики, часть которых выступала за развитие капитализма с «сохранением

полукрепостнической эксплуатации» [18, с. 29]. А. Н. Слепков считал помещичье хозяйство конца XIX в. одновременно «полукрепостническим» и «полукапиталистическим» [18, с. 42]. Помимо эволюции помещичьего хозяйства, историк рассматривал и эволюцию крестьянских хозяйств разных районов страны в пореформенный период, останавливаясь на процессах дифференциации крестьянства. Именно против помещиков, по его мнению, объединяется все крестьянство, поэтому крестьянская буржуазия (кулаки) принимала активное участие в Первой русской революции [18, с. 95]. А. Н. Слепков отмечал, что крестьяне всегда были против помещиков, которые одновременно являлись землевладельцами и капиталистами, поэтому крестьяне, по его мнению, были настроены и против капитализма тоже [18, с. 99]. В работе содержалось много цифр, таблиц, но совершенно отсутствовали ссылки на источники: в первом варианте совсем, во втором – почти (есть, но мало). М. Н. Покровский дал такую оценку этой работе: «Блестящая характеристика, богато иллюстрирована фактическими данными» [16, л. 4].

Помимо аграрного вопроса, А. Н. Слепков изучал и деятельность I Государственной думы. Первая часть его работы была опубликована в «Трудах Института красной профессуры», изданных в 1923 г. [20]. В этом сборнике были опубликованы лучшие работы слушателей философского, исторического и экономического отделений, подготовленные в первый год существования ИКП. Из трудов слушателей-историков России были опубликованы четыре работы, подготовленные в семинаре М. Н. Покровского по истории Первой русской революции. Среди них и труд А. Н. Слепкова «К эволюции положения о Государственной думе» [20]. Это также доказывает, что значительная часть научной работы по этой теме была выполнена на первом курсе обучения. Позже она стала первой частью его исследования «Классовые противоречия в I Государственной думе», вышедшего отдельным изданием [21, с. 3]. Эта работа стала одним из первых основательных и подробных трудов, посвященных деятельности I Государственной думы, созданных историком-марксистом. Работа была написана прежде всего на основании опубликованных источников (протоколов совещаний, стенографических отчетов заседаний, законодательных актов) [21, с. 117]. Историк использовал и дореволюционную литературу.

Сначала А. Н. Слепков рассматривал процесс разработки закона о Государственной думе. Первая часть работы (вошедшая в сборник ИКП) была написана прежде всего на основе обработки протоколов петергофского и царскосельского совещаний, на которых обсуждались проекты создания Государственной думы [21, с. 5]. Затем историк рассматривал социально-политический состав, классово-партийные противоречия в I Государственной думе, выборгское воззвание. Работа содержит богатый фактический материал, много количественной информации, таблиц, приложений, в том числе рассматривается социальный состав партий (кадетов, октябристов, социал-демократов, трудовиков). В приложения вошли проекты, вносимые думскими фракциями на рассмотрение Государственной думы, прежде всего по аграрному вопросу. Несмотря на большое количество информации и цитат, в этой работе также отсутствуют ссылки на документы с указанием страниц, есть только небольшой раздел, посвященный литературе и источникам [21, с. 116–117].

Конечно же, к деятельности Государственной думы А. Н. Слепков, как большевик, относился весьма скептически, как к части буржуазно-помещичьего государства, «историческому эпизоду», сброшенного «с исторического пути как никому ненужная ветошь» [21, с. 110]. Как историка-марксиста его прежде всего интересовала революция и классовая борьба, поэтому деятельность Государственной думы он рассматривает сквозь призму «классовых противоречий». Характеризуя позицию октябристов, кадетов, трудовиков, социал-демократов, историк определяет, чьи социальные интересы они выражали. Октябристы – помещиков, «полукрепостников-полукапиталистов» и «привилегированной группы промышленного капитала», кадеты – помещиков, капиталистов и интеллигенции, трудовики – среднего крестьянства (не кулачества) и мелкобуржуазной интеллигенции, меньшевики – мелкобуржуазной интеллигенции [21, с. 112–115]. В связи с тем, что революционный пролетариат в Думе не был представлен, так как «его партия» – большевики – бойкотировала выборы, историк считал I Государственную думу примером «кадетской подлости и мелкобуржуазного хвостизма» [22, с. 115]. Это выглядит как вывод, а не ярлык, которых в работе практически нет. В целом книга

содержит большое количество фактов, цифр и таблиц. С нашей точки зрения, как первый опыт научной марксистской работы, в которой рассматривается деятельность I Государственной думы, это довольно интересный труд.

Давая оценку академической работе А. Н. Слепкова в январе 1922 г., М. Н. Покровский указывал, что он «...будет одним из созидателей исторической школы марксизма» [37, л. 29]. Летом 1923 г. также подчеркивалось, что «в академическом отношении» А. Н. Слепков «занимает первое место в школе М. Н. Покровского» [38, л. 32].

На третьем курсе, как отмечалось в личном деле, Александр Николаевич работал над докладами в семинаре М. Н. Покровского о тактике социал-демократии в революции 1905–1907 гг. и о Кронштадтском мятеже 1921 г., а также «в семинаре Н. И. Бухарина» (которого фактически не было) «Крестьянство и социализм» [16, л. 4]. Как видим, темы третьего года обучения были более политизированы и современны, чем предыдущие. Результаты этой работы были оформлены в виде статей, опубликованных в журнале «Спутник коммуниста» и «Большевик» [19; 30].

В рамках академической работы А. Н. Слепков должен был сделать и другие доклады. Например, на втором курсе (1922/23 учеб. год) он должен был работать и в семинаре по историческому материализму В. В. Адоратского. Но он его не посещал, вероятно, в связи с загруженностью другими видами работы. Давая оценку деятельности слушателей, руководитель семинара это отмечал [37, л. 96].

Помимо академической, Александр Николаевич вел большую партийную и педагогическую работу. Он был членом Московского комитета РКП(б), а также вел два курса ленинизма при Краснопресненском райкоме партии, работал агитатором, был секретарем у Н. И. Бухарина, членом редколлегии журналов «Спутник коммуниста» и «Большевик» [16, л. 4]. В этих журналах было опубликовано достаточное количество статей А. Н. Слепкова. Журнал «Спутник коммуниста» издавался с 1921 г. и был органом Московского комитета РКП(б). Став членом МК РКП(б), Александр Николаевич принял активное участие в работе журнала. Первая его статья была опубликована в журнале в 1923 г. [23]. Журнал «Большевик» выходил с 1924 г., и в первом же номере была опубликована статья А. Н. Слепкова

[19]. С конца 1924 г. вместе с В. Н. Астровым Александр Николаевич стал одним из пяти редакторов журнала.

В рамках педагогической работы все три года А. Н. Слепков преподавал в Коммунистическом университете им. Я. М. Свердлова. Помимо этого, на втором курсе он вел занятия в Академии социального воспитания и университете им. Г. Е. Зиновьева (в Петрограде), а на третьем курсе – в Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской (так стала называться Академия социального воспитания) и в Высшем сельскохозяйственном кооперативном институте [16, л. 4].

В общественной жизни ИКП А. Н. Слепков был также наиболее активен в первый год обучения. Он был старостой группы историков, членом правления ИКП от состава слушателей [37, л. 105; 38, л. 32]. Тот факт, что на втором курсе он стал членом Московского комитета партии, не позволил ему быть еще и членом бюро ячейки коммунистов ИКП, но, как сторонник Н. И. Бухарина, он, как и другие представители «бухаринской школы», активно участвовал во внутривнутрипартийной борьбе 1923–1924 гг. против Л. Д. Троцкого.

Во время «чистки» состава слушателей летом 1923 г. А. Н. Слепков был одним из семи слушателей-коммунистов, которые составили «комиссию по чистке» [37, л. 101]. Именно эта комиссия отчислила из ИКП слушателя Г. И. Григорова, поэтому отношение к «бухаринской школе», как он ее называл, у него было весьма негативное [33, с. 290–291].

В июне 1923 г. аттестационная комиссия ИКП дала А. Н. Слепкову следующую характеристику: «Молодой, но способный товарищ, является уже вполне определившимся работником. Еще до вступления в партию вел подпольно-революционную работу и после утверждения Советской власти работал по организации советского аппарата (в Латвии), но благодаря молодости успел себя проявить только в уездном масштабе. Был на кронштадтском фронте. Хороший агитатор. Много работает в качестве лектора и преподавателя, ведет большую литературно-популяризаторскую работу. Вполне подготовлен для чтения самостоятельного курса в ВУЗе (ФОН). Обещает стать выдающимся профессором-коммунистом» [38, л. 13].

Далеко не все слушатели ИКП могли похвастаться такими результатами работы. Многие концентрировались толь-

ко на академической (в ущерб партийной) или партийной (в ущерб академической) работе, не успевали сделать необходимое количество докладов. Однако наиболее активно научно-исторической работой А. Н. Слепков занимался лишь на первом курсе. С 1922/23 учеб. года он практически отошел от научной работы и сконцентрировался на партийно-политической деятельности. Это отразилось и на его педагогической работе. Вот отзыв о педагогической деятельности, данный А. Н. Слепкову в 1922/1923 учеб. году в Академии социального воспитания: «За время работы в семинарии по русской истории ... тов. Слепков обнаружил умелый педагогический подход, который выражается умением руководителя владеть аудиторией в целом и вызывать активность каждого ... Самой важной заслугой т. Слепкова является чисто методологическая часть проработанных источников: рельефно выделяя марксистскую методологию, как таковую, руководителю удастся довольно легко привить ее аудитории...» [13, л. 4]. Правда, ниже отмечалось, что несмотря на «успешный педагогический подход» и «вполне достаточную подготовленность», работа страдает от его «ненормальной посещаемости»: 50% занятий второго триместра и один месяц третьего [16, л. 4]. И в других отзывах о партийной и педагогической работе Александра Николаевича ему давалась высокая оценка как «одному из лучших товарищей из Института красной профессуры, работающих в Свердловском университете», подчеркивалась его эрудиция, объем знаний, умение заинтересовать и объяснить, несмотря на плохую посещаемость занятий руководителем [16, л. 4–5].

Г. И. Григоров так вспоминал свою первую встречу со А. Н. Слепковым в конце 1921 г.: «Когда я переступил порог мрачного Страстного монастыря¹, встретил здесь симпатичного молодого человека с круглым лицом и курчавой головой. Это был Саша Слепков. Он рылся в куче книг и архивных материалов, без всякого порядка сваленных в какой-то бывшей монашеской келье. Мы познакомились с Сашей. Он оказался бывшим студентом Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова. От него я получил сведения об условиях приема в Институт красной профессуры. Мы долго с ним разговаривали, он на меня произвел хорошее впечатление, мне нра-

¹ Там поначалу располагался ИКП. – Е. Н.

вилась его простота и глубокий интерес к истории, особенно русской. Я тогда еще не знал, что Слепков – любимый ученик М. Н. Покровского и Н. И. Бухарина... Из Слепкова получился бы безусловно эрудированный и талантливый историк. Но политика помешала ему развернуться, отвлекла от науки» [33, с. 284].

В романе «Круча» бывший слушатель ИКП В. Н. Астров описывает учебу в Институте. В персонаже романа Викторе Шандалове по внешнему описанию, роду деятельности, особым отношениям с Н. И. Бухариным угадывается Александр Николаевич Слепков, с которым В. Н. Астров был в довольно дружеских отношениях, особенно в 1922–1925 гг. Молодых сторонников Н. И. Бухарина в 1920-е гг. называли «слепокцами», в романе же их называют «шандаловцами» [36, с. 106, 149, 209]. Виктор Шандалов показан как бесспорно талантливый, деятельный, принципиальный, но одновременно властолюбивый человек с большим самомнением.

В романе В. Н. Астрова интересен рассказ о знакомстве И. В. Сталина с «красными профессорами», «которые начинали работать в "Правде" и других изданиях» [36, с. 217]. Первый вопрос, который задал им И. В. Сталин, был таким: «Кто же из вас тут Шандалов?» В связи с тем, что их звали «шандаловцами», Иосиф Виссарионович хотел познакомиться именно с ним. В ответ на смущение Виктора Шандалова – прототипа А. Н. Слепкова – Сталин его успокоил: «Если ваше имя популяризируют сторонники Троцкого за то, что вы защищаете линию партии, то в этом есть хорошая сторона» [36, с. 218–219].

Отношения с М. Н. Покровским у А. Н. Слепкова к концу обучения совсем испортились, в том числе потому, что ученик не оправдал надежд учителя, ушел в политику, «дезертировал с исторического фронта» [36, с. 325]. Кроме того, Александр Николаевич стал одним из первых учеников М. Н. Покровского, который выступил в печати с критикой взглядов своего учителя, в частности, его теории торгового капитала.

Первая рецензия А. Н. Слепкова на труды М. Н. Покровского была опубликована в апреле 1924 г. в первом номере журнале «Большевик». Она была посвящена работе М. Н. Покровского по историографии «Борьба классов и русская историческая литература». Рецензия была положительная: Александр Николаевич отмечал, что это «действительно, первая марксистская

работа по русской историографии» и рекомендовал ее к прочтению [40, с. 139, 141]. Достоинствами работы он считал «логическую и методологическую критику различных исторических школ» [40, с. 140]. «Как и во всех своих работах, тов. Покровский чужд шаблона. Рисунок его работы изящен и тонок, положения остры и четки, критическая часть язвительна и убедительна», – отмечал А. Н. Слепков [31, с. 140].

Следующая рецензия А. Н. Слепкова была опубликована на работу М. Н. Покровского «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.». Она была более объемной и критичной [32]. А. Н. Слепков писал, что эта книга «заслуживает исключительного внимания не только потому, что она принадлежит перу остро-талантливого, наиболее крупного русского историка; не только потому, что она является массовым пособием, но и потому что в ней заключен ряд спорных, с нашей точки зрения, неверных положений по довольно существенным вопросам новейшей истории России» [32, с. 113]. Далее следовала только критика. А. Н. Слепков критиковал М. Н. Покровского за его трактовку социальной сущности самодержавия, в частности то, что Михаил Николаевич считал самодержавие «политически организованным торговым капитализмом». Не принимал он и трактовку М. Н. Покровским империализма и «вопроса о социальном характере крестьянского движения» [32, с. 115, 116, 117]. Так между ними начался спор в печати по ряду положений исторической науки [25; 39; 40].

После окончания ИКП, переключившись на партийную и издательскую работу, А. Н. Слепков все же окончательно не порвал с научно-педагогической деятельностью: он был оставлен преподавать на подготовительном отделении ИКП [41, л. 6; 42, л. 16]. Но связи с Институтом были совсем недолгими и эпизодическими, так как его полностью захватила партийная работа, прежде всего работа в крупных партийных изданиях. В 1924–1926 гг. он был членом редколлегии газеты «Правда», журналов «Спутник коммуниста», «Большевик», «Юный коммунист», редактором «Комсомольской правды», работал секретарем у Н. И. Бухарина [13, с. 130]. На преподавательскую работу у него практически не оставалось времени. В апреле 1928 г. по поводу работы двух групп второго курса учебная коллегия приняла такое решение: «принимая во внимание, что пре-

подаватели (Слепков и Стэн) не приступили еще к занятиям, и что до конца учебного года остается только полтора месяца, считать возможным снять занятия по ленинизму в этих группах» [42, л. 133].

Начавшаяся в партии в 1928 г. «борьба с правым уклоном» не могла не коснуться Института красной профессуры. Для И. В. Сталина было важно, чтобы «дисквалификация» Н. И. Бухарина как теоретика началась именно с этого учебно-научного центра. В конце 1920-х гг. в ИКП проводились собрания слушателей-коммунистов, активно выступавших против «школы Слепкова», «слепокщины»¹. С лета 1928 г. сторонники Н. И. Бухарина лишались своих постов, изгонялись из ИКП. «Борьба со слепоквцами, как людьми, пользовавшимися в свое время значительным влиянием в ячейке, в особенности с Астровым² и его друзьями, как испытанными идеологами правого оппортунизма, ... представляет собой основной фронт политической борьбы ячейки ИКП за последние два с половиной года», – писал в 1930 г. слушатель Института красной профессуры А. А. Весна [43].

Александр Николаевич Слепков был женат на Галине Шалаховой, которая вслед за мужем была репрессирована и погибла в заключении. У них было двое детей. Маленькая дочка Маша умерла во время поездки в Сибирь: Галина вместе детьми поехала к мужу в ссылку (в Тару). Сын Валентин³ погиб на фронте в годы Великой Отечественной войны [7; 8]. Сын родился как раз во время учебы его отца в Институте красной профессуры, что упоминает и В. Н. Астров в романе «Круча»: там у В. Шандалова тоже родился сын [39, с. 88].

Люди, знавшие А. Н. Слепкова, вспоминали его как «фигуру объединяющую», человека «мужественного» и обаятельного [7]. Интересны оценки личности А. Н. Слепкова в воспоминаниях А. И. Боярчикова. Несмотря на их идеологические расхождения и споры, которые проявились в Верхнеуральском политизоляторе (А. И. Боярчиков был троцкистом), он называл А. Н. Слепкова «выдающимся молодым человеком» из числа «образованной русской молодежи первых лет советской власти» [35, с. 172]. А. И. Боярчиков описывал один интересный

¹ Никуленкова Е. В. Институт красной профессуры – большевистский идеологический и научный центр (1921–1930): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998. С. 132–144.

² В. Н. Астров не просто работал в Институте красной профессуры в конце 1920-х гг., а возглавлял его историко-партийное отделение. – Е. Н.

³ Интересно, что В. Н. Астрова тоже звали Валентин.

случай. Одна из дам, «представительница дореволюционной русской художественной интеллигенции», часто бывавшая в доме у Л. Б. Каменева и его жены, просила показать ей «хотя бы одного истинно русского молодого человека с ярким умом и горячей кровью в сердце». Ей представили А. Н. Слепкова¹. Через два часа беседы с ним дама вынуждена была признать, что «искра таланта не погасла еще на русской земле» и «этот мальчик» является «надеждой России» [35, с. 173].

Описания Виктора Шандалова в романе В. Н. Астрова и Александра Слепкова в момент знакомства с этой дамой совершенно совпадают: невысокий юноша, с черными вьющимися волосами в косоворотке и шароварах, заправленных в сапоги [35, с. 173; 36, с. 21].

Обсуждение и выводы

Таким образом, Александр Николаевич Слепков – яркий и талантливый представитель молодежи 1920-х гг. Интерес к истории и желание заниматься наукой привели его в Институт красной профессуры. В это учреждение принимали наиболее достойных и идеологически грамотных людей. Подготовка красных профессоров предполагала не только занятия наукой, изучение источников и подготовку научных работ по выбранной специальности, но и партийно-педагогическую деятельность. Это было связано с убеждением, что настоящим «красным» профессором можно стать только хорошо разбираясь в марксизме, политической жизни, активно участвуя в партийной работе. Это являлось доказательством политической грамотности слушателей. Поэтому в ИКП очень хотели поступить многие представители партийной молодежи.

В первый год обучения в Институте А. Н. Слепков активно занимался академической работой, подготовив детальные научные доклады в семинаре М. Н. Покровского о Первой русской революции. Но уже со второго года обучения Александр Николаевич стал уделять намного больше времени партийно-политической деятельности в ущерб другим видам работы. Большая занятость в Московском комитете партии, редакциях партийных изданий, помощь Н. И. Бухарину (в том числе в борьбе с оппозицией) занимала много времени и не оставляла

¹ Вероятно, встреча состоялась в 1919–1922 гг.

места для научной работы, отрицательно сказывалась на педагогической деятельности. Являясь прекрасным преподавателем, Александр Николаевич совершенно не успевал проводить занятия в учебных заведениях, в которых преподавал в рамках педагогической работы. Талантливый, способный и любимый ученик М. Н. Покровского, с которым тот связывал будущее марксистской исторической науки, в 1924 г. окончательно ушел в политику, став одним из наиболее ярких представителей «бухаринской школы». Об этом свидетельствует термин «слепковцы», который широко использовался противниками Н. И. Бухарина во внутривластной борьбе как в середине, так и в конце 1920-х гг.

Список литературы

1. О так называемой «антипартийной контрреволюционной группе правых Слепкова и других («бухаринская школа») // Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 2. – С. 32–48.
2. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М.: Государственное издательство политической литературы, 1938. 352 с.
3. Никуленкова Е. В. Советская историческая наука (1917–1991 гг.). СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2011. 140 с.
4. Никуленкова Е. В. «Бухаринский бум» в отечественной историографии периода «перестройки» (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) // Человек в истории: массовое сознание и повседневная жизнь российского общества: сб. науч. ст. / под общ. ред. В. А. Веременко. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2014. – С. 130–134.
5. Козн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938 / пер. с англ. М.: Прогресс, 1988. 574 с.
6. Яковлева Т. Первый редактор. Неизвестная страница истории «Комсомольской правды» // Комсомольская правда. – 1988. – 24 мая.
7. Яковлева Т. «Могу вспоминать, не таясь...» // Комсомольская правда. – 1988. – 9 июля.
8. Яковлева Т. Жизнь и смерть Александра Слепкова // Комсомольская правда. – 1990. – 8 апреля.
9. Реабилитация: Полит. процессы 30–50-х годов / под общ. ред. А. Н. Яковлева. М.: Политиздат, 1991. 461 с.
10. Роговин В. З. Власть и оппозиция. М.: Товарищество «Журнал "Театр"», 1993. 400 с.
11. Никуленкова Е. В. Институт красной профессуры и «бухаринская школа» // VI Царскосельские чтения. Научно-теоретическая межвузовская конференция с международным участием. 23–24 апреля, 2002 г., Санкт-Петербург / под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова. – СПб.: Лен. гос. обл. ун-т им. А. С. Пушкина, 2002. – Т. 4. – С. 120–128.

12. Никуленкова Е. В. Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е гг. // Новейшая история России. – 2014. – № 1. – С. 108–123.

13. «Птицегонство надоело до смерти ...» (из дневника И. И. Литвинова. (1922 г.) // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 4. М.: Московское городское объединение архивов, 1993. С. 81–139.

14. Ермолаев А. И. Научная и педагогическая деятельность Василия Николаевича Слепкова // Институт истории, естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2004 г. – М.: Диполь-Т, 2004. – С. 195–197.

15. Ермолаев А. И. Генетик Василий Николаевич Слепков: документальные штрихи к портрету // Историко-биологические исследования. – 2019. – Т. 11. – № 3. – С. 30–67. DOI 10.24411/2076–8176–2019–13001

16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р5284. Оп. 1. Д. 153.

17. Слепков А. Н. Аграрный вопрос в России перед революцией 1905–1907 гг. П-д.: Ком. ун-т им. Г. Е. Зиновьева, 1922. 44 с.

18. Слепков А. Н. Аграрный вопрос в России перед революцией 1905–1907 гг. Харьков: Пролетарий, 1925. 99 с.

19. Слепков А. Н. К третьей годовщине Кронштадтского мятежа // Большевик. – 1924. – № 1. – С. 34–47; № 2. – С. 20–28.

20. Слепков А. Н. К эволюции положения о Государственной думе // Труды Института красной профессуры. Т. 1. Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921–1922 гг. (1 курс). М-П-д: Гос. из-во, 1923. – С. 247–275.

21. Слепков А. Н. Классовые противоречия в I Государственной Думе. П-д.: Ком. ун-т им. Г. Е. Зиновьева, 1923. 147 с.

22. Слепков А. Н. Ленин – партия – пролетариат // Спутник коммуниста. – 1924. – № 7. – С. 46–51.

23. Слепков А. Н. Ленин как ученый – революционер // Спутник коммуниста. – 1923. – № 22. – С. 152–154.

24. Слепков А. Н. Ленин, крестьянство и социализм в отсталой стране // Спутник коммуниста. – 1924. – № 28. – С. 40–59.

25. Слепков А. Н. «Не согласны!» (Ответ т. Покровскому) // Большевик. – 1925. – № 5–6. – С. 65–72.

26. Слепков А. Н. О ленинизме // Спутник коммуниста. – 1924. – № 2–3. – С. 89–97; № 4–5. – С. 84–89.

27. Слепков А. Н. Об уклонах и возможных путях возможного перерождения // Большевик. – 1924. – № 3–4. – С. 15–28; № 7–8. – С. 40–43.

28. Слепков А. Н. Плеханов в эпоху борьбы «Правды» с ликвидаторством // Спутник коммуниста. – 1923. – № 24. – С. 218–225.

29. Слепков А. Н. Проблема власти в 1917 году и Ленин // Спутник коммуниста. – 1923. – № 25. – С. 82–99.

30. Слепков А. Н. Проблема власти в революции 1905–7 гг. и Ленин // Спутник коммуниста. – 1923. – № 22. – С. 133–151.

31. Слепков А. Н. Рецензия на книгу М. Н. Покровского «Борьба классов и русская историческая литература» // Большевик. – 1924. – № 1. – С. 139–141.

32. Слепков А. Н. Рецензия на книгу М. Покровского «Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX вв.» // Большевик. – 1924. – № 14. – С. 113–122.

33. Григоров Г. И. Повороты судьбы и произвол: Воспоминания. 1905–1927. М.: ОГИ, 2005. 536 с.

34. Никуленкова Е. В. Подготовка философов-марксистов в Институте красной профессуры в 1920-е гг. // КЛИО. – 2018. – № 6 (138). – С. 94–101.

35. Боярчиков А. И. Воспоминания. Предисловие В. В. Соловьева. М.: АСТ, 2003. 320 с.

36. Астров В. Н. Круча. Роман. М.: Советский писатель, 1969. 496 с.

37. ГАРФ. Ф. Р5284. Оп. 1. Д. 2.

38. ГАРФ. Ф. Р5284. Оп. 1. Д. 102.

39. Покровский М. Н. О пользе критики, об абсолютизме, империализме, мужицком капитализме и прочем // Под знаменем марксизма. – 1924. – № 12. – С. 250–259.

40. Покровский М. Н. К вопросу об особенностях исторического развития России / под знаменем марксизма. – 1925. – № 4. – С. 123–141; № 5–6. – С. 89–109.

41. ГАРФ. Ф. Р5284. Оп. 1. Д. 135.

42. ГАРФ. Ф. Р5284. Оп. 1. Д. 99.

43. Весна А. А. О мелкобуржуазных шатаниях в ячейке ИКП // Правда. – 1930. – 31 июля.

Alexander Nikolayevich Slepkov: a promising but unfulfilled historian

Elena V. Nikulenkova

The article deals with the biography of Alexander Nikolayevich Slepkov (1899–1937), primarily the period of his studies at the Institute of Red Professors (1921–1924). He is known for his political activities, his work in many party publications, including the editorial boards of newspaper *Pravda*, *Komsomolskaya Pravda*, and the magazines *Sputnik Communista* and *Bolshevik*. As a representative of the "Bukharin school," he shared and supported the views of N. I. Bukharin and his position in the internal party struggle, including the struggle with L. D. Trotsky. After the defeat of the "right-wing" in the party, A. N. Slepkov, like other supporters of N. I. Bukharin, lost his positions, was repressed in the "Bukharin school" case in 1933, and in the era of the "Big Terror" was shot. At the same time, Alexander Nikolayevich was a favorite student of historian M. N. Pokrovsky, with whom he associated the future of Marxist historical science. A. N. Slepkov was going to become a historian, for which he enrolled in 1921 in the historical department of the Institute of Red Professors, becoming a graduate of the first graduating class of the IKP. If in the first year of study he was still engaged in active scientific work, while conducting and Party-pedagogical, then from the second year of study, he was finally captured by political activity to the detriment of the scientific. The talented, capable pupil of M. N. Pokrovskiy finally went into politics, which led to the tragic end of his life.

Key words: A. N. Slepkov, Bukharin's school, Institute of Red Professorship, M. N. Pokrovskii, V. N. Astrov, Soviet historiography of the 1920s.

For citation: Nikulenkova, E. V. (2023). Aleksandr Nikolaevich Slepkov: podavavshij nadezhdy, no nesostojavshijsja istorik [Alexander Nikolayevich Slepkov: a promising but unfulfilled historian]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 168–191. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_168

References

1. *O tak nazyvaemoj «antipartijnoj kontrrevolyucionnoj gruppe pravyh Slepкова i drugih («buharinskaya shkola»)»* (1990) [About the so-called "anti-party counter-revolutionary right-wing group of Slepkov and others ("Bukharin school")] // *Izvestiya CK KPSS* [Bulletin of the Central Committee of the CPSU]. No. 2. Pp. 32–48. (In Russ.)
2. *Istoriya Vsesoyuznoj kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkij kurs. Pod redakciej Komissii CK VKP(b)* (1938) [History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short course]. Moscow: State Publishing House of Political Literature. (In Russ.)
3. Nikulenkova, E. V. (2011) *Sovetskaya istoricheskaya nauka (1917–1991 gg.)* [Soviet historical science (1917–1991)]. Saint-Petersburg: Pushkin Leningrad State University. (In Russ.)
4. Nikulenkova, E. V. (2014) «Buharinskij bum» v otechestvennoj istoriografii perioda «perestrojki» (koniec 1980-h – nachalo 1990-h gg.) ["Bukharin boom" in Russian historiography of the "perestroika" period (late 1980s – early 1990s)] // *Chelovek v istorii: massovoe soznanie i povsednevnyaya zhizn' rossijskogo obshchestva* [Man in history: mass consciousness and everyday life of Russian society]. Saint-Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 130–134. (In Russ.)
5. Koen, S. (1988) *Buharin. Politicheskaya biografiya. 1888–1938* [Bukharin. Political biography. 1888–1938]: Moscow: Progress. (In Russ.)
6. YАkovleva, T. (1988) *Pervyj redaktor. Neizvestnaya stranica istorii «Komsomol'skoj pravdy»* [First editor. Unknown page in the history of Komsomolskaya Pravda] // *Komsomol'skaya pravda*. 24.05 (In Russ.)
7. Yakovleva, T. (1988) «Mogu vspominat', ne tayas'...» ["I can remember without hiding..."] // *Komsomol'skaya pravda*. 09.07 (In Russ.)
8. YАkovleva, T. (1990) *ZHizn' i smert' Aleksandra Slepкова* [The life and death of Alexander Slepkov] // *Komsomol'skaya pravda*. 08.04 (In Russ.)
9. *Reabilitaciya: Polit. processy 30–50-h godov* (1991) [Rehabilitation: Polit. processes of the 30s – 50s]. Moscow: Politizdat. (In Russ.)
10. Rogovin, V. Z. (1993) *Vlast' i oppozitsiya* [Power and opposition]. Moscow: Tovarishchestvo «ZHurnal "Teatr"». (In Russ.)
11. Nikulenkova, E. V. (2002) *Institut krasnoj professury i "buharinskaya shkola"* [Institute of Red Professors and "Bukharin School"] // *VI Carskosel'skie chteniya* [VI Tsarskoye Selo Readings]. Nauchno-teoreticheskaya mezhvuzovskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem. 23–24 aprelya Saint-Petersburg. In 4 vols. / ed. V. N. Skvorcov. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Vol. 4. Pp. 120–128. (In Russ.)
12. Nikulenkova, E. V. (2014) *Istoricheskoe otdelenie Instituta krasnoj professury v 1920-e gg.* [Historical Department of the Institute of Red Professors in the 1920s] // *Novejshaya istoriya Rossii* [Contemporary History of Russia]. No. 1. Pp. 108–123. (In Russ.)
13. «*Pricegonstvo nadoelo do smerti ...» (iz dnevnika I. I. Litvinova. (1922 g.)* (1993) ["Ptegonstvo tired to death..." (from the diary of I. I. Litvinov. (1922))] // *Neizvestnaya Rossiya. XX vek.* [Unknown Russia. XX century]. Book 4. Moscow: Moskovskoe gorodskoe ob'edinenie arhivov. Pp. 81–139. (In Russ.)
14. Ermolaev, A. I. (2004) *Nauchnaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' Vasiliya Nikolaevicha Slepкова* [Scientific and pedagogical activities of Vasily Nikolaevich Slepkov] // *Institut istorii, estestvoznaniya i tekhniki im. S. I. Vavilova* [S. I. Vavilov Institute of His-

tory, Natural Science and Technology]. *Godichnaya nauchnaya konferenciya*. Moscow: Dipol'-T. Pp. 195–197. (In Russ.)

15. Ermolaev, A. I. (2019) *Genetik Vasilij Nikolaevich Slepkov: dokumental'nye shtrih k portretu* [Geneticist Vasily Nikolaevich Slepkov: documentary details to the portrait] // *Istoriko-biologicheskije issledovaniya* [Historical and biological research]. Vol. 11. No. 3. Pp. 30–67. (In Russ.)

16. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj federacii* (GARF). [State Archive of the Russian Federation]. F. R5284. Op. 1. D. 153.

17. Slepkov, A. N. (1922) *Agrarnyj vopros v Rossii pered revolyuciej 1905–1907 gg.* [The agrarian question in Russia before the revolution of 1905–1907]. Petrograd: Komm. univer. im. G. E. Zinov'eva. (In Russ.)

18. Slepkov, A. N. (1925) *Agrarnyj vopros v Rossii pered revolyuciej 1905–1907 gg.* [The agrarian question in Russia before the revolution of 1905–1907]. Har'kov: Proletarij. (In Russ.)

19. Slepkov, A. N. (1924) *K tret'ej godovshchine Kronshtadtskogo myatezha* [On the third anniversary of the Kronstadt rebellion] // *Bol'shevik*. No. 1. Pp. 34–47; No. 2. Pp. 20–28. (In Russ.)

20. Slepkov, A. N. (1923) *K evolyucii polozheniya o Gosudarstvennoj dume* [On the evolution of the regulation on the State Duma] // *Trudy Instituta krasnoj professury Raboty seminariev filozofskogo, ekonomicheskogo i istoricheskogo za 1921–1922 gg.* [Proceedings of the Institute of red professors. Works of the Philosophical, Economic and Historical Seminars for 1921–1922]. Moscow-Petrograd: Gosud. izdatel'stvo. Vol. 1. Pp. 247–275.

21. Slepkov, A. N. (1923) *Klassovyje protivorechiya v I Gosudarstvennoj Dume* [Class contradictions in the First State Duma]. Petrograd: Komm. univer. im. G. E. Zinov'eva. (In Russ.)

22. Slepkov, A. N. (1924) *Lenin – partiya – proletariat* [Lenin – party – proletariat] // *Sputnik kommunista* [Communist's Companion]. No. 7. Pp. 46–51. (In Russ.)

23. Slepkov, A. N. (1923) *Lenin kak uchenyj – revolyucioner* [Lenin as a scientist – revolutionary] // *Sputnik kommunista* [Communist's Companion]. No. 22. Pp. 152–154. (In Russ.)

24. Slepkov, A. N. (1924) *Lenin, krest'yanstvo i socializm v otstaloj strane* [Lenin, peasantry and socialism in a backward country] // *Sputnik kommunista* [Communist's Companion]. No. 28. Pp. 40–59. (In Russ.)

25. Slepkov, A. N. (1925) «*Ne soglasny!*» (*Otvet t. Pokrovskomu*) [“We don't agree!” (Answer to Comrade Pokrovsky)] // *Bol'shevik*. No. 5–6. Pp. 65–72. (In Russ.)

26. Slepkov, A. N. (1924) *O leninizme* [On Leninism] // *Sputnik kommunista* [Communist's Companion]. No. 2–3. Pp. 89–97; No. 4–5. Pp. 84–89. (In Russ.)

27. Slepkov, A. N. (1924) *Ob uklo nah i vozmozhnyh putyah vozmozhnogo pererozhdeniya* [On deviations and possible ways of possible rebirth] // *Bol'shevik*. No. 3–4. Pp. 15–28; No. 7–8. Pp. 40–43. (In Russ.)

28. Slepkov, A. N. (1923) *Plekhanov v epohu bor'by «Pravdy» s likvidatorstvom* [Plekhanov in the era of “Pravda”'s struggle against liquidationism] // *Sputnik kommunista* [Communist's Companion]. No. 24. Pp. 218–225. (In Russ.)

29. Slepkov, A. N. (1923) *Problema vlasti v 1917 godu i Lenin* [The problem of power in 1917 and Lenin] // *Sputnik kommunista* [Communist's Companion]. No. 25. Pp. 82–99. (In Russ.)

30. Slepkov, A. N. (1923) *Problema vlasti v revolyucii 1905–7 gg. i Lenin* [The problem of power in the revolution of 1905–7 and Lenin] // *Sputnik kommunista* [Communist's Companion]. No. 22. Pp. 133–151. (In Russ.)

31. Slepkov, A. N. (1924) *Recenziya na knigu M. N. Pokrovskogo «Bor'ba klassov i russkaya istoricheskaya literatura»* [Review of the book by M. N. Pokrovsky "The Struggle of Classes and Russian Historical Literature"] // *Bol'shevik*. No. 1. Pp. 139–141. (In Russ.)

32. Slepkov, A. N. (1924) *Recenziya na knigu M. Pokrovskogo «Ocherki po istorii revolyucionnogo dvizheniya v Rossii XIX i XX vv.»* [Review of the book by M. Pokrovsky "Essays on the history of the revolutionary movement in Russia in the 19th and 20th centuries"] // *Bol'shevik*. No. 14. Pp. 113–122. (In Russ.)

33. Grigorov, G. I. (2005) *Povoroty sud'by i proizvol: Vospominaniya. 1905–1927* [Twists of fate and arbitrariness: Memoirs. 1905–1927]. Moscow: OGI. (In Russ.)

34. Nikulenkova, E. V. (2018) *Podgotovka filosofov-marksistov v Institute krasnoj professury v 1920-e gg.* [Training of Marxist philosophers in the Institute of Red Professors in the 1920s] // *KLIO*. No. 6 (138). Pp. 94–101. (In Russ.)

35. Boyarchikov, A. I. (2003) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: AST. (In Russ.)

36. Astrov, V. N. (1969) *Krucha* [Steep]. Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russ.)

37. GARF. F. R5284. Op. 1. D. 2.

38. GARF. F. R5284. Op. 1. D. 102.

39. Pokrovskij, M. N. (1924) *O pol'ze kritiki, ob absolyutizme, imperializme, muzhickom kapitalizme i prochem* [On the benefits of criticism, on absolutism, imperialism, peasant capitalism, and other things] // *Pod znamenem marksizma* [Under the banner of Marxism]. No. 12. Pp. 250–259. (In Russ.)

40. Pokrovskij, M. N. (1925) *K voprosu ob osobennostyah istoricheskogo razvitiya Rossii* [On the question of peculiarities of historical development of Russia] // *Pod znamenem marksizma* [Under the banner of Marxism]. No. 4. Pp. 123–141; No. 5–6. Pp. 89–109. (In Russ.)

41. GARF. F. R5284. Op. 1. D. 135.

42. GARF. F. R5284. Op. 1. D. 99.

43. Vesna, A. A. (1930) *O melkoburzhuznykh shataniyah v yachejke IKP* [On petty-bourgeois vacillations in the IKP chapter] // *Pravda* [Pravda]. 31.07. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.03.2023

Одобрена после рецензирования 26.03.2023

Принята к публикации 8.04.2023

«Работал добросовестно и много...» (жизнь и судьба флагмана I ранга А. К. Сивкова)

В. С. Мильбах, Ф. К. Саберов

В судьбах многих флагманов советского Военно-морского флота (ВМФ) массовые политические репрессии 1937–1938 гг. оставили свой трагический след. 17 высших флотских командиров, которые возглавляли наркомат ВМФ, командовали флотами, флотилиями, бригадами кораблей, возглавляли органы управления флота и имели флагманские звания, были арестованы по ложным обвинениям, объявлены «врагами народа» и уничтожены. Однако все они честно и беззаветно служили своей стране, не жалели сил для формирования ВМФ. Существовавший длительное время запрет на ознакомление с материалами архивно-следственных дел репрессированных препятствовал формированию историографии темы репрессий в ВМФ накануне Второй мировой войны, не позволил изучить судьбу каждого из репрессированных командиров (начальников). В статье на основе результатов исследования архивных документов представлены этапы жизненного пути одного из видных советских флотоводцев – флагмана I ранга А. К. Сивкова.

Ключевые слова: А. К. Сивков, гардемарин-механик, броненосный крейсер, морские силы Балтийского моря, командно-начальствующий состав, арест, расстрел, реабилитация.

Для цитирования: Мильбах В. С., Саберов Ф. К. «Работал добросовестно и много...» (жизнь и судьба флагмана I ранга А. К. Сивкова) // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 192–212. DOI 10.35231/25422375_2023_2_192

Введение

Обострившаяся во второй половине 1930-х гг. в Советском Союзе внутривойсковая обстановка не могла не затронуть вооруженные силы страны. Расширяющийся процесс преследования в армии и на флоте политически неблагонадежных привел к массовым увольнениям по политическим мотивам и арестам командно-начальствующего состава. На флоте в первую очередь репрессиям были подвергнуты те командиры (начальники), кто начинал службу в Российском императорском флоте, т.е. те специалисты, на опыте и знаниях которых во многом держался советский Военно-морской флот. Одним из таких руководителей являлся флагман I ранга Александр Кузьмич Сивков, выпускник Морского инженерного училища, командующий Краснознаменным Балтийским флотом.

В отечественной историографии проблема политических репрессий на флоте в 1937–1938 гг. не подвергалась комплексному исследованию, но о судьбах отдельных представителей ВМФ содержатся сведения в исследованиях В. Раппопорта и Ю. Геллера в книге «Измена Родине» [1], в работе Б. А. Викторова «Без грифа «секретно». Записки военного прокурора» [2]. Фундаментальным трудом по теме репрессий в Красной армии и на флоте является монография О. Ф. Сувенирова «Трагедия РККА 1937–1938» [3]. Значительный интерес для исследователей проблемы представляют работы Н. С. Черушева, особенно составленные им биографические словари репрессированных военных деятелей, стоявших у истоков создания Красной армии и флота, вложивших много сил, энергии и таланта в их дальнейшее развитие и совершенствование [4; 5].

Представляют интерес для изучения темы массовых политических репрессий командно-начальствующего состава на флоте опубликованные в 2000-х гг. работы отечественных исследователей В. В. Горохова [6], А. Г. Сапожникова, Д. Р. Чуракова [7], С. С. Близначенко [8], а также зарубежных авторов П. Вечоркевича [9] и Я. Войтковяка [10].

Немаловажное значение для исследования темы политических репрессий на флоте имеют сборники воспоминаний и очерков [11], а также источники личного происхождения – мемуары участников тех событий. Прежде всего это воспоми-

нания известных флотоводцев: Н. Г. Кузнецова [12], Г. Н. Холостякова [13], В. А. Андреева [14], И. В. Касатонова [15].

Несмотря на сохраняющуюся популярность темы массовых политических репрессий в Красной армии и флоте в 1937–1938 гг. и накопленный объем литературы по ней, некоторые важные вопросы еще остаются недостаточно исследованными. В частности, находятся в тени забвения фамилии многих военачальников, занимавших в 1930-е гг. высокие должности в управлениях наркомата обороны, в военных округах и на флотах. Нуждаются в уточнении биографические данные о репрессированных советских флотоводцах высшего звена, сведения о судьбах флагманов ВМФ, ставших жертвами политического террора накануне Второй мировой войны.

Результаты

Александр Кузьмич Сивков родился в Кронштадте 27 августа (8 сентября) 1892 г. В метрической книге Андреевского собора в Кронштадте указано, что он родился в семье «состоящего в запасе Онежской местной команды ефрейтора Косьмы Михайлова Сивкова и законной жены его Евдокии Васильевой» [16, л. 2]. Отец Александра в этот период был управляющим лесной биржей в Кронштадтском порту, но к купеческому сословию не принадлежал; потому в метрике и была сделана запись об «отставном ефрейторе».

В 10-летнем возрасте в августе 1902 г. Александр Сивков поступил в Кронштадтскую классическую гимназию. В аттестате зрелости, выданном ему 27 мая 1909 г., указано, что он «при отличном поведении кончил полный восьмиклассный курс», получив отличные оценки по большинству предметов, и лишь по двум – латыни и французскому – были «четвёрки», что, впрочем, не помешало Александру получить серебряную медаль. Это давало преимущество при поступлении в высшее учебное заведение. А. К. Сивков подал документы в два высших учебных заведения: императорский Петербургский университет и Морское инженерное императора Николая I училище в Кронштадте. Он был принят в оба учебных заведения, но выбрал Морское инженерное училище. В октябре 1909 г. Александр Кузьмич надел морскую форму. Избранию военной карьеры способствовала сама жизнь в Кронштадте – городе военных

моряков. Примером служил и старший брат Пётр, окончивший в 1907 г. Военно-медицинскую академию и служивший младшим врачом на крейсере «Диана».

Во время учёбы отметки Александра Сивкова не опускались ниже 10 баллов (по 12-балльной системе). Поведение его было безупречным; в журнале взысканий, куда заносились даже самые незначительные проступки гардемарина, в апреле 1913 г. появилась единственная запись: «не подвергался» [17, л. 6]. Летние практические плавания, проходившие в Финском заливе, гардемарин-механик (произведён 14 августа 1910 г.) А. К. Сивков провёл без замечаний. Успехи Александра в службе и учёбе были отмечены нашивками младшего унтер-офицера.

15 апреля 1913 г., по окончании теоретического курса училища, приказом по флоту и Морскому ведомству № 105 Александр Сивков был произведён в корабельные гардемарины-механики (в одной из статей, посвящённых А. К. Сивкову, есть такая фраза: «поступил на механическое отделение Морского инженерного училища, которое окончил в 1913 году, получив чин "гардемарин-механик"» [18], что в корне неверно). Как мы знаем, гардемарин-механиком А. К. Сивков стал ещё в 1910 г. в младшем специальном классе училища, по окончании же училища в 1913 г. – корабельным гардемарин-механиком (отличительная особенность этого воинского звания – широкая полоса вдоль всего погона, как у кондуктора, но с наложенным гардемаринским якорем); кроме того, «гардемарин» – это звание, а не чин, и в «Табель о рангах» не входило.

18 мая 1913 г. циркуляром Главного морского штаба № 144 А. К. Сивков был зачислен в 1-й Балтийский флотский экипаж для практического плавания. С 1907 г. на флоте сложилась система, когда выпускники – «корабельные гардемарины» – направлялись в практическое плавание, во время которого сдавали экзамены на первый офицерский чин мичмана. К экзамену он начал готовиться в ходе «внутреннего плавания» в Финском заливе на броненосном крейсере «Адмирал Макаров» с 15 мая по 25 августа 1913 г.; 26 августа был переведён на броненосный крейсер «Россия», который через месяц, 28 сентября, ушёл в заграничное плавание с группой корабельных гардемарин и учеников класса строевых унтер-офицеров. Как указывал впоследствии Александр Кузьмич,

плавание проходило «в Вест-Индии, Америке и Средиземном море» [19, л. 3]. На самом деле это были два отдельных плавания. В первом – крейсер заходил в английский Плимут, затем на Мадейру; посетили Бриджтаун на английском Барбадосе, острова Сент-Винсент и Санта-Лючия в Вест-Индии. В этот период в аттестационном листе на А. К. Сивкова в графе «Результаты поверочных экзаменов» появилась лишь одна запись: «знание корабля – удовлетворительно». Заполняя графы аттестации, командир «России» отмечал: «Способен. Нравственный. Воспитан. Способность к морской службе – есть. Любовь к морской службе – есть. Дисциплинарен. Распорядителен. Исправность по службе – исправен. Здоров» [17, л. 3]. Помимо командира и старшего офицера крейсера под аттестацией подписались все офицеры корабля.

Очевидно, что экзамен на чин А. К. Сивков сдал вполне успешно. Находясь в плавании, корабельные гардемарины узнали о производстве в офицеры (высочайший приказ № 1219 от 5 октября 1913 г.) [20, л. 2]. А. К. Сивков был произведён в инженер-механики мичманы, оказавшись по старшинству 17-м в выпуске из 44 гардемарин механического отдела училища.

С момента производства А. К. Сивков стал исполнять обязанности вахтенного механика броненосного крейсера «Россия». Условия плавания в тропическом климате Карибского моря были нелёгкими, а несении вахты в машине становилось серьёзным испытанием даже для здорового молодого человека. Побывав в Кингстоне на Ямайке, крейсер ушёл в американский Ньюпорт-Ньюс: там крейсер пробыл с 27 декабря 1913 г. по 22 января 1914 г., ремонтируя повреждения в паровой машине. Затем в тяжёлых штормовых условиях крейсер совершил переход через Атлантику (с заходом на Азорские острова) и 8 февраля 1914 г. прибыл во французский Брест. Через 10 дней крейсер ушёл в германский Киль, откуда вскоре вышел к родным берегам, прибыв в Либаву 1 марта [21].

Пробыв в порту императора Александра III всего восемь дней и приняв на борт учеников машинной школы и слушателей временного штурманского офицерского класса, крейсер «Россия» ушёл во второе заграничное плавание. На этот раз его маршрут пролегал вдоль берегов Европы в Средиземное море с заходами в Плимут, на Мадейру, в Алжир, на Гиерские острова, в Тулон,

Виго, Бирхавен и датский Каллундборг; 29 апреля 1914 г. крейсер возвратился в Кронштадт.

На «России» инженер-механик мичман Сивков встретил начало Первой мировой войны; крейсер ушёл в море 18 июля 1914 г. В составе 2-й бригады крейсеров Балтийского флота он участвовал в набеговых операциях, прикрытии лёгких сил флота, минных постановках в германских водах (январь 1915), причём на выставленных минах подорвался германский лёгкий крейсер. 6 декабря 1915 г. приказом командующего Балтийским флотом А. К. Сивков «за самоотвержение и мужество» был награждён орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом; 18 января 1916 г. награждение было утверждено императорским указом [20, л. 2 об.]. Единственная сохранившаяся аттестация на А. К. Сивкова за период войны датирована 10 сентября 1915 г. и подписана командиром «России» капитаном I ранга К. К. Нехаевым: «Способен к морской службе. Нравственный, положительного характера. Здоровый. Воспитан и дисциплинарен. Хорошо знает своё дело, относится к нему серьёзно и усердно. Командуя машинной ротой, он поддерживает в ней должную дисциплину и порядок. Заведуемая часть в хорошем порядке» [17, л. 8]. Подобные документы, хоть и не в полной мере, всё же дают представление о характере Александра Кузьмича и его отношении к службе.

8 октября 1915 г. А. К. Сивков был назначен на эсминец «Изяслав» трюмным механиком; к новому месту службы он убыл только 3 ноября. Эсминец «Изяслав», принадлежащий ко 2-й серии эсминцев типа «Новик», достраивался на Ревельском заводе акционерного общества «Беккер и Ко». Поскольку эсминец не вошёл ещё в состав флота, должность Сивкова изменилась: с 29 февраля 1916 г. он стал именоваться «непосредственно наблюдающим по механической части за постройкой кораблей в Балтийском море», фактически оставаясь на «Изяславе» и активно участвуя в его достройке. В августе 1916 г. «Изяслав» приступил к испытаниям (фактически продолжались до июня 1917 г.). Деятельность инженер-механика мичмана Сивкова на постройке эсминца была должным образом оценена: приказом командующего Балтийским флотом № 944 от 6 декабря 1916 г. «за труды, понесённые по обстоятельствам военного времени», А. К. Сивков был награждён орденом Св. Анны 3-й

степени; в тот же день высочайшим приказом № 1600 он был произведён в инженер-механики лейтенанты «по линии» (т. е. по выслуге) [20, л. 3].

28 декабря 1916 г. А. К. Сивков был переведён на эскадренный миноносец «Мощный» исправляющим должность судового механика. Фактически же А. К. Сивков оставался на «Изяславе» как минимум до мая 1917 г., хотя это и не нашло отражения в его послужном списке. Будущий адмирал флота Советского Союза И. С. Исаков (весной 1917 г. мичман, назначенный на эсминец «Изяслав» после окончания отдельных гардемаринских классов) вспоминал впоследствии:

В дни Февральской революции 1917 г. я встретился с А. К. Сивковым на заводе Беккера и Ко в Цигельской бухте под Ревелем, на строящемся эсминце «Изяслав», на котором он служил в должности «трюмного механика», в чине мичмана. Сивков с головой ушёл в революционные события, редко бывал на корабле, а больше в Ревеле, во многих комитетах или на митингах... К какой партии тогда принадлежал т. Сивков – не знаю, но по высказываниям и спорам в кают-компаниях – очевидно, ближе всего был к программе большевиков [22, л. 56].

Отметим, что вспыхнувшие в те февральско-мартовские дни 1917 г. в базах флота матросские бунты унесли жизни 65 морских офицеров [23], однако на кораблях, стоявших в Ревеле, никто не пострадал, офицеры не были арестованы и продолжали службу.

В конце апреля или начале мая 1917 г. инженер-механик лейтенант А. К. Сивков убыл к месту нового назначения. Эсминец «Мощный» постройки 1905 г. был «угольным» миноносцем и, конечно, уступал «Изяславу» по многим параметрам. Тем не менее «Мощный» нёс дозорную службу в Финском заливе, участвовал в минных постановках, конвоировал транспорт. А. К. Сивков оставался на «Мощном» и после Октябрьских событий; лишь 13 марта 1918 г., воспользовавшись декретом Совета народных комиссаров о роспуске старой армии, он был «уволён от службы» [24, л. 8]. Исходя из изложенного, можно утверждать, что А. К. Сивков не участвовал в Ледовом походе Балтийского флота (апрель 1918 г.), как это утверждается в некоторых статьях: «в начале 1918 года добровольно вступил в ряды военных

моряков Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ), участвовал в знаменитом Ледовом походе в 1918 году» [18]. А. К. Сивков, демобилизовавшись в марте 1918 г., уехал в Петроград и, естественно, не мог принять участие в переходе кораблей флота из Гельсингфорса в Кронштадт; эсминец «Мощный» вообще был оставлен в Гельсингфорсе из-за невозможности его проводки во льдах. Не вступал А. К. Сивков и «в ряды военморв РККФ», тем более «добровольно», а перешёл на гражданскую службу. Остаётся неизвестным, что послужило причиной его увольнения с флота.

А. К. Сивков больше года проработал на гражданской службе, поступив инженером в механический отдел Мариинского областного управления водного транспорта. В РККФ он вступил не добровольцем, а был призван по мобилизации в мае 1919 г. и принял участие в Гражданской войне; он был назначен флагманским инженер-механиком Чудской флотилии [24, л. 8]. База флотилии, находившаяся в с. Раскопель, со стороны Чудского озера была блокирована кораблями белоэстонцев, а по суше вплотную к базе подошли войска Северо-Западной армии генерала Н. Н. Юденича. Несколько кораблей флотилии были затоплены, некоторые ушли к белым; Чудская флотилия была расформирована, а её имущество было передано на формирование Припятской флотилии с базой в Мозыре. 15 июля 1919 г. флагманским механиком флотилии был назначен А. К. Сивков [24, л. 6].

Припятская флотилия действовала в интересах войск Западного фронта, осуществляя перевозки войск и грузов, оказывая огневую поддержку пехотным частям. В сентябре 1919 г. флотилия была расформирована, корабли и личный состав переданы в состав Днепровской военной флотилии. Флагманским инженер-механиком и одновременно начальником механической части штаба флотилии стал А. К. Сивков. В составе Днепровской военной флотилии он участвовал в боях с войсками генерала А. И. Деникина, против польских войск и с многочисленными бандами на Украине. В феврале 1920 г. А. К. Сивков был принят в члены РКП(б).

21 октября 1920 г. А. К. Сивков был зачислен слушателем механического отдела Военно-морской академии (приказ по академии № 269); в мае 1922 г. по личному желанию он был переведён на военно-морской отдел академии, о чём исследо-

ватели обычно не упоминают. 16 марта 1925 г. он «успешно», как сказано в приказе по флоту и Морскому ведомству № 120, окончил академию и был назначен для стажировки в Морские силы Балтийского моря (МСБМ). После положенного отпуска А. К. Сивков с 1 мая 1925 г. вступил в обязанности помощника командира эсминца «Энгельс»; 4 июня он был переведён помощником командира на эсминец «Зиновьев», а 1 октября того же года назначен командиром эсминца «Сладков» [24, л. 3]. Стоит отметить, что это был первый случай в истории РККФ, когда инженер-механик, перейдя на строевую службу, стал командиром корабля.

5 апреля 1926 г. приказом по МСБМ № 271 А. К. Сивков был переведён командиром на эсминец «Сталин» (частые перемещения по службе были в те годы, к сожалению, обычным явлением). 7 января 1927 г. Сивкова, учитывая его академическое образование, назначили помощником начальника оперативного отдела штаба МСБМ [24, л. 3] (некоторые исследователи почему-то пишут о должности «первого помощника», что совершенно неверно). Безусловно, опыт штабной работы пригодился Александру Кузьмичу в последующей службе. Оперативный отдел штаба флота стал ступенькой для повышения: 10 января 1928 г. он был назначен командиром линкора «Октябрьская революция».

«Линкоровская школа», по мнению командующего МСБМ М. В. Викторова и начальника штаба Л. М. Галлера – «старых» линкоровцев, была необходима флотскому командиру для продвижения по службе. А. К. Сивков командовал «Октябрьской революцией» с января 1928 г. по март 1930 г., совмещая командование с должностью военного комиссара (с декабря 1929 г.). В период службы не обошлось без происшествий: летом 1928 г. линкор был протаранен крейсером «Аврора» на большом кронштадтском рейде, получив пробоину; в июне 1929 г. при перекладке руля на циркуляции линкор потерял большой руль (в сухом доке впоследствии поставили руль с недостроенного линкора «Фрунзе»); в июле того же года во время учебных стрельб у одного из 120-мм орудий произошёл т.н. «затяжной выстрел», в результате чего вспыхнул пожар (загорелись полузаряды) и несколько краснофлотцев получили ожоги [25, с. 58]. Можно, конечно, говорить, что эти происшествия послу-

жили основанием к переводу А. К. Сивкова на береговую службу, но документы эту версию не подтверждают.

Адмирал В. Ф. Трибуц впоследствии так вспоминал о «линковском» периоде» службы А. К. Сивкова:

Знаю Сивкова Александра Кузьмича по совместной службе <...> когда он командовал линейным кораблём «Октябрьская Революция», а я плавал на линейном корабле «Марат» старшим помощником. За этот период его командования кораблём мне известно, что он, будучи членом коммунистической партии, успешно справлялся со своими обязанностями. Организация, порядок и дисциплина на корабле были вполне удовлетворительными. Как командир корабля Сивков А. К. пользовался общим уважением личного состава корабля, и несмотря на то, что был офицером-механиком, успешно командовал кораблём [22, л. 58].

Отметим, что различные ЧП преследовали в те годы и другие линкоры. Так, 7 августа 1933 г. на «Марате» из-за преждевременного открытия замка орудия во 2-й башне (после «затяжного» выстрела) начался пожар, грозивший взрывом боезапаса; командир линкора В. И. Иванов принял решение затопить погреба башни, спасая корабль, в результате чего погибли 68 чел. [25, с. 70]. Действия командира были признаны правильными, и он не был отстранён от должности.

Александрю Кузьмичу Сивкову должность начальника Технического управления УВМС РККА была предложена как повышение: в январе 1930 г. высшая аттестационная комиссия наркомата по военным и морским делам СССР посчитала, что он «должности командира линкора вполне соответствует» и «подлежит продвижению на должность начальника Технического управления» [26, л. 52 об.]. Начальник ВМС РККА Р. А. Муклевич в своих рабочих записях за 29 февраля 1930 г. отметил: «Был в Ленинграде. Вызвал к себе Сивкова и сделал ему предложение принять должность начтехупра. Ответа сразу не дал, обещал ответить письменно» [27, л. 45].

25 февраля того же года А. К. Сивков направил Муклевичу письмо:

Дорогой Ромуальд Адамович! Я согласен принять Ваше предложение. Мне хотелось бы только одного – сохранить строевую линию, быть, числиться

по строевой линии. Дело тут не в цвете нашивок, а в праве носить золотые, а не серебряные галуны <...> С командирским приветом А. Сивков.

Такое трепетное отношение к нашивкам плавсостава понятно, учитывая, что А. К. Сивков был ранее инженер-механиком (в царское время механики носили серебряные погоны, в отличие от золотых у строевых офицеров). Р. А. Муклевич это прекрасно понимал; 28 февраля 1930 г. он направил ответное письмо:

Дорогой Александр Кузьмич! Очень рад Вашему согласию. При ближайшем докладе вопрос поставлю перед Наркомом; уверен в положительном решении. Что касается строевой линии и цвета нашивок, то вопрос тут ясен – будет сделано так, как это делается в армии при подобных перемещениях, т.е. сохраняется и внешне, и по существу строевая линия <...> С приветом Р. Муклевич [26, л. 53].

Очевидно, что начальник ВМС РККА хотел видеть именно Сивкова во главе управления, занимавшегося тогда вопросами военного кораблестроения. В своём рапорте от 6 марта 1930 г. на имя наркомвоенмора Р. А. Муклевич писал:

Вынужден категорически просить Вашего согласия на замену Н-ка Техупра т. Власьева. Жестокие сокращения сметы морских сил и загрузка промышленности заказами по коммерческому судостроению создали в его работе такие затруднения, которые он сам устранить не в состоянии <...> Наиболее достойным и единственным кандидатом ему в приемники может быть только нынешний командир линкора «Октябрьская Революция» т. Сивков. Это всесторонне образованный командир с подходящим как техническим, так и строевым образованием и стажем [27, л. 47].

11 марта К. Е. Ворошилов написал на рапорте начальника ВМС свою резолюцию: «Не возражаю против замены т. Власьева т. Сивковым. Командупру провести». 29 марта 1930 г. состоялся приказ о назначении А. К. Сивкова начальником Технического управления ВМС РККА.

В центральном аппарате УВМС РККА А. К. Сивков прослужил в течение пяти лет, занимая ответственные должности: начальник Технического управления (март 1930 г. – февраль 1932 г.), 4-го управления (февраль 1932 г. – апрель 1933 г.), Управ-

ления кораблестроения (апрель 1933 г. – январь 1935 г.), 5-го отдела УВМС РККА (январь – август 1935) [28]. Необходимо отметить, что А. К. Сивков в этот период выезжал в командировки в Германию, Голландию, Францию и Италию для знакомства с верфями и заводами, вёл переговоры о размещении на иностранных верфях советских заказов на постройку боевых кораблей, занимался вопросами покупки проектной документации и ознакомления с новыми технологиями в кораблестроении. Изучение документов (письма А. К. Сивкова, отчёты о командировках и т.п.), хранящихся в Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ), позволяет более подробно осветить деятельность Александра Кузьмича в эти годы. Заслуги его в области военного кораблестроения были отмечены орденом Красной Звезды (23 декабря 1935 г.).

Александр Кузьмич, безусловно, стремился к возвращению на действующий флот (вспомним его отношение к «строевой линии»). 20 августа 1935 г. А. К. Сивков был назначен начальником штаба Краснознамённого Балтийского флота вместо отстранённого от должности И. С. Исакова. Причиной освобождения от должности послужила гибель подводной лодки Б-3 (бывшая «Рысь») со всем экипажем в 55 чел. (в т.ч. группой курсантов), протараненной линкором «Марат» ночью 25 июля 1935 г. во время учений в Финском заливе [25, с. 71]. К трагедии привели не столько ошибки, допущенные командирами обоих кораблей (А. П. Голоднов и А. Ф. Леер), сколько фактор «начальственного присутствия». И. С. Исаков находился в момент столкновения на кормовом мостике «Марата» вместе с наркомом обороны СССР К. Е. Ворошиловым, командиром бригады линкоров Г. И. Левченко и командиром 2-й бригады подлодок П. А. Штейнгаузен; в тот момент, когда Б-3, имитировав торпедную атаку, нырнула под линкор, кто-то с кормового мостика приказал командиру «Марата» А. Ф. Лееру (находился на ходовом мостике) повернуть влево. Командир линкора беспрекословно выполнил приказ, протаранив всплывавшую с левого борта Б-3. После этой трагедии с должностей были сняты начштаба флота И. С. Исаков, командир «Марата» А. Ф. Леер, командир 2-й бригады ПЛ КБФ А. Ф. Штейнгаузен. Все понимали, кто мог отдать этот идиотский приказ, приведший к трагедии, а кто взял на себя вину. Понимал это и А. К. Сивков,

заменивший И. С. Исакова на посту начальника штаба КБФ, понимал и не забыл.

Воинское звание флагман II ранга было присвоено А. К. Сивкову приказом НКО СССР № 2484 от 26 ноября 1935 г.

Через 1,5 года, в январе 1937 г., командующий КБФ Л. М. Галлер ушёл на повышение в центральный аппарат ВМС, на его место был выдвинут флагман II ранга А. К. Сивков. Тогда же предложение вновь возглавить штаб флота получил И. С. Исаков. Сам он писал впоследствии, что после непродолжительной службы на «Изяславе» весной 1917 г. с Сивковым виделся редко, в основном на совещаниях. «Была ли его инициатива в моём назначении – не знаю, так как никогда с ним близок не был» [22, л. 56]. А. К. Сивков в личных беседах никогда не поднимал эту тему – не такой был характер. С подчинёнными Александр Кузьмич придерживался строго официального тона, что, вероятно, не всем нравилось.

За время знакомства А. К. Сивков показал себя очень энергичным, волевым и честолюбивым человеком, – вспоминал И. С. Исаков. – Однако последнее не отразилось отрицательно на работе, так как он добивался личного успеха тем, что старался поднять боевую подготовку и организацию службы на флоте на более высокий уровень и обогнать другие флоты. При этом он не прибегал к каким-либо обманным методам. Работал добросовестно и много... Он был начитан в политической и специальной области и в отношении общего уровня развития выделялся над другими [22, л. 57].

Одновременно с назначением на должность командующего КБФ А. К. Сивкову было присвоено звание флагмана I ранга (приказ НКО СССР № 375/п от 25.01.1937 г.). В этот период в стране существенно изменилась внутривластная обстановка: в армии и на флоте начались массовые политические репрессии. В прямой связи с этими процессами является и совместное постановление ЦИК и СНК СССР от 10 мая 1937 г. о создании в военных округах и на флотах военных советов, а также введении института военных комиссаров. Во исполнение этого постановления, а также соответствующего приказа наркома обороны 29 мая 1937 г. был сформирован Военный совет КБФ, состоящий из командующего флотом и двух членов [29, л. 265].

С первых дней своего существования Военный совет КБФ был завален потоком донесений командиров и военкомов всех уровней, докладывавших о ходе проведения политической чистки во вверенных им соединениях; приходилось реагировать и на заявления бдительных военнослужащих, сообщающих о вредительской и антисоветской деятельности сослуживцев. Заседания военного совета, на которых А. К. Сивков присутствовал как председатель, становились фактически ежедневными. Военный совет КБФ также рассматривал вопросы увольнения командно-начальствующего состава по политическим мотивам, санкционировал аресты командиров и политработников по спискам, представленными особым отделом (ОО) НКВД КБФ. Следует отметить, что в некоторых случаях ВС КБФ под председательством А. К. Сивкова отказывал в увольнении командиров, считая обвинения в их адрес недостаточными или недоказанными. В июне 1937 г. А. К. Сивков дважды отказал ОО НКВД КБФ в санкции на арест военнослужащих, ограничившись резолюцией: «демобиловать из РККФ». Довольно смелое решение по тем временам, так как авторитет органов НКВД был настолько высок, что заниматься детальным разбирательством дел по каждому командиру из списка, представленному особым отделом, было просто опасно. Подобные решения командующего шли вразрез с мнением особого отдела.

15 июля 1937 г. А. К. Сивков был арестован сотрудниками управления государственной безопасности УНКВД Ленинградской области (УГБ УНКВД ЛО). Следует отметить, что после его ареста военный совет КБФ поддался давлению органов НКВД, послушно санкционируя аресты, т.е. не смог воспрепятствовать репрессиям среди командно-начальствующего состава КБФ.

К моменту ареста А. К. Сивкова у следователей НКВД было уже достаточно компрометирующих материалов. Показания об участии Сивкова в «антисоветском военном заговоре» были получены от начальника ВМС РККА В. М. Орлова (арестован 10 июля 1937 г.), начальника Управления кораблестроения ВМС Б. Е. Алякрицкого (арестован 10 июля 1937 г.), начальника Научно-испытательного института военного кораблестроения (НИИВК) Н. В. Алякринского (арестован 11 июля 1937 г.), заместителя начальника НИИВК Р. М. Бомзе (арестован 11 июля 1937 г.). Все показания были получены путём применения неза-

конных методов следствия или прямого обмана: например, арестованного заставляли стоять в кабинете следователя по 100 ч и более (т.н. «стойка»); или уговаривали подписать признательные показания, так как «это нужно для советской власти», обещая вынесение на суде мягкого приговора и т.п. [22, л. 36].

А. К. Сивков в первые дни после ареста отказывался подписывать признательные показания, но уже через четыре дня «сознался». На допросе 20 июля 1937 г. он показал: «В течение нескольких дней после моего ареста я пытался обмануть следствие и скрыть своё участие в заговоре. Убедившись в бесполезности дальнейшего запирательства, я решил рассказать всю правду о моём участии в заговоре» [22, л. 8]. Далее А. К. Сивкову оставалось лишь подписывать листы заранее отпечатанного на машинке протокола допроса. В нём Александр Кузьмич «признавался» в том, что в несуществующий заговор его завербовал в 1933 г. начальник ВМС РККА В. М. Орлов, а сам он вскоре вовлёк в деятельность заговорщиков других лиц; якобы проводил вредительскую деятельность, направленную «к задержке строительства флота, задержке развития и создания морского оружия»; передавал секретные сведения немецкой разведке через шпиона по фамилии Шпис (вероятно, выдуманный следователями персонаж). Конкретики («пароли, явки, адреса») в показаниях А. К. Сивкова нет, всё описано общими фразами, лишь создающими иллюзию участия в антисоветском заговоре.

Летом 1937 г. на КБФ, как и повсюду в стране, шли массовые аресты. В период 1937–1938 гг. на Балтике были арестованы по сфабрикованным обвинениям 625 лиц командно-начальствующего состава, не менее 1063 чел. было уволено с военной службы по политическим мотивам [30, с. 196]. Никого не смущали совершенно дикие, немислимые обвинения, предъявляемые арестованным, вопиющие нарушения процессуальных норм, нестыковки в показаниях, отсутствие вещественных доказательств. Видимо, А. К. Сивков, как и многие арестованные командиры, надеялся, что во время судебного разбирательства ему удастся доказать свою невиновность. 22 февраля 1938 г. в Ленинграде состоялось закрытое заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством диввоенюриста Иевлева, на котором

А. К. Сивков сообщил суду, что «виновным себя не признаёт. Свои показания на предварительном следствии и все заявления, поданные им на имя НКВД, он не поддерживает и считает их ложными». Александр Кузьмич также заявил, что он не мог завербовать Н. В. Алякринского (начальник НИИ военного кораблестроения) в контрреволюционную организацию в 1932 г., так как он сам, Сивков, был «завербован» в эту организацию, согласно показаниям В. М. Орлова (начальник морских сил РККА), в 1933 г. Показания других лиц в отношении него, Сивкова, не соответствуют действительности, «все эти лица его оговаривают». Выслушав подсудимого, председательствующий предоставил ему последнее слово, в котором А. К. Сивков просил суд «сохранить ему жизнь, чтобы доказать, что он не был врагом» [22, л. 8 об.].

Члены суда удалились на короткое совещание, после которого объявили своё решение: А. К. Сивков по ст. 58-1 «б», 8, 11 УК РСФСР приговаривался к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, с лишением воинского звания «флагман I ранга» и конфискацией всего лично ему принадлежащего имущества. Дело Сивкова рассматривалось в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г., т.е. без участия защиты и без права обжалования приговора. Заседание началось в 14 ч 40 мин, было закрыто в 15 ч 00 мин, т.е. на решение судьбы командующего Балтийским флотом ушло всего 20 мин!

В 1956 г. в процессе пересмотра дела А. К. Сивкова было установлено, что в немецких архивах нет никаких сведений о его шпионской деятельности; все показания против Сивкова, равно как и его собственные признания, не соответствуют действительности; никаких доказательств существования антисоветского военного заговора, как и участия в нём А. К. Сивкова, обнаружено не было. Адмирал флота Советского Союза И. С. Исаков, характеризуя А. К. Сивкова, писал: «Никогда, за время политических выступлений или в повседневной работе, А. К. Сивков не допустил политических ошибок или сомнительных высказываний»; адмирал В. Ф. Трибуц сообщил, что Сивков «был предан нашей Родине и нашей партии, пользовался общим авторитетом и был требовательным адмиралом». Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 10 октября 1956 г. Александр Кузьмич

Сивков был реабилитирован. Приказом министра обороны СССР № 05750 от 27 декабря 1956 г. А. К. Сивков был исключён из списков ВМФ ввиду смерти, приказ наркома ВМФ СССР № 01083 от 11 октября 1938 г. о его увольнении по ст. 44 п. «в» (в связи с арестом) отменён [28].

Обсуждение и выводы

Старший брат А. К. Сивкова тоже был репрессирован по надуманным обвинениям: бригадир-врач Пётр Кузьмич Сивков, начальник санитарной службы ВМУ связи им. Орджоникидзе, был расстрелян в январе 1938 г. Младший брат, Аркадий, избежал репрессий, стал генерал-лейтенантом артиллерии, возглавлял Артиллерийскую академию им. Дзержинского, воевал в Великую Отечественную войну и погиб в ноябре 1944 г. от осколков вражеского снаряда. Супруга Александра Кузьмича – Елена Павловна Сивкова – много лет провела в лагерях и ссылке; она была реабилитирована только в 1956 г. Елена Павловна проживала в Ленинграде и получала пенсию за мужа до своей смерти в январе 1989 г.

Репрессии 1937–1938 гг. нанесли серьёзный урон кадрам советского флота. В связи с вводом в строй большого числа кораблей, построенных в рамках новой кораблестроительной программы, флот остро нуждался в опытных командирах; репрессии же обострили кадровую проблему. Со службы были «изъяты» командиры самого работоспособного возраста – в основном 30–45 лет. Чтобы заполнить образовавшиеся бреши, началось массовое, необоснованное выдвижение молодых командиров на вышестоящие должности, без учёта образования и служебного опыта. Старшие лейтенанты, имевшие за плечами всего 3–4 года службы, становились командирами новейших эсминцев; вчерашние моряки торгового флота после учёбы на курсах назначались на подводные лодки на должности помощников командиров; капитаны III ранга, не имевшие опыта командования соединениями, выдвигались на должности начальников штабов и командующих флотами и флотилиями. Из военно-морских учебных заведений были уволены почти все преподаватели, имевшие опыт дореволюционной службы; на преподавательскую работу стали назначать молодых лейтенантов сразу после выпуска из училища. На командных должностях в РККФ практически не осталось флагманов, имевших

опыт Первой мировой войны, тогда как в немецком «кригсмарине» все командиры соединений и начальники их штабов имели такой опыт, причём в офицерских чинах.

Увеличение количества аварий и чрезвычайных происшествий на флоте вследствие отсутствия должного опыта и знаний командно-начальствующего состава также следует считать результатом политики массовых политических репрессий. Боязнь ответственности в принятии решений, поразившее командование всех уровней, привело к упрощению в вопросах боевой подготовки, чего всегда стремился избегать А. К. Сивков. В отчётах о проведённых учениях периода 1939–1941 гг. регулярно отмечались опасное кораблевождение, неудовлетворительные стрельбы, слабое знание командирами морского театра и своей специальности, падение уровня воинской дисциплины. Эти проблемы проявились в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. и наиболее ярко в начальный период Великой Отечественной войны. Репрессии в отношении флотских командиров, таких как А. К. Сивков, имевших высокую профессиональную подготовку, большой жизненный и служебный опыт, пагубно сказались на боевой готовности сил советского ВМФ.

Список литературы

1. Рапопорт В., Геллер Ю. Измена Родине. М.: Стрелец, 1995. 462 с.
2. Викторов Б. А. Без грифа «секретно». Записки военного прокурора. М.: Юридическая литература, 1990. 387 с.
3. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998. 528 с.
4. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные). 1937–1941. Биографический словарь. М., 2012. 496 с.
5. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА. 1937–1941: Комбриги и им равные. М.: Кучково поле; Икс-Хистори, 2014. 528 с.
6. Горохов В. В., Мильбах В. С., Саберов Ф. К., Чураков Д. Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Черноморский флот. СПб.: Издательско-полиграфический комплекс «Гангут», 2017. 340 с.
7. Мильбах В. С., Сапожников А. Г., Чураков Д. Р. Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. Северный флот. СПб.: Издво С.-Петербургского университета, 2014. 216 с.
8. Близниченко С. С. Боевая летопись Военно-морского флота Советского Союза: потери в результате репрессий 1930-х годов. Краснодар, КубГТУ, 2010. 282 с.
9. Wieczorkiewicz P. P. Lancuch smierci. Czystka w Armii Czerwonej 1937–1939. Oficyna Wydawnicza RYTM. 2001. 700 s.

10. Wojtkowiak J. Polacy I Litwini, oficerowie Armii Czerwonej w latach 1922–1941. Warszawa, 2015. 660 s.

11. Флагманы. Серия Временем разрешено. Сборник воспоминаний и очерков. М.: Воениздат 1991. 283 с.

12. Кузнецов Н. Г. Накануне. М.: АСТ. 2003. 574 с.

13. Холостяков Г. Н. Вечный огонь. М.: Воениздат. 1976. 415 с.

14. Андреев В. А. Моря и годы. Рассказы о былом. М.: Воениздат. 1982. 286 с.

15. Касатонов И. В. Флот выходит в океан. СПб.: Астра-Люкс, 1995. 324 с.

16. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 434. Оп. 2. Д. 1764.

17. РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 17. Д. 232.

18. Близниченко С. С. «Вы сделали из меня шпиона... и это Вам партия не простит». Судьба командующего Балтийским флотом флагмана 1 ранга А. К. Сивкова // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 9. – С. 53.

19. РГА ВМФ. Ф. р 352. Оп. 2. Д. 183.

20. РГА ВМФ. Ф. 406. Оп. 10. Д. 73 «с».

21. Мельдер И. И. Заграничные походы крейсера «Россия» в 1913–1914 годах // Гангут. – 2014. – Вып. 81. – С. 127–136.

22. Архив Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (УФСБ по СПб и ЛО). Д. П-18729.

23. Саберов Ф. К. Трагедия Балтийского флота. Матросский бунт 1917 г. СПб.: ИПК «Гангут», 2018. 240 с.

24. РГА ВМФ. Ф. р2192. Оп. 4. Д. 2981.

25. Васильев А. В. Первые линкоры Красного флота. «Марат», «Октябрьская Революция», «Парижская Коммуна». М.; «Луза», «Коллекция», «Эксмо», 2008. 141 с.

26. РГА ВМФ. Ф. р1483. Оп. 1. Д. 100.

27. РГА ВМФ. Ф. р1483. Оп. 1. Д. 88.

28. Центральный военно-морской архив (филиал Центрального архива МО РФ). Учётно-послужная карта А. К. Сивкова.

29. РГА ВМФ. Ф. р92. Оп. 4. Д. 911.

30. Мильбах В. С., Саберов Ф. К. Политические репрессии командно-начальствующего состава. 1937–1938. Краснознаменный Балтийский флот. СПб.: ИПК «Гангут», 2016. 384 с.

"I worked conscientiously and a lot..." (The life and fate of the 1st rank flagship A. K. Sivkov)

Vladimir S. Milbach, Fyodor K. Saberov

The mass political repressions of 1937–1938 left their tragic mark on the fate of many flagships of the Soviet Navy (Navy). 17 senior naval commanders who headed the People's Commissariat of the Navy, commanded fleets, flotillas, brigades of ships, headed the fleet management bodies and had flagship titles, were arrested on false charges, declared "enemies of the people" and destroyed. However, all of them honestly and selflessly served their country, spared no effort to form the Navy. The ban on familiarization with the materials

of archival and investigative cases of the repressed for a long time prevented the formation of the historiography of the topic of repression in the Navy on the eve of World War II, did not allow to study the fate of each of the repressed commanders (chiefs). Based on the results of the study of archival storage documents, the article presents the life path of one of the prominent Soviet naval commanders – the flagship of the 1st rank A. K. Sivkov.

Key words: A. K. Sivkov, mechanic midshipman, armored cruiser, Baltic Sea Naval Forces, commanding officers, arrest, execution, rehabilitation.

For citation: Milbach, V. S., Saberov, F. K. (2023). "Rabotal dobrosovestno i mnogo..." (zhizn' i sud'ba flagmana I ranga A. K. Sivkova) ["I worked conscientiously and a lot..." (The life and fate of the 1st rank flagship A. K. Sivkov)]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 192–212. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_192

References

1. Rapoport, V., Geller Yu. (1995) *Izmena Rodine* [Treason to the Motherland]. Moscow: Strelec. (In Russ.)
2. Viktorov, B. A. (1998) *Bez grifa «sekretno»: Zapiski voennogo prokurora* [Without the "secret" stamp: Notes of the military prosecutor]. Moscow: Izd-vo Yuridicheskaya literatura. (In Russ.)
3. Suvenirov, O. F. (1998) *Tragediya RKKA 1937–1938* [The tragedy of the Red Army 1937–1938]. Moscow: TERRA. (In Russ.)
4. Cherushev, N. S., Cherushev, Yu. N. (2012) *Rasstrelyannaya elita RKKA (komandarmy 1-go i 2-go rangov, komkory, komdivy i im ravnye). 1937–1941. Biograficheskij slovar'* [The executed elite of the Red Army (1st and 2nd rank commanders, komkor, komdiv and their equals). 1937–1941]. Moscow. (In Russ.)
5. Cherushev, N. S., Cherushev, Yu. N. (2014) *Rasstrelyannaya elita RKKA. 1937–1941: Kombrigi i im ravnye* [The executed elite of the Red Army. 1937–1941: Brigade commanders and their equals]. Moscow: Kuchkovo pole; Iks-Histori. (In Russ.)
6. Gorohov, V. V., Mil'bah, V. S., Saberov, F. K., Churakov, D. R. (2017) *Politicheskie repressii komandno-nachal'stvuyushchego sostava, 1937–1938 gg. Chernomorskiy flot* [Political repressions of the commanding staff, 1937–1938. Black Sea Fleet]. St. Petersburg: Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks "Gangut". (In Russ.)
7. Mil'bah, V. S., Sapozhnikov, A. G., Churakov, D. R. (2014) *Politicheskie repressii komandno-nachal'stvuyushchego sostava, 1937–1938 gg. Severnyy flot* [Political repressions of the commanding staff, 1937–1938. The Northern Fleet]. St. Petersburg: Izd-vo S-Peterburgskogo universiteta. (In Russ.)
8. Bliznichenko, S. S. (2010) *Boevaya letopis' Voennno-morskogo flota Sovetskogo Soyuza: poteri v rezul'tate repressij 1930-h godov* [Combat Chronicle of the Navy of the Soviet Union: losses as a result of the repressions of the 1930s]. Krasnodar, KubGTU. (In Russ.)
9. Wiczorkiewicz, R. R. (2001) *Lancuch smierci. Czysztka w Armii Czerwonej 1937–1939* [The chain of death. Purge in the Red Army in 1937–1939]. Oficyna Wydawnicza RYTM. (In Pol.)
10. Wojtkowiak, J. (2015) *Polacy I Litvini, oficerowie Armii Czerwonej w latach 1922–1941* [Polish and Lithuanian officers in the Red Army in 1922–1941]. Warszawa. (In Pol.)
11. Gruppa avtorov (1991) *Flagmany. Seriya Vremenem razresheno. Sbornik vospominanij i ocherkov* [Flagships. The time series is allowed. Collection of memoirs and essays]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
12. Kuznecov, N. G. (2003) *Nakanune* [On the eve of the events]. Moscow: AST. (In Russ.)
13. Holostyakov, G. N. (1976) *Vechnyj ogon'* [Eternal flame]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
14. Andreev, V. A. (1982) *Morya i gody. Rasskazy o bylom* [Seas and years. Stories of the past]. Moscow: Voenizdat. (In Russ.)
15. Kasatonov, I. V. (1995) *Flot vyhodit v okean* [The fleet goes to the ocean]. St. Petersburg: Astra-Lyuks. (In Russ.)
16. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv Voennno-morskogo flota (RGA VMF). F. 434. Op. 2. D. 1764.
17. RGA VMF. F. 873. Op. 17. D. 232.

18. Bliznichenko, S. S. (2013) «*Vy sdelali iz menya shpiona... i eto Vam partiya ne prostit*». *Sud'ba komanduyushchego Baltijskim flotom flagmana 1 ranga A. K. Sivkova* ["You have made a spy out of me... and the party will not forgive you for that." The fate of the commander of the Baltic Fleet of the flagship of the 1st rank A. K. Sivko]. *Voенно-istoricheskij zhurnal* [Military Historical Journal]. No. 9. P. 53. (In Russ.)

19. RGA VMF. F. r352. Op. 2. D. 183.

20. RGA VMF. F. 406. Op. 10. D. 73 «с».

21. Mel'der, I. I. (2014) «*Zagranichnye pohody krejsera «Rossiya» v 1913–1914 godah*» [Заграничные походы крейсера «Россия» в 1913–1914 годах]. *Gangut*. Vol. 81. Pp. 127–136. (In Russ.)

22. Arhiv Upravleniya FSB po Sankt-Peterburgu i Leningradskoj oblasti (UFSB po Spb i LO). D. P-18729.

23. Saberov, F. K. (2018) *Tragediya Baltijskogo flota. Matrosskij bunt 1917 g.* [The tragedy of the Baltic Fleet. The Sailors' Revolt of 1917]. St. Petersburg: IPK "Gangut". (In Russ.)

24. RGA VMF. F. r2192. Op. 4. D. 2981.

25. Vasil'ev, A. V. (2008) *Pervye linkory Krasnogo flota. «Marat», «Oktjabr'skaya Revolyuciya», «Parizhskaya Kommuna»* [The first battleships of the Red Fleet. "Marat", "October Revolution", "Paris Commune"]. Moscow: "Yauza", "Kollekciya", "Eksmo". (In Russ.)

26. RGA VMF. F. r1483. Op. 1. D. 100.

27. RGA VMF. F. r1483. Op. 1. D. 88.

28. Central'nyj voенно-morskoy arhiv (filial Central'nogo arhiva MO RF). Uchyotno-posluzhnaya karta A. K. Sivkova.

29. RGA VMF. F. r92. Op. 4. D. 911.

30. Mil'bah, V. S., Saberov, F. K. (2016) *Politicheskie repressii komandno-nachal'-stvyuyushchego sostava. 1937–1938. Krasnoznamennyj Baltijskij flot* [Political repressions of the commanding staff. 1937–1938. The Red Banner Baltic Fleet.]. St. Petersburg: IPK «Gangut». (In Russ.)

Личный вклад соавторов

Personal co-authors contribution

50/50%

Статья поступила в редакцию 24.01.2023

Одобрена после рецензирования 26.02.2023

Принята к публикации 10.03.2023

Дневник воспитательницы летней детской колонии Петербургской городской думы в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии учительницы П. И. Шишипоровой*

В. А. Веретенко, С. В. Степанов

(публикация, вступительная статья и комментарии)

Публикуемый дневник петербургской учительницы Поликсены Ивановны Шишипоровой, воспитательницы в летней колонии, которая была устроена в 1896 г. Петербургской городской думой в деревнях близ станции Преображенская, дает возможность представить повседневную жизнь первых детских летних лагерей в России. Оздоровительные колонии были направлены на социально-педагогическую поддержку и реабилитацию учащихся из бедных семей. Автор дневника методично описывает условия жизни на даче, распорядок дня детей, характер их питания и занятий. Особое внимание уделяется состоянию здоровья колонистов. Выделив еще во время дороги на дачу наиболее нуждающихся детей, П. И. Шишипорова отдельно отмечает этапы их физического и психологического оздоровления.

Ключевые слова: дневник П. И. Шишипоровой, Петербургская городская дума, детские летние колонии, дача, оздоровление, Н. А. Нечаев.

Для цитирования: Веретенко В. А., Степанов С. В. Дневник воспитательницы летней детской колонии Петербургской городской думы в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии учительницы П. И. Шишипоровой (публикация, вступительная статья, комментарии) // История повседневности. – 2023. – № 2. – С. 213–226. DOI 10.35231/25422375_2023_2_213

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-18-00421.
© Веретенко В. А., Степанов С. В., 2023

Предлагаемый читателям материал – впервые публикуемый дневник петербургской учительницы Поликсены Ивановны Шишипторовой –воспитательницы детей в летней колонии, которая была устроена в 1896 г. Петербургской городской думой в деревнях близ станции Преображенская (ныне пос. Толмачево Лужского района Ленинградской области).

В конце XIX в. городская общественность и гласные Петербургской городской думы озаботились организацией летнего оздоровительного отдыха для болезненных детей из петербургских семей. Создание летних оздоровительных колоний для бедных учащихся было направлено на оказание социально-педагогической помощи и поддержки ребятам, находившимся в неблагоприятных жилищных условиях (сырости, отсутствии света и свежего воздуха), которые нуждались в оздоровлении и социальной реабилитации. Ослабленные агрессивной городской средой, болезненные дети проводили учебный год в переполненных классах учебных заведений в антигигиенических условиях при недостаточном питании. Создатели колоний особо обращали внимание и на педагогические преимущества отправки городских школьников из «беднейших семейств» в деревни. Специалисты подчеркивали важность изоляции детей, даже всего на несколько недель, от привычного семейного окружения, искоренения вредных привычек и асоциальных установок, преимущества знакомства со здоровой сельской средой (свежим воздухом и водой). В результате дети после летнего отдыха в колонии возвращались к привычной жизни – в семью и школу – окрепшими не только физически, но и психически устойчивыми в повседневном поведении [1, с. 54].

С 1892 г. Петербургская городская дума отправляла детей в колонии Общества охранения народного здоровья в Старую Руссу (ныне город Новгородская область), Аренсбург (ныне город Курессааре, Эстония) и Друскеники (ныне город Друскининкай, Литва). В 1895 г. по инициативе члена городской комиссии по народному образованию Петербургской городской думы, вице-председателя Фребелевского общества, присяжного поверенного Николая Александровича Нечаева (1852–1905) в его усадьбе «Калищи» в Лужском уезде Санкт-Петербургской губернии (ныне деревня Калищи Лужского района Ленинградской области) на средства с капитала Лашкевич была устроена ко-

лония на 10 детей (пять мальчиков и пять девочек). Дети много гуляли на свежем воздухе, купались близ имения в р. Оредеж, совмещали подвижные игры с занятиями и чтением под руководством учительницы А. Н. Дементьевой [2, с. 260–261].

На следующий 1896 г. Н. А. Нечаев решил сделать более массовым для петербургских детей успешный опыт организации летнего оздоровительного отдыха. На средства городской думы и капитала Галнберг он начал подготовку для устройства девяти колоний под Лугой и одной под Выборгом [3, с. 157–158].

Первоначально необходимо было решить проблему педагогического штата для работы в 10 колониях, для этого им были набраны воспитатели-заведующие из числа учительниц городских начальных училищ. Среди них были учительницы 12-го Спасского мужского училища Александра Николаевна Дементьева, 3-го Коломенского женского училища – Анна Ивановна Лаврентьева, 8-го Выборгского женского училища – Екатерина Дмитриевна Сергопольцева, 5-го Коломенского мужского училища – Федосия Ивановна Паславская, 11-го Коломенского мужского училища – Анастасия Семеновна Васильева, кандидатки Антонина Александровна Лешукевич, Поликсения Ивановна Шишимторова, сельская учительница Александра Андреевна Бахвалова, окончившая Фребелевские педагогические курсы Екатерина Александровна Клодницкая и Анна Владимировна Афанасьева. Для оказания медицинской помощи была нанята фельдшерница. Все приглашенные Нечаевым воспитатели должны были получать по 25 р. ежемесячно. Заведыванием счетоводческой частью, наймом дач и покупкой инвентаря занималась учительница А. Н. Дементьева [4, с. 6, 9].

Устройство колоний было решено сделать по опыту работы санитарных колоний, открытых в 1881 г. в Варшаве кружком врачей по инициативе доктора Станислава Маркевича, к 1900 г. таких колоний насчитывалось 12, где находилось летом 2970 детей (1611 мальчиков и 1359 девочек), их деятельность считалась «образцовой» [5, с. 178].

Для первого набора в колонию ее педагогический коллектив решил набрать 250 детей из городских училищ, которые происходили из бедных семей, по состоянию здоровья были слабые, малокровные, но не страдающие заразными болезнями. Выбор этих детей был поручен врачам по соглашению

с учительницами. Сверх этих детей набирались ребята за плату в 25 р. за лето [4, с. 7].

Дачи снимались в 12–18 верстах от станции Преображенской близ Ошевенского озера. Местность там была сухая, возвышенная, имелись поля и луга. Колонии располагались в деревнях: Гобжицы, Путятينو, Перечицы, Изори и Колище на берегу р. Оредеж. Всего было образовано девять колоний, еще была создана 10-я под Выборгом на частной даче, предоставленной безвозмездно Е. П. Богдановой-Муравьевой. Семь из лужских колоний были смешанные, а две разделены по гендерному признаку – отдельно для мальчиков и для девочек [4, с. 9–10].

У местных крестьян были наняты дачи с большим крытым балконом в 5–6 комнат и наличием площадки для игры. В дачах, где не имелось балкона, было предложено дачевладельцам их достроить за плату. Перед наймом дачи были осмотрены школьным врачом А. Ф. Палецкой, «признавшей их вполне удовлетворительными в гигиеническом отношении» [цит. по: 4, с. 9]. В каждом доме были установлены козлы для постелей, столы и скамейки, а мебель для дачников, оставленная крестьянами, служила заведующим. Для каждой дачи была нанята прислуга, от которой требовалось при уборке дома привлекать детей [4, с. 9].

В итоге было набрано 260 детей, из них 210 содержались бесплатно, остальные за счет родителей, частных лиц и учительниц, причем среди воспитанников были не только учащиеся школ, но и пансионеров, приютов и окончившие курсы. Во всех лужских колониях было 235 детей (122 мальчика и 113 девочек), в выборгской – 25 мальчиков. В каждой из лужских колоний было от 21 до 30 детей, на большой даче проживало с двумя заведующими до 48 детей [4, с. 10]. Возраст ребят был от 7 до 14 лет, преимущественно с 8 до 12 лет. Перед отъездом их осмотрел школьный врач, измерил рост, вес, данные по каждому ребенку были занесены в контрольно-санитарные листки, куда вносились сведения о заболеваниях и рекомендациях по купанию [4, с. 11].

Основным методом лечения в колониях было новое врачебное направление, получившее название «физико-диетическое» или «физиатрическое». Термин был образован от слова «физиатрика» (Natnrheilkunde, Phisiatrie), под которым понималось

«природное или естественное врачевание». Данный подход предполагал использование в лечебных и оздоровительных целях естественных природных элементов: воды, воздуха, солнца, продуктов питания, а также правильно организованных движений тела, как активных, так и пассивных [6, с. 5–6; 7]. Лето было жарким поэтому дети «купались ежедневно по 2 раза и почти все время ходили босиком, что не вызывало никаких простудных заболеваний» [4, с. 12].

Распорядок дня в колониях был примерно одинаковый. Дети вставали в 7–8 утра, шли на реку или озеро, купались и умывались на мостках, затем в 9 ч пили свежее молоко с хлебом; до 12 ч выполняли домашние работы в колонии, писали письма родителям; обед с 12 до 13 ч, затем прогулка в лес, поле или в имение Нечаева «Калище»; в 16 ч пили молоко или сбитень с хлебом; с 16 до 19 ч играли, купались, работали в колонии и читали; в 19 ч ужинали, затем играли, бегали по дому, чистили обувь, мылись в реке или озере и ложились спать [4, с. 17].

Систематического обучения в колониях не велось, в плохую погоду ближе к осени заведующие читали вслух книги или рассказывали. Книг в колониях недоставало, так как об их покупке в первый год не подумали, поэтому на будущие летние сезоны решено было создать передвижную библиотеку. Многие воспитанники вели дневники летних занятий и наблюдений.

После возвращения из колонии дети должны были пройти осмотр и измерение в весе и росте, но из-за позднего приезда в августе, выпуска из училищ и/или перемены места жительства часть не явилась на осмотр. По итогам медицинского обследования средняя прибавка в росте у мальчиков составила 145 мм, максимум 3 см, у девочек – 1,5 см, максимум 3,5 см. В весе мальчики в среднем прибавили 4,1 ф. (1,85 кг), максимум 11,2 ф. (5 кг), а девочки – 5,7 ф. (2,5 кг), максимум 2,4 ф. (6 кг) [4, с. 12–14]. За время отдыха и лечения дети исцелялись от малокровия, избавлялись от головных болей и припухших лимфатических желез. Школьные врачи положительно оценили итоги деятельности летних детских колоний. Как отмечала врач Р. С. Павлова, дети прибавили в весе и росте, меньше стали жаловаться на головные боли [4, с. 14].

Санитарно-гигиенические условия окрестностей станции Преображенская, прогулки на свежем воздухе, купание в р. Оре-

деж, озёрах, здоровая свежая пища благоприятно воздействовали на петербургских детей.

Заведующие колониями были обязаны вести дневники, в которых характеризовали своих воспитанников, происходившие в них перемены, повседневную жизнь детей и персонала.

На основе опыта Н. А. Нечаева по организации колоний в 1897 г. стали ежегодно работать аналогичные детские оздоровительные летние учреждения: на средства Петербургской городской думы в окрестностях Луги и на р. Неве близ Шлисельбурга открылось 14 колоний. Помимо них по инициативе Фребелевского общества для содействия первоначального воспитания в специально построенном для них здании появились колонии близ станции Преображенская Лужского уезда [3, с. 157–158].

Автор дневника – учительница петербургской городской школы, кандидатка Поликсена Ивановна Шишипторова, выпускница Женского педагогического института (1887) [8, л. 1–3]. В начале XX в. она преподавала в начальном городском училище, проживала на Малоохтинском проспекте, дом 51 [9, с. 654].

Оригинал рукописи хранится в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга – дневники воспитателей детских групп Колодницкой Е., Паславской, Сергопольцевой Е. Д. и Шишиморовой [10, л. 2–8].

Настоящая публикация осуществлена в соответствии с правилами издания исторических документов. Стилль и грамматика рукописи в основном сохранены, за исключением грубых грамматических ошибок, которые авторами публикации исправлены по умолчанию. Публикаторы благодарят за технический набор рукописи лаборанта НОЦ краеведческих исследований ЛГУ имени А. С. Пушкина Т. В. Волгину.

Колония Перечицы, дача Семена Иванова

31 мая к 8 часам утра я отправилась с матушкой на Варшавский вокзал¹, куда уже были заранее отправлены детские слуги. Ломовой извозчик несколько запоздал и когда я приехала на вокзал, то другая колония уже была в сборе и нас ожидала. На вокзале меня окружили родители детей и слезно проси-

¹ Варшавский вокзал – бывший железнодорожный вокзал на начальной станции Петербурго-Варшавской железной дороги в Санкт-Петербурге. В 1859 г. дорога проложена до Пскова (273 км), в 1862 г. открыто движение до Варшавы (Петербург-Варшавская железная дорога). В настоящее время вокзал используется в качестве торгово-развлекательного комплекса.

ли поберечь их детей, а детям велели меня слушаться. Я едва успевала отвечать родителям, нужно было сдать вещи в багаж, а оставалось 10 минут. Сели в отдельные вагоны, раздался последний звонок и поезд тронулся, напутствуемый благословлениями родителей. Расставаясь с родителями многие девочки плакали. Детей колонистов было 30, 17 девочек и 13 мальчиков. Дети сначала дичились друг друга, но потом стали разговаривать, и я издали наблюдала моих будущих питомцев, все это были дети в высшей степени истощенные, худые, бледные, многие из них только что оправались после болезни, особенно обращала на себя внимание Мария Ильина, девочка 11 лет, высокая, но очень худенькая, цвет лица ее был землистый, на худом на лице выдавались скулы (она жила в сыром подвале в Смольном и доктора сказали, что она не поправится, если не пойдет на чистый воздух). Анна Барыгева 9 лет, худенькая, на вид запуганная девочка. Очень плохая была маленькая Зина Филиппова 9 лет, бледная с опухшими веками, можно было подумать, что у нее начинается какая-нибудь болезнь. Крошка Лена Федорова, несмотря на свои 11 лет, выглядела 6-ти летним ребенком, худенькая, забитая девочка (от жестокого обращения отца лежала в больнице). Ольга Винукевич 11 лет, очень высокая девочка, ей можно дать 14 лет, она перенесла 2 раза воспаление в легких, очень бледная и поэтому отправлена в Колонию. Леля Журавлева 10 лет худенькая, бледная девочка, она все время жалуется на боль в ногах. Оля Крылова очень малокровная девочка. Худенькая высокая девочка с задумчивым печальным личиком Маргарита Исаева (девочка, как я думала, страдала пороком сердца). Остальные девочки ничем собственно не выдавались. Мальчиков было 13.

Особенно поражал свою худобой Николай Ефимов. Маленький Миша Ильин 8 лет, худенький очень дикий мальчик, всю дорогу молчал. Очень жалкий Костя Давнер 11 лет, глух на одно ухо и производит впечатление чуть не идиота, всегда испуганный, на вопросы не отвечает. Петя Пайковский очень хорошенький, но чересчур бледный мальчик. Коля Исупов серьезен не по летам. Остальные колонисты ходили друг на друга. Все время пути колонисты ели завтраки, пили, даже со станции принесли нам бутылку воды. На Преображенской¹

¹ Преображенская - станция железной дороги на линии Петербург - Варшава (ныне станция Толмачево Октябрьской железной

вышли из вагонов, вещи положены были на возы и отправлены на дачу, а мы сели на пароход, уже дожидавший колонистов. Было много народу и детей рассадили в две каюты. Дождик накрапывал и нельзя было детям стоять на палубе, но им очень хотелось. Слабые и непривыкшие к долгому пути дети очень истомились. Через 2 ½ часа пароход приехал в село Перечицы и мы вышли на пристань¹. С парохода до дачи было очень близко и в 10 минут были уже дома. Обед был готов (за день была отправлена прислуга) и дети с большим аппетитом принялись за еду. После обеда дети стали устраиваться в своем помещении, с любопытством ходили по комнатам и осматривали свое владение. Дача состояла из 5-ти комнат в 2-х этажах очень удачно расположенными. Мальчики заняли верх, у них 3 комнаты и балкон, комнаты небольшие, но очень уютные, девочки поместились внизу в большой комнате в 5 окон, рядом большая терраса, на которой обедали и пили молоко. Терраса выходит в сад, за садом большая лужайка, где дети играют. Дети очень утомились с дороги и надо было устраивать поскорее постели и их уложить. Дети легли спать, но некоторые не спали, разговаривали, а иные начали плакать, особенно девочки, из них Маня Дворецкая горько плакала о своей больной матери, я не знала, как ее утешить и сказала, что напишу матери письмо, чтобы та приехала.

7 июня. Прошла уже неделя с приезда на дачу и первые дни у некоторых началось расстройство желудка, может непривычка пить сырое молоко или перемена воды, но к счастью это было недолго и от домашних средств прошли.

Дети понемногу начинают свыкаться со своим положением, многие очень довольны, некоторым в первый раз в жизни приходится жить в деревне, их многое удивляет, и они часто обращаются ко мне с самыми наивными вопросами. Мария Дворецкая все еще плачет и скучает. Головешкин вспоминает сестер и тоже плачет. Лена Журавлева очень слаба и после обеда просит позволения прилечь, у нее сильный ревматизм в ногах, она не любит гулять и ложится рано спать. Маргарита Исаева

дороги), близ г. Луги. От станции Преображенская в 70-х г. XIX в. – 80-х XX в. существовала грузовое и пассажирское судоходство по линиям Преображенская – Хилко и Преображенская – Торковичи. На линии курсировали пароходы: «Анна» лужского мешанина Ивана Лагола, «Забава» купца Андрея Плетцера и пароходы П. Я. Дашкова (см.: Степанов С. В. Из истории лужского пароходства // Провинциальные новости. 2015. № 46. 19 ноября. С. 34; Половинкин И. В., Матвеев В. Н. Лужская эра пароходов. 150 лет начала пароходства по Луге и Ордежу // Лужская правда. 2022. № 56. 16 июля. С. 11.

¹ Перечицы – волостной центр Лужского уезда на реке Ордеж, в настоящее время на территории Толмачевского городского поселения Лужского района Ленинградской области.

жалуется на отдышку, ей запрещено много бегать, остальные дети здоровы. Гуляем еще мало, пока устраиваемся. Назначено дежурство, внизу две девочки дежурят по спальне, две девочки по кухне и две за остальным. У мальчиков свои 2 дежурных по спальне и 2 по коридору. Детям нравится дежурство, и они просятся в дежурные. У каждого своего дела: девочки убирают комнаты, чинят белье, вышивают, а мальчики носят дрова, метут сад, ходят в лес резать веники. Работают охотно и усердно, только одна Лика Иванова ничего не делает, по кухне заставила картофель чистить, весь изрезала. Настя Опрыскина прекрасная, усердная девочка, очень любит стирать белье, ей хоть каждый день давай стирать; она также хорошо моет полы и посуду, но очень неосторожная и часто бьет посуду.

10 июня. Сегодня именины мальчика Тимофея Головешкина, сделали пироги для всей колонии, а некоторые из детей, зная, что он сирота и бедный попросили позволить сделать сбор на гостинцы и собрали 50 коп., купили гостинцы и ему отдали. Головешкин всех угощал и был тронут таким вниманием к нему со стороны детей. После угощения дети пели песни, плясали в саду. Головешкин очень доволен, довольны и дети.

14 июня. Дети привыкают, Маша Дворецкая уже не плачет, она очень сдружилась с Олей Крыловой. Вообще дети очень между собой дружны. Все здоровы. Леля Журавлева после обеда не ложится спать, а бегаёт, стала веселее и бодрее. Мария Ильина поправляется, у нее очень хороший аппетит.

19 июня. Целые дни гуляем. День обыкновенно проводили так: в 8 ч. встаем и идем купаться на реку, река неглубока и нет никакой опасности, у берега очень мелко. После купания пьют молоко с булкой, а иногда с хлебом, дежурные по столу убирают и моют посуду, а остальные занимаются, кто чем хочет: маленькие девочки играют в куклы или читают на куполе в саду, побольше штопают чулки и чинят платье, а мальчики роются в огороде (сами для себя устроили, но ничего не выросло, они очень поздно посадили) или делают удочки и идут приготавливаются удить рыбу (я с ними хожу иногда после обеда, но ничего не ловят, так как у берега мелко, а дальше не пускаю). В 1 час обедаем, а после обеда отправляются гулять в ближний лес.

Дорога в лес идет через поле, засеянные овсом, рожью и ячменем. Дети никогда не видали ржи и ко всему присматриваются.

Детям привольно в лесу, они бегают, рвут цветы, собирают ягоды и к вечеру возвращаемся домой усталые, но веселые. Дежурные готовят ужин. После ужина еще немного прогуляют в саду и после общей молитвы укладываются спать.

25 июня. С 25 июня начали заниматься, не более 1 часа в день. Дети занимаются охотно, только одна Лика Иванова не хочет ничего делать, Костя Давнер неузнаваем, он стал разговорчив, не смотрит таким запуганным, видит, что его любят и ласково обращаются, сам стал доверчивым, он любит играть и уже пошаливает.

Все дети здоровы, у Лели Журавлевой лицо стало заметно цветнее, уже она не спит после обеда, ноги не болят и любит бегать. Леля очень завистливая девочка, при ней никого нельзя похвалить. Она первая певунья и очень любит плясать. С бегом дети совершенно свыклись, они чувствуют себя свободными. Дети себя ведут очень хорошо, непослушна немного Серафима Зубинина, всегда запаздывает к молитве, за что лишается купания (для детей это строгое наказание, очень любят купаться).

26 июня. Пришли колонисты из Изори, дети были очень рады гостям и показывали им свое помещение, потом всей колонией пошли провожать до леса¹. По субботам и праздничным дням ходили в церковь Каменского или в свою². Любима прогулка детей в крестьянском лесу, где могут бегать по траве, собирать ягоды. Ягод довольно много, так что даже сварили варенье и сделала пироги.

27 <июня>. У Зины Филипповой очень разболелись зубы и она не пошла в лес, а ей очень хотелось пособирать ягоды, Маргарита Исаева осталась для нее дома, чтобы та не скучала.

28 июня. Дети пошли в лес по дороге к Гобжицам набирать цветы для венков³. В лесу дети разбрелись в разные стороны, мальчики собирали ягоды, а девочки во ржи рвали васильки и плели венки. Домой пришли поздно, дети с нетерпением ожидали 29 <июня>, этот день назначен был для сбора всех колоний.

29 июня. Дети поднялись раньше обыкновенного, суетятся, одевают лучшие платья и после раннего обеда отправляются

¹ Изори – деревня по берегам озер Белого и Безымянного (Изорского) Толмачевского городского поселения Лужского района Ленинградской области. В этой деревне также снимали крестьянские избы под колонию.

² Имеется в виду храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы (арх. Н. В. Дмитриев, 1890–1896) в усадьбе Н. А. Нечаева «Калищи».

³ Гобжицы – деревня Перечичской волости Лужского уезда недалеко от р. Ордеж, здесь также в крестьянском доме была устроена детская летняя колония; ныне деревня на территории Толмачевского городского поселения Лужского района Ленинградской области.

на праздник в Калище¹. Девочки в венках, впереди колонии Коля Жуков, у него в руках флаг колонии (у каждой колонии свой флаг). День выдался чудный. Дети пришли на сборный пункт и здесь пели песни, играли, плясали, смешивались с другими колониями. Ол. <ьга> К. <онстантиновна> Нечаева раздавала гостинцы детям и уже в 6 часов дети разошлись по домам². В этот день они не скоро улеглись, много было разговору.

1 июля. Оля Крылова жалуется, что у нее на руках сыпь, отправила в Калище в больницу и там ее оставили у себя³. Дети жалеют Крылову, а Оля очень плакала и не хотела остаться.

6 июля. Мария Ильина заметно поправилась, загорела и пополнела. Леля Журавлева не жалуется на боль в ногах, все время на воздухе гуляет, ложится не раньше других. Коля Жуков очень поправился, он очень предприимчивый мальчик и выдумывает разные затеи. Любимая игра в театр, зрительный зал – сарай. Зрители довольны игрой. Игру сочиняют сами.

10 июля. Из больницы привели Олю Крылову, она очень рада, что именины проведет со своими подругами.

11 июля. Сегодня день ангела Ольги Константиновой⁴, сильный дождь и дети не могли идти поздравить. Сделали пирог, именинница Оля Крылова накупила гостинцев и всех угощала. Пели песни, плясали и даже был домашний спектакль.

14 июля. Очень жарко, нельзя даже гулять, все сидят в саду. Все дети живут дружно, только Леля Журавлева поспорит с Настей Опрыскиной.

15 июля. Опять именинник у нас Володя Штак, пироги необыкновенные, а маленькая Лена Федорова при своих 10 коп. подарила ему 7 коп.

24 июля. Дети сгребали сено и складывали в сарай, им очень это понравилось, даже ленивая Лика Иванова старалась не отставать от других.

1 августа. Ходили в церковь и на реку на освящение воды⁵. Дети здоровы.

¹ Калище – усадьба строителя колоний Н. А. Нечаева на р. Оредж, ныне поселок Лужского района Ленинградской области.

² Нечаева (ур. Ракусо-Суцеская) Ольга Константиновна (1860–1926) – деятельница женского движения, член комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам, Общества попечительства об учительницах и воспитательницах в России, жена строителя колоний присяжного поверенного Николая Александровича Нечаева.

³ В Калищах Н. А. Нечаевым в 1890-х г. была устроена бесплатная больница для крестьян.

⁴ Имеется в виду О. К. Нечаева.

⁵ Имеется в виду храм во имя Покрова-Пресвятой Богородицы в Калищах. Православный праздник – медовый Спас, Маккавей, народное название праздника Происхождения Честных Древ Креста Господня, Семи мучеников Маккавеев и дня Крещения Руси при великом князе Владимире Святном.

3 августа. Ходили в лес собирать грибы, дети очень любят грибы и их едва дозовешься из лесу домой.

7 августа. Погода изменилась, пошли дожди, дети учатся, а потом играют в театр. Больных нет.

9 августа. Дети получили приглашение идти в Калище к Нечаевым на детский спектакль¹. Дети волнуются, в 1 час обедаем и отправляемся в Калище. Детей провели в зал и посадили маленьких вперед. Шла пьеса «Храбрые воины», участвовал дети Нечаева и колонисты². Играли дружно. Дети были в восхищении. После спектакля раздавали детям яблоки. В этот же день взвешивали детей. Все дети очень поправились и прибавились в весе.

16 августа. Накануне отъезда дети связали свои узелки и в день отъезда встали в 6 часов, собрали остальные вещи и отправились на пароход, который скоро и довез до Преображенской. Сели в вагон, сперва дети приуныли, некоторые стали плакать. Костя Давнер очень плакал, ему хотелось еще пожить на даче, Настя Опрыскина и Оля Крылова были неутешны, чтоб их разнять я Лелю Журавлеву позвала петь песни, и с песнями подъезжали к Петербургу. В вагоне дети стали прощаться с друг другом, прощались со мною и обещались придти ко мне в гости³. За 3 месяца я так сжилась с детьми, что мы представляли, как бы одну семью и мне грустно с ними было расставаться. На вокзале встретили родные, заранее извещенные мною о дне отъезда, они унывали и благодарили меня. Дети за эти 2 ½ месяца, очень поправились, выглядели бодрыми, здоровыми.

Список литературы

1. Веремченко В. А. Летний организованный оздоровительный отдых городских школьников в России на рубеже XIX–XX в. // Столица и провинции: проблемы взаимоотношений центра и регионов в истории России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. В. Карпова. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018 – С. 51–57.

2. Двадцатипятилетие начальных училищ города С.-Петербурга. 1877–1902: отчет Городской комиссии по народному образованию. СПб.: Тип. Шредера, 1904. XXVIII, 460, [3] с.

3. Степанов С. В. Летние детские колонии для детей из петербургских семей во второй половине XIX – начале XX в.: организация, деятельность и санитарно-

¹ Нечаевым устраивали в своем имени «Калищи» детские праздники.

² Вероятно, Владимир – сын Н. А. и О. К. Нечаевых.

³ Точный адрес по данным справочника «Весь Петербург» за 1895–1900 гг. установить не удалось. По данным «Всего Петербурга» на 1901 г. она проживала по адресу: Малоохтинский проспект, дом. 51.

бытовые условия // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XIV Всерос. науч. конф. / отв. ред. С. В. Степанов. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. – Вып. 14. – С. 154–160.

4. Нечаев Н. А. Докладная записка в Городскую комиссию по народному образованию члена Комиссии Н. А. Нечаева и отчеты о деятельности: Городского народного летнего детского сада в С.-Петербурге на Прудках и летних детских санитарных колоний. СПб.: Тип. Училища глухонемых, 1897. 32 с.

5. Щетинина Н. П., Белова О. А. Летние детские колонии в России в конце XIX – начале XX века и их влияние на развитие детей // Модернизация образования: проблемы общего, среднего профессионального и высшего образования: материалы XXVI Рязанских педагогических чтений / под общ. ред. Л. А. Байковой, Н. В. Мартишиной. – Рязань, 2019. – С. 177–181.

6. Каминский В. Б. Друг здоровья. Энциклопедия гигиены и физико-диетического (физиатрического) пользования. Киев: Тип.-лит. Т. Г. Мейндера, 1906. 708 с.

7. Веременко В. А. "В здоровом теле – здоровый ум": физическое воспитание и спорт в столичной дворянско-интеллигентской среде России во второй половине XIX – начале XX в. // История повседневности. – 2022. – № 3(23). – С. 82–102. DOI 10.35231/25422375_2022_3_82.

8. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 918. Оп. 1. Д. 2648.

9. Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на... 1901 год. СПб., [1901]. 913 с., 1902 стб. разд. паг.

10. ЦГИА СПб. Ф. 577. Оп. 1. Д. 6.

Diary of P. I. Shishiptorova, teacher of summer children's colony of St. Petersburg City Duma in the Luga district of St. Petersburg province

Valentina A. Veremenko, Stanislav V. Stepanov

The published diary of Poliksena Ivanovna Shishiptorova, St. Petersburg teacher in the summer colony, arranged in 1896 by the St. Petersburg City Duma in the villages near the Preobrazhenskaya station, makes it possible to represent the daily life of the first children's summer camps in Russia. Improving colonies were aimed at social and pedagogical support and rehabilitation of students from poor families. The author of the diary methodically describes conditions of life in the country, daily routine of children, their food and activities. Particular attention is paid to colonists' health. Having singled out the most needy children during the journey to the dacha, P. I. Shishiptorova separately notes the stages of their physical and psychological recovery.

Key words: diary of P. I. Shishiptorova, St. Petersburg City Duma, children's summer colonies, dacha, health improvement, N. A. Nechaev.

For citation: Veremenko, V. A., Stepanov, S. V. (2023). Dnevnik vospitatel'nitsy letney detskoj kolonii Peterburgskoy gorodskoy dumy v Luzhskom uyezde Sankt-Peterburgskoy gubernii uchitel'nitsy P. I. Shishiptorovoy: publikatsiya, vspitel'naya stat'ya, kommentarii [Diary of P. I. Shishiptorova, teacher of summer children's colony of St. Petersburg City Duma in the Luga district of St. Petersburg province]. *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 2. Pp. 213–226. (In Russ.). DOI 10.35231/25422375_2023_2_213

References

1. Veremenko, V. A. (2018) *Letnij organizovannyj ozdorovitel'nyj otdykh gorodskikh shkol'nikov v Rossii na rubezhe XIX–XX v.* [Organized summer recreation for urban schoolchildren in Russia at the turn of the 19th – 20th centuries] // *Stolica i provincii: problemy vzaimootnoshenij centra i regionov v istorii Rossii* [Capital and provinces: problems of relations between the center and regions in the history of Russia]. Materialy Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem / ed. V. V. Karpova. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Pp. 51–57. (In Russ.)
2. *Dvadcatipjatiletie nachal'nykh uchilishh goroda S.-Peterburga. 1877–1902: otchet Gorodskoj komissii po narodnomu obrazovaniju* (1904) [Twenty-fifth anniversary of the elementary schools of the city of St. Petersburg. 1877–1902: Report of the City Board of Public Education]. St. Petersburg: Tip. Shredera. (In Russ.)
3. Stepanov, S. V. (2023) *Letnie detskie kolonii dlja detej iz peterburgskikh semej vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.: organizacija, dejatel'nost' i sanitarno-bytovye uslovija* [Summer children's colonies for children from St. Petersburg families in the second half of the 19th – early 20th centuries: organization, activities and sanitary conditions] // *Stolica i provincii: vzaimootnosheniya centra i regionov v istorii Rossii* [Capital and provinces: the relationship between the center and regions in the history of Russia] Materialy XIV Vseros. nauch. konf. / ed. S. V. Stepanov. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University, Iss. 14. Pp. 154–160. (In Russ.)
4. Nechaev, N. A. (1897) *Dokladnaja zapiska v Gorodskuju komissiju po narodnomu obrazovaniju chlena Komissii N. A. Nechaeva i otchety o dejatel'nosti: Gorodskogo narodnogo letnego detskogo sada v S.-Peterburge na Prudkah i letnih detskih sanitarnyh kolonij* [Report to the City Commission for Public Education of the Commission member N. A. Nechaev and reports on the activities of: the City People's Summer Kindergarten in St. Petersburg on Prudki and summer children's sanitary colonies]. St. Petersburg: tip. Uchilishha gluhonemyh. (In Russ.)
5. Shhetinina, N. P., Belova, O. A. (2019) *Letnie detskie kolonii v Rossii v konce XIX – nachale XX veka i ih vlijanie na razvitie detej* [Summer children's colonies in Russia in the late 19th – early 20th century and their impact on the development of children] // *Modernizacija obrazovanija: problemy obshhego, srednego professional'nogo i vysshego obrazovanija* [Modernization of education: problems of general, secondary vocational and higher education]. Materialy XXVI Rjzanskih pedagogicheskikh chtenij / eds. L. A. Bajkovej, N. V. Martishinoj. Ryazan. Pp. 177–181. (In Russ.)
6. Kaminskij, V. B. (1906) *Drug zdravija. Jenciklopedija gigijeny i fiziko-dieticheskogo (fiziatricheskogo) pol'zovanija* [A friend of health. Encyclopedia of hygiene and physico-dietary (physiatric) use]. Kiev: Tip.-lit. T. G. Mejnandera. (In Russ.)
7. Veremenko, V. A. (2022) *"V zdorovom tele – zdorovyj um": fizicheskoe vospitanie i sport v stolichnoj dvorjansko-intelligentskoj srede Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* ["In a healthy body – a healthy mind": physical education and sports in the metropolitan noble and intellectual environment of Russia in the second half of the 19th – early 20th centuries] *Istoriya povsednevnosti – History of everyday life*. No. 3(23). Pp. 82–102. DOI 10.35231/25422375_2022_3_82 (In Russ.)
8. *Central'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Sankt-Peterburga (dalee – CGIA SPb)* [Central State Historical Archive of St. Petersburg (hereinafter – TsGIA SPb)]. F. 918. Op. 1. D. 2648.
9. *Ves' Peterburg: Adresnaja i spravochnaja kniga g. Sankt-Peterburga na... 1901 god* (1901) [All Petersburg: Address and reference book of St. Petersburg for ... 1901]. St. Petersburg. (In Russ.)
10. TsGIA SPb. F. 577. Op. 1. D. 6.

Поступила в редакцию 06.02.2023

Одобрена после рецензирования 13.03.2023

Принята к публикации 10.04.2023

Александр Николаевич Слпков
(1899–1937) 1937 г. (?)
© Wikimedia Commons

К статье Е. В. Никуленковой

Н. И. Бухарин со своими учениками.
Бухарин в центре. В верхнем ряду второй справа – А. Н. Слепков. © *Комсомольская правда*. 9 июля 1988

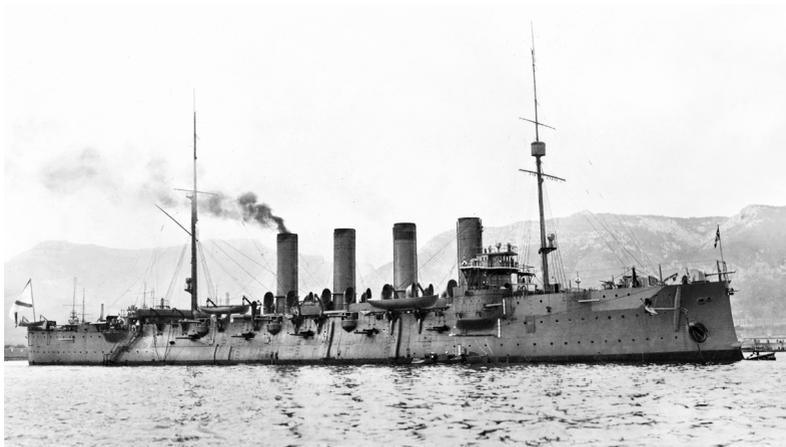
Члены бухаринской школы. Октябрь 1926 г. Нижний ряд: (слева направо) И. Краваль, В. Слепков; средний ряд: Д. Марецкий, А. Зайцев, Н. Бухарин, Я. Сгэн, А. Слепков; верхний ряд: Г. Марецкий, Д. Розит, А. Стецкий, А. Троицкий. © *Козн С. Бухарин. Политическая биография. 1888 – 1938. М.: Прогресс, 1988*

Александр Кузьмич Сивков (1892–1938) – флагман 1 ранга. © С. С. Близначенко. URL: <http://history.milportal.ru/sudba-komanduyushhego/>

Александр Кузьмич Сивков (1892–1938). Фото второй половины 1920-х гг. © Архив горвоенкомата Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Броненосный крейсер Россия. 1904–1917
© Собрание фотографий Н. Н. Афонина

О. К. Нечаева
© Ольга Константиновна Нечаева. 1860-1926: Сборник /
Под ред. Ек. Летковой-Султановой и И. М. Гревса. - Л.:
Кооп. изд-во «Время», 1928. - 155, [2] с.

Фото к публикации В. А. Веремко, С. В. Степанова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бизин Алексей Сергеевич, аспирант кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: Alex.bizin@gmail.com

Бобровников Владимир Вадимович, выпускник аспирантуры, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: vladimirbobrovnikov94@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7687-5167

Веремченко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: v.a.veremchenko@ya.ru; ORCID: 0000-0002-5217-5609

Годовова Елена Викторовна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация;
e-mail: godovova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5798-3413

Демьяненко Николай Николаевич, учитель истории, средняя общеобразовательная школа № 412 Петродворцового района Санкт-Петербурга имени М. А. Аветисяна, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: nik4-demyanenko@yandex.ru

Дубинин Игорь Владимирович, библиотекарь, Динский механико-технологический техникум; председатель, Динское районного отделения «Российского общества историков-архивистов», станица Динская, Краснодарский край, Российская Федерация;
e-mail: titlo@mail.ru

Иванцов Игорь Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, профессор 1 кафедры, Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С. М. Штеменко, Краснодар, Российская Федерация;
e-mail: IG23@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3820-3642

Казаров Саркис Суренович, доктор исторических наук, профессор кафедра археологии и истории Древнего мира, Южный Федеральный университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
e-mail: ser-kazarov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9284-3632

Кондаков Юрий Евгеньевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: urakon@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-9284-3632

Крылова Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *e-mail: hellennak@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2202-6482*

Мильбах Владимир Спартакович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: v.milbach@yandex.ru

Никуленкова Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: elena_na2004@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4831-4370

Пушкарева Наталья Львовна, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация;
e-mail: pushkarev@mail.ru; ORCID: 000-0001-6295-3331

Саберов Федор Константинович, заведующий кабинетом кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: tehnoportal@rambler.ru

Синова Ирина Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; старший научный сотрудник научно-образовательного центра краеведческих исследований, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: s-irina@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9109-2980

Степанов Станислав Вячеславович, кандидат филологических наук, зав. научно-образовательным центром краеведческих исследований, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Российская Федерация;
e-mail: kptloorg@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7113-5020

Тихомиров Никита Вадимович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры источниковедения, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Российская Федерация;
e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2808-3763

Штылева Мария Владимировна, аспирант, Центр гендерных исследований ИЭА РАН, Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация;
e-mail: mariashtyleva@yahoo.com; ORCID: 0000-0001-9800-1578

ABOUT AUTHORS

Bizin Aleksey S., Postgraduate Student of the Department of History of Russia, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: Alex.bizin@gmail.com

Bobrovnikov Vladimir V., Postgraduate, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: vladimirbobrovnikov94@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7687-5167

Demyanenko Nikolay N., History Teacher, Secondary School No. 412 of the Petrodvorets district of St. Petersburg named after M. A. Avetisyan, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: nik4-demyanenko@yandex.ru

Dubin Igor V., Librarian of the Dinsky Mechanics and Technology College; Chairman of the Dinsky District Branch of the Russian Society of Historians and Archivists, stanitsa Dinskaya, Krasnodar Territory, Russian Federation;
e-mail: titlo@mail.ru

Ivantsov Igor G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the 1st Department, Krasnodar Higher Military School named after General of the Army S. M. Shtemenko, Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: IIG23@yandex.ru

Godovova Elena V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History of Russia, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation;
e-mail: godovova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5798-3413

Kazarov Sarkis S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Archeology and History of the Ancient World, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: ser-kazarov@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-9284-3632

Kondakov Yury E., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: urakon@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-9284-3632

Krylova Elena N., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: hellennak@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2202-6482

Milbach Vladimir S., Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Military-Political Work in the Troops (forces), Mikhailovskaya Military Artillery Academy, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: v.milbach@yandex.ru

Nikulenкова Elena V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of History of Russia, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: elena_na2004@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4831-4370

Pushkareva Natalia L., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Women and Gender Studies Department, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: pushkarev@mail.ru ORCID: 000-0001-6295-3331

Saberov Fyodor K., Head of the Cabinet of the Department of Military-Political Work in the Troops (Forces), Mikhailovskaya Military Artillery Academy, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: tehnoptapor@rambler.ru

Sinova Irina V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, St. Petersburg State University of Economics; Senior Researcher at the Scientific and Educational Center for Local History Studies, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: s-irina@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9109-2980

Shtyleva Mariya V., Postgraduate, Women and Gender Studies Department, N. N. Mikluho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mariashstyleva@yahoo.com

Stepanov Stanislav V., Candidate of Philology, Head of the Scientific and Educational Center for Regional Studies, Associate Professor of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kptloorg@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7113-5020

Tikhomirov Nikita V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Source Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation;
e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID: 0000-0002-2808-3763

Veremenko Valentina A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: v.a.veremenko@ya.ru; ORCID: 0000-0002-5217-5609

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «История повседневности»

Материал должен быть представлен двумя файлами:

1. Статья и автореферат

Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 40 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,25 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в порядке упоминания) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

Автореферат

Автореферат содержит:

1. название статьи, информация об авторе – на русском и английском языках;
2. аннотация на русском и английском языках объемом 120–150 слов;
3. ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

2. Заявка на публикацию

Материалы, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала.

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %.

В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

Определите тип публикации:

- научная статья / Article – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- обзорная статья / Review – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- краткое сообщение / Short Communication – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

1. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

2. Определите шифр ГРНТИ: <https://grnti.ru/>

3. DOI присваивается редакцией после принятия статьи к публикации.

4. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты.
- **Аннотация.** Рекомендуемый объем 120-150 слов. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».
- **Ключевые слова.** 7–10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 2–4 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно

рассмотреть не менее 20 публикаций, треть из которых – зарубежные, индексируемые международными реферативными базами данных. Рекомендуется включить описание методики исследования, ее объекта и последовательности. Завершить введение следует формулировкой цели, задач и гипотезы исследования.

• **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы). При желании авторы могут добавлять тематические рубрики внутри статьи. В таком случае слово "результаты" опускается, а прописываются только авторские рубрики.

• **Выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.

• **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. NB! НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных ссылок).

• **Сведения об авторе.** В отдельном файле необходимо указать следующие данные на русском и английском языках:

- ФИО (полностью);
- Ученая степень;
- Ученое звание;
- Полное название организации без указания организационно-правовой формы;
- Город;
- Страна;
- Идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>);
- E-mail.

Внутритекстовые ссылки оформляются следующим образом:

- [3, с. 46] для ссылки на конкретную страницу источника в списке литературы.
- [5; с. 192–193] для ссылки на конкретный интервал в рамках источника в списке литературы;
- [8] для ссылки на источник в списке литературы в целом;
- [1; 6–8] для ссылки на ряд источников в целом в списке литературы.

Если авторов несколько, после текста статьи необходимо указать **личный вклад** в выполненную работу каждого соавтора. Порядок указания авторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Рисунки и таблицы

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится. Подпись к рисунку выравнивается по центру и размещается в тексте статьи.

Рисунки не следует вставлять в текстовый документ, поскольку при этом происходит потеря качества. Изображения должны быть представлены в редакцию отдельными файлами в следующих форматах:

- TIFF (300 dpi)
- PNG
- JPG/ JPEG

Исходные файлы изображений должны быть пронумерованы в соответствии с порядком упоминания в тексте. Диаграммы и графики, как и рисунки, представляются в вышеперечисленных форматах.

Пример наименования файла изображения: **01.jpg**

Если в статье предполагается использование нескольких изображений, автором самостоятельно создается архив с рисунками и направляется в редакцию. Предпочтительно использовать для архивации файлов программу 7-Zip: <https://www.7-zip.org/>.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

Правила оформления библиографического списка

Настоящие правила оформления списков источников и литературы (примечательных библиографических списков) основаны на требованиях ГОСТ Р 7.0.5-2008, регламенте представления журналов в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), требованиях высшей аттестационной комиссии Российской Федерации (ВАК).

Источники различных типов необходимо описывать следующим образом

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 6 авторов, то после 6-го автора необходимо поставить сокращение "..., и др." или "..., et al.". Внимание! запятая, разделяющая ФИО последнего автора и «и др.» или «et al.» – обязательна.

Недопустимо сокращать (или иным способом изменять) названия статей и названия журналов. Названия англоязычных журналов можно приводить в официальном (!) сокращении. Для поиска правильного сокращенного названия журнала можно использовать CAS Source Index, библиотеку WorldCat или каталог Web of Science (ISI), каталог названий базы данных MedLine (NLM Catalog). Если официальное сокращение названия журнала найти не удалось – необходимо указывать его полное название.

Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* (Digital Object Identifier – DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие doi у источника следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>. Для получения DOI нужно ввести в поисковую строку название источника на английском языке. Подавляющее большинство зарубежных журнальных статей с 2000 года и многие русскоязычные статьи (опубликованные после 2013 года) зарегистрированы в системе CrossRef и имеют уникальный DOI.

МОНОГРАФИЯ

- Езерский Н. Ф. Сельско-хозяйственные дружины учащихся средних учебных заведений. М.: Тип. «Крестного календаря», 1916. 20 с.
- Веременко В. А., Жукова А. Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 232 с.
- Сабенникова И. В., Гентшке В. Л., Ловцов А. С. Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2017. 403 с.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

- Дегтярева М. И. Александр Стурдза: консервативный реформизм и критика католической доктрины Жозефа де Местра // Вопросы философии. – 2013. – № 2. – С. 101-114.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI

- Веременко В. А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 320-354. DOI 10.20323/2499-9679-2021-4-27-93-101.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

- Зайцева С. В. Судьба незаконнорожденных детей и их матерей в российских городах во второй половине XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2-х т. / отв. редакторы: Н. Л. Пушкарева, Н. А. Гронская, Н. К. Радина. – М.: ИЭА РАН, 2018. – Т. 1. – С. 180–182.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ СТАТЕЙ

- Вашева И. Ю. «Церковные истории» поздней античности: социальные функции, смысл и назначение // Альманах по истории Средних веков и Раннего Нового времени: сб. науч. ст. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. – С. 5–18.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Оп. 3. Д. 513. Л. 2

МОНОГРАФИЯ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Puar J. The Right to Maim: Debility, Capacity, Disability. – Durham; London: Duke University Press, 2017. 296 p.

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Wenners C., Wold A. Nepotism and sexism in peer-review // Nature. – 1997. – Vol. 387. – No. 6631. – Pp. 341–343.

Примеры описания постраничных сносок

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

- История протестов и самоорганизации в образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://pedagog-prof.org/stati/istoriya-protestov-i-samoorganizatsii-v-obrazovanii/> (дата обращения: 30.05.2022).

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

- Historical Archives of the European Union. Available at: <https://www.eu.eu/en/academic-units/historical-archives-of-the-european-union> (accessed 20 June 2022).

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ АКТЫ

- Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

УЧЕБНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Пасечник С. В. Логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

- Идрисова Э. С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 193 с.
- Идрисова Э. С. Иностранцы военнопленные Первой мировой войны на Южном Урале в 1914–1921 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2008. 25 с.

Примеры оформления References

МОНОГРАФИЯ

- Abramov YA. V. (1900) *Nashi voskresnye shkoly. Ih proshloe i nastoyashchee* [Our Sunday schools. Their past and present]. Saint Petersburg: tip. M. Merkusheva. (In Russ.)

СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ

- Sinova I. V. (2016) *Deti trudyashchegosya naseleniya v gorodskom sociume vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Children of the working population in urban society in the second half of the 19th – early 20th centuries] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Bulletin]. No. 3 (52). Pp. 62–69. (In Russ.)

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

- Zajceva S. V. (2018) *(Sud'ba nezakonno-rozhdennykh detej i ih materej v rossijskikh gorodah vo vtoroj polovine XIX v. [The fate of illegitimate children and their mothers in Russian cities in the second half of the 19th century] // Gorozhanki i gorozhane v politicheskikh, ekonomicheskikh i kul'turnyh processah rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov [Urban women and citizens in the political, economic and cultural processes of Russian urbanization of the 14th–21st centuries]. Proceedings of the 11 international scientific conference RAIZHI and IEA RAS, 4–7 October 2018, Nizhny Novgorod. In 2 vols. Eds. N. L. Pushkareva, N. A. Granskaya, N. K. Radina. Moscow: IEA RAS. Vol. 1. Pp. 180–182. (In Russ.)*

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ СТАТЕЙ

- Vashcheva I. Yu. (2011) «Tserkovnye istorii» pozdnei antichnosti: sotsial'nye funktsii, smysl i naznachenie ["Church Histories" of Late Antiquity: Social Functions, Origin and Purpose]. *Al'manakh po istorii Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni* [Almanac on the History of the Middle Ages and the Early Modern Era]. Nizhny Novgorod: UNN. Pp. 5–18. (In Russ.)

Обратите внимание!

Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах. При обозначении интервала используется тире без пробелов (1941–1941 гг.; с. 1–10, но с поясняющими словами с пробелами: конец XIX – начало XX в.).

Кавычки должны быть внешние («...») и внутренние ("...").

Века и тысячелетия обозначаются римскими цифрами, при переводе на английский – арабскими. **Римские цифры** набираются с переклоением на латинскую клавиатуру: XIX –XX вв.

Буква ё/Ë заменяется буквой е/Е, за исключением иноязычных имен и фамилий.

Сокращения в тексте используются общепринятые, например: тысячелетие – тыс., век – в.; века – вв.; год – г.; годы – гг. и др. Возможны сокращения: др. (другие), т. п. (тому подобное), т. д. (так далее), т. е. (то есть), чел. (человек).

При оформлении статьи необходимо руководствоваться шаблоном, размещенном в разделе "Авторы" на странице журнала: <https://lengu.ru/mag/istoriya-povsednevnosti/avtoram-6>

Статья и заявка, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала everyday.history@lengu.ru

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 2 (26)

2023

Редактор **Л. М. Григорьева**
Технический редактор **Н. П. Никитина**
Верстальщик **Е. И. Ягин**
Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 05.06.2023. Формат 60x84 1/16.
Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 15.
Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)
Заказ №1873

На обложке размещена репродукция картины
И. П. Богданова-Бельского «Между занятиями»
(Между уроками), 1903 г.,
Новосибирский государственный художественный
музей, Россия

Адрес редакции
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя
196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru